

Российская объединенная демократическая партия
«ЯБЛОКО»
Фракция «Зеленая Россия»

И.В. ШУТОВ

**ОСТАНОВИТЬ ДЕГРАДАЦИЮ
ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ!**

Москва 2007

Рецензенты:

*Г.Н. Коровин, д-р сельскохозяйственных наук,
директор Центра по проблемам экологии и
продуктивности лесов РАН;*

*Н.А. Моисеев, действительный член Российской
академии сельхознаук.*

Ответственный редактор член-корр. РАН,
проф. А.В. Яблоков

Технический редактор Ю.Ф. Морозова

Шутов И.В.

Остановить деградацию лесов России! Изд. 2-е, расширенное и дополненное — М.: «Лесная страна», 2007. — XXX с. — ISBN

О том, как и в чьих интересах в России разрушают государственное лесное хозяйство, и что надо сделать, чтобы остановить деградацию этой важнейшей отрасли страны. Материал представлен в форме полемических очерков, со многими яркими примерами, историческими экскурсами, сравнениями положения в лесном хозяйстве разных стран. Рассчитана на экологов, политиков, работников лесного хозяйства, всех интересующихся судьбами русского леса.

ISBN

© Шутов И.В., тексты

© Обложка

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора

Введение

1. Горькая годовщина
2. Срочное и крайне важное дело
3. Кто обманул министра?
4. Госдума и правительство фактически разрешают воровать лес
5. Преодолеть синдром распада лесного хозяйства России
6. Зеленое богатство страны не безгранично и не вечно
7. России необходим профессионально-политический союз лесоводов
8. Что изменилось в лесном хозяйстве Литвы
9. Без лесного дохода нет лесного хозяйства
10. Лесное имущество: собственность, владение, аренда
11. Кто будет разорен в результате повышения цен на лес на корню?
12. Конструктивные споры приближают к истине
13. Нельзя подменять понятие «быть» стремлением «казаться»
14. Проект Лесного кодекса враждебен интересам России
15. Сила и слабости концепции нового Лесного кодекса
16. Комментарии к ответам сотрудника минэкономразвития В.В. Гаврилова на вопросы журналистки В.В. Ситниной, опубликованным в газете «Время новостей»
17. Ложка без сошки
18. Нужны ли тем, кто теперь управляет положением дел в лесах страны, ее лесное хозяйство и лесное опытное дело?
19. Как Министерство природных ресурсов и его Агентство по лесному хозяйству уничтожают лесохозяйственную науку и ее экспериментальные базы
20. Ошибки в методике определения лесосырьевого потенциала России — главная причина просчетов

правительства в конструировании лесной политики страны

21. Окончательное решение

22. Почему при пересказе публичных выступлений Президента России В.В. Путина главные каналы ТВ опустили почти все, что он сказал о лесном хозяйстве?

23. О дезинтеграции лесного хозяйства и лесов страны между субъектами РФ

24. Проигранная война?

25. Год минувший и год будущий

26. Открытое письмо президенту В.В.Путину «Об использовании высоких технологий при воспроизводстве лесов России»

27. Можно ли живым присутствовать на собственных похоронах?

28. Без открытых лесных аукционов нельзя войти в цивилизованный лесной рынок

29. Стратегические ошибки министра Ю.П.Трутнева в лесной политике

30. Государственная и (или) частная собственность на лес

31. Пока живы, надо работать для будущего (вместо заключения)

Приложение 1. Обращение общественных организаций по поводу проекта нового Лесного кодекса. (2004 г.)

Приложение 2. Заявление РОДП «ЯБЛОКО» по поводу вступления в силу нового Лесного кодекса (2007)

Предметный указатель

Именной указатель

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Говорят, Россия — это территория, где на горизонте всегда виден лес. Леса России составляют более четверти всех лесов планеты. Так было к началу XXI века, но очень скоро — через 10–15 лет, при продолжении выбранной государственной лесной политики, ситуация катастрофически изменится, и лес перестанет быть вечным восстанавливаемым природным ресурсом, *«основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории»* (статья 9 Конституции Российской Федерации).

Эта брошюра несколько отличается по форме от других брошюр серии — она составлена из ярких, насыщенных фактами и идеями публикаций российского лесоведа проф. И.В. Шутова, — замечательного трубадура Российского леса, — пронизанных болью и беспокойством за состояние и будущее российского леса, и содержащих конкретные предложения по всему спектру государственной политики в области лесного хозяйства. Большая часть этих публикаций появилась только в специальных изданиях, и — как и первое издание этого сборника (*«Деградация лесного хозяйства России»*, опубликованного в 2006 г. Санкт-Петербургским НИИ лесного хозяйства тиражом ... 100 экз.), — осталась практически неизвестной за пределами круга работников лесного хозяйства, хотя поднимаемые в публикациях проф. Шутова вопросы выходят далеко за рамки судьбы российского леса.

В Приложении даются некоторые документы, отражающие действия общественности, и, в том числе, — партии «Зеленая Россия» и созданной (после неудачи с регистрацией этой партии) — одноименной фракции в Российской объединенной демократической партии «ЯБЛОКО».

Сегодня российский лес — ключевой компонент всей экосистемы России, — в небывалой беде. Эта беда не

свалилась с неба, а создана властью, для которой приоритетом оказалась скоротечная прибыль, а не долгосрочные интересы России. Действия только ученых-лесоводов и других работников отрасли, только общественных организаций, только честных бизнесменов, только ответственных политических сил положения не спасут. Надо всем нам объединяться, чтобы остановить и повернуть вспять этот страшный для страны и большинства россиян процесс разрушения лесного хозяйства России.

О том, что и как надо делать для этого — настоящая книга.

Председатель фракции «Зеленая Россия»
Российской объединенной демократической партии
«ЯБЛОКО»,
Зам. Председателя партии
Проф. А. Яблоков

ВВЕДЕНИЕ

«Лесничий есть производитель, а не распределитель лесных благ. Задачей каждого государственного лесничего и всего казенного лесоуправления является выращивание возможно лучших и разнообразных лесов и получение постоянного и возможно более высокого лесного дохода, используемого правительством в интересах всего населения страны и самого лесного хозяйства».

Из книги проф. М.М. Орлова «Об основах русского государственного лесного хозяйства». — Петроград, 1918

В течение последних лет лесное хозяйство России не вошло в цивилизованные товарно-денежные (рыночные) отношения. Вместо этого продолжается раздача лесов лесозаготовителям под видом псевдоаренды за установленную административным путем усредненно-заниженную плату, не имеющую ничего общего с рыночными ценами, корреспондирующимися с качеством древесины и местом нахождения отведенных в рубку лесосек. В итоге отрасль остается глубоко убыточной, формируемый в лесхозах и лесничествах государственный лесной доход — резко заниженным.

В силу неких причин государство не принимает действенных мер к увеличению своего лесного дохода, за счет части которого могли бы решаться стратегические задачи в нашем государственном лесном хозяйстве, ориентированном на обеспечение многих поколений граждан страны неубывающим количеством ценной древесины и других лесных благ.

Одновременно в доступных для промышленной эксплуатации лесах страны интенсифицируются объемы и способы

легального и нелегального лесопользования, ускоряющие истощение запасов древесины хвойных и других ценных пород. Становятся реальностью высказанные проф. Г.Ф. Морозовым без малого 100 лет тому назад опасения, что лес окажется (уже оказался!) в положении заключенных в недрах земли полезных ископаемых, которые используют, пока выгодно, а потом просто забрасывают.

В государственной лесной политике усилилось влияние лесозаготовителей, энергично отстаивающих свои тактические интересы в ущерб стратегическим интересам государства. Принятый в 2006 году и вступивший в силу в 2007 году новый Лесной кодекс усилил и закрепил указанный дисбаланс интересов. В сумме все эти новации неизбежно ведут к ликвидации государственного лесного хозяйства, к тому, чтобы передать львиную долю полномочий по распоряжению лесным фондом тем, чья деловая (коммерческая) активность сосредоточена в сфере вырубки лесов.

Все это, конечно, увеличит сиюминутные доходы и прибыли лесопромышленников, чего они теперь добиваются с такой настойчивостью. Однако, те из них, кто ответственно относится к своему будущему, не могут не понимать, что это пиррова победа, что она окажется, в конечном счете, их поражением по причинам невозможности сокращения доступных эксплуатационных запасов древесины, ее ценности как сырья, вызванным трансформацией биологического разнообразия лесов, многих негативных изменений в условиях среды и экономического паралича оставшихся без требуемого сырья крупных предприятий по переработке древесины.

В лесном комплексе страны должны быть задействованы помимо правительства, обязанного выполнять роль судьи и дирижера, две уравновешивающие друг друга силы: первая — федеральная служба лесного хозяйства, ответственная за все, что происходит в наших лесах, и вторая — союз, или совокупность, предприятий лесной промышленности, использующих производимое в лесах сырье. Обеспечить такой баланс экономических интересов и политических сил непросто.

В настоящее время стрелка внутривластных весов России отчетливо свидетельствует о том, что в лесной политике государства имеет место резко выраженный крен в

пользу тактических, а не стратегических интересов. Это уже привело к почти полному разгрому лесного хозяйства России. Данная ситуация таит в себе реальную опасность для будущего страны. Об этом предупреждают такие всемирно известные лесоводы, как академик А.С. Исаев, президент Общества лесоводов России, действительный член РАСХН А.И. Писаренко, директор Международного института леса проф. Г.Н. Коровин, директор ВНИИЦлесресурса проф. В.В. Страхов, действительный член РАСХН проф. Н.А. Моисеев, заслуженные деятели науки РФ профессора В.Г. Мозолевская и А.С. Тихонов, проф. В.Ф. Цветков, многие другие ученые, а также такие видные практики как В.Ф. Парфенов, журналисты Г.М. Надарейшвили и В.М. Песков, лидеры авторитетных неправительственных природоохранных организаций А.Ю. Григорьев, А.Ю. Ярошенко, В.П. Захаров и многие другие. Можно утверждать, что сейчас нет ни одного авторитетного специалиста лесного хозяйства, который был бы согласен с современными тенденциями развития отрасли.

К сожалению, власть перестала слышать голос специалистов. В этой тревожной ситуации надо максимально широко привлечь внимание общества к тому, что происходит в лесном хозяйстве России.

В книгу включены статьи и публицистические выступления автора последних лет, раскрывающие проблемы лесного хозяйства и лесной политики России. В отдельных местах они дублируют друг друга, в связи с чем автор приносит свои извинения читателям. В основу издания положены сборник статей «Разрушение и воссоздание лесного хозяйства России» (Труды Санкт-Петербургского НИИ лесного хозяйства, выпуск 6 (10), 2003). Настоящее издание является фактически вторым, расширенным и дополненным, изданием сборника «Деградация лесного хозяйства России», опубликованного в 2006 г. Санкт-Петербургским НИИ лесного хозяйства.

Все критические и конструктивные замечания автор просит пересылать по адресу:

194021, Санкт-Петербург, Институтский пр., д. 21,
СПбНИИЛХ, Шутову И.В.

1. ГОРЬКАЯ ГОДОВЩИНА

Четыре года тому назад захватившие власть в стране либералы-дилетанты, не видевшие разницы между живым лесом и мертвыми полезными ископаемыми, уговорили молодого Президента России издать указ №867 от 17.05.2000 г., упразднивший профессиональную Федеральную службу лесного хозяйства страны.

Основанная 200 лет тому назад государем Павлом I Лесная служба такой гигантской страны, как Россия, возникла, естественно, не как мифическая Афродита. Многие годы ее строили и совершенствовали лучшие умы и специалисты своего дела. В итоге то, что было построено, позволило стране: а) сохранить большую часть своих лесов в обжитых регионах страны, б) сделать государственное лесное хозяйство не только высокодоходной, но и высокоприбыльной отраслью, в) уверенно занять по массе и валюте 1-е место в мире в сфере экспорта изделий из пиленой древесины.

Как во всякой долго работающей системе, в структурах лесной службы России не могли не возникнуть те или иные «шумы». Она требовала ремонта. Но о нем в 2000 г. почему-то даже не вспомнили. Все случилось вообще без участия лесоводов, без необходимой подготовки, как выстрел в ночи или внезапный пожар. Чтобы остановить то, что теперь происходит в лесах, доступных для эксплуатации, нужны уже не слова и указы, а армейские группы, способные положить конец их грабежу и распродаже по дешевке в сопредельные страны.

Думая обо всем происходящем, нельзя не задать вопрос первому лицу в стране. Как он, Президент, мог быть подвигнут на всю эту нелепость, по сравнению с которой объединение Московского зоосада и Питерского геологического музея в некий «управленческий» комплекс могло бы выглядеть всего лишь детской шалостью? С большой долей уверенности можно предполагать, что ликвидация нашего лесного хозяйства и недавно происшедшее превращение лесоводов в неких агентов и агентесс МПР не обошлось без дилетантов из Государственной Думы, в составе которой (в силу, видимо, некого

«чуда») нет ни одного профессионального лесоведа. Принятый Государственной Думой в 1997 г. «Лесной кодекс РФ» вызвал в стране повальное воровство леса, часто — неприкрытое, просто берут и не платят, в других случаях — как бы «под крышей» специально сфабрикованных законов и нормативов. О лесном воровстве и других бедах отрасли многократно писали и говорили уважаемые в стране люди, хорошо знающие наше лесное хозяйство, в том числе академики и профессора А.С. Исаев, Д.П. Столяров, Г.Н. Коровин, Н.А. Моисеев, В.Н. Петров, А.Ф. Чмыр, А.И. Петров, Г.И. Редько, И.В. Шутов и многие другие. Однако ни на один из поставленных в выступлениях вопросов и заявленных протестов Президент ответа не дал. Почему?

На основе общения со своими коллегами хочу сказать, что мы, лесоводы (или очень многие из нас), хотим:

* чтобы действующие в стране органы власти поняли, что лесное хозяйство есть родная сестра сельского, а не добывающих отраслей, которые, как инопланетяне, просто не понимают нас в силу своей профессиональной ориентации на извлечение из недр России ее мертвых ископаемых богатств;

* чтобы не происходила ликвидация лесхозов, лесничеств и других структур лесного хозяйства, пока не будут надежно проверены на практике и в разных условиях предлагаемые нелесоведами новые варианты организации лесного хозяйства России;

* чтобы Президент, Правительство и Государственная Дума России помогли вхождению лесного хозяйства — вместе со всей страной — в нормальную социально ориентированную рыночную экономику. Для этого нам должно быть возвращено отнятое в прошлом право формировать лесной доход государства (как собственника лесов) в результате продажи на открытых торгах (аукционах) отведенных в рубку лесосек, при которой в лесничествах происходило бы не умаление, а увеличение ценности оставляемых лесов как капитала, положенного в банк;

* чтобы в условиях честных открытых торгов лесом на корню четко соблюдались, как минимум, два неперемных правила, в том числе:

1). отведенный в рубку лес получает тот, кто умеет лучше

работать и может больше заплатить за него, и

2). по согласованному решению структур местной и вышестоящей власти преимуществва в покупке леса и необходимые для этого кредиты получает в первую очередь тот, кто будет заниматься переработкой купленной древесины в самой России, а не занимается продажей ее как дешевого сырья в другие страны. Вопрос о компенсации недополученных в этом случае сумм лесного дохода должен решаться, по нашему мнению, за счет особых ассигнований, выделяемых государством для развития данной территории.

* чтобы все леса Российской Федерации в соответствии с единогласной резолюцией I съезда лесоводов в 1917 г. оставались в собственности государства и чтобы оно, как собственник, в полной мере могло бы распоряжаться полученным лесным доходом и прибылью отрасли в интересах всех своих граждан;

* чтобы государство, оставаясь собственником лесов, могло по договорам выделять определенные лесные территории крупным ЦБК и КЛП в возмездное владение для ведения комплексной хозяйственной деятельности, но обязательно без каких-либо перепродаж и дробления самих хозяйств. Условия таких договоров должны в каждом случае согласовываться с руководителем нашей отрасли и министром финансов;

* чтобы профессия лесоведа как производителя лесных ресурсов и само понятие «лесное хозяйство» не остались бы только в прошлой истории России, но вновь приобрели свое былое содержание и высокий смысл служения стране и своему долгу;

* чтобы проект нового Лесного устава России был подготовлен не дилетантами, а авторитетными и хорошо известными (по именам) лесоведами и экономистами; чтобы до рассмотрения в Государственной Думе этот документ могли прочесть и обсудить не только имеющие личный интерес депутаты, но все граждане страны, являющиеся собственниками ее лесов;

чтобы в Санкт-Петербурге, нашей первой лесной столице, перед парадным входом в первый лесной вуз страны был поставлен памятник лесничим и лесоустроителям, на чьих

плечах, как на плечах атлантов, стояло и стоит лесное хозяйство России.

Газета «Новый Петербург», 2004, № 31.

2. СРОЧНОЕ И КРАЙНЕ ВАЖНОЕ ДЕЛО

В «Российской лесной газете» №31 за 2004 г. приведено высказывание Председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ С.М. Миронова о необходимости усиления влияния государства на процессы, происходящие в лесном комплексе страны, о важности решения экономических проблем лесного хозяйства и, в частности, о том, что помимо Лесного кодекса Россия остро нуждается в Национальной лесной программе, по примеру существующих в других странах мира.

То, что данная точка зрения принадлежит одному из первых лиц государства, имеет исключительно важное значение для нашей отрасли. Более того, мы считаем, что разработка и утверждение Национальной лесной программы России, в которой были бы сбалансированы экономические и экологические интересы всех субъектов лесных отношений, должно предшествовать обсуждению в Государственной Думе проекта нового Лесного кодекса России.

С учетом вышеизложенного предлагаю следующее.

* От имени Министерства природных ресурсов незамедлительно официально объявить открытый конкурс на разработку проекта Национальной лесной программы России.

* Предусмотреть в условиях конкурса, что число его участников не лимитируется и что его победителями могут быть не один, а, по меньшей мере, три творческих коллектива, представляющих интересы:

- а) государственного лесного хозяйства России;
- б) предприятий лесной промышленности;
- в) государственных и общественных структур, концентрирующих свое внимание на экологических аспектах лесохозяйственной и лесопромышленной деятельности в лесах России.

* Для подведения итогов конкурса и для рассмотрения проектов Национальной лесной программы России заранее создать авторитетную комиссию, в составе которой, на основе паритета, были бы представлены отечественные и зарубежные специалисты всех вышеуказанных групп субъектов лесных отношений.

* Предусмотреть в условиях конкурса необходимые ассигнования, сжатые сроки выполнения работ (например, три месяца) и открытые условия подведения итогов конкурса (в частности, возможность участия руководителей творческих коллективов в защите своих вариантов проекта Национальной лесной программы, а также публикации разработанных проектов в печати для широкого обсуждения).

«Российская лесная газета», 2004, № 33.

3. КТО ОБМАНУЛ МИНИСТРА?

В «Российской лесной газете» (2004, №34), со ссылкой на агентство ИТАР-ТАСС, помещена статья «В лесу будет хозяин». В ней сообщается о том, что министр природных ресурсов Ю.П. Трутнев якобы сказал о том, что в Финляндии успешно («поучительно») работает механизм сдачи лесов лесопромышленникам в долгосрочную аренду.

Если ИТАР-ТАСС не ошиблось, считаю своим долгом уточнить: министра ввели в заблуждение. В Финляндии лес в аренду не сдают, но реализуют (продают) в рубку по достойным корневым ценам — от 15 до 45 евро за 1 м³ (в зависимости от качества древесины, размеров деревьев и их местонахождения). В отличие от России, финны, я уверен, немедленно отправили бы в отставку правительство и парламент, если бы те попытались заставить сотни тысяч граждан-лесовладельцев своей страны сдавать леса за символическую плату в какую бы то ни было аренду (т.е. во временное пользование) с тем, чтобы затем получать их от арендаторов обратно в виде пней или остатков древостоев, лишенных реальной коммерческой ценности.

Высокую доходность лесного хозяйства Финляндии и должный порядок в ее лесах обеспечивают взаимодействующие там три главные силы. Ими являются:

* Союз лесовладельцев, заинтересованный, в частности, в высоких ценах на лес на корню;

* Союз лесопромышленников, заинтересованный прямо в противоположном;

* Министерство сельского и лесного хозяйства, выступающее не только как арбитр в спорах между названными союзами, но и в качестве истца, пресекающего действия разных субъектов (в том числе и в их собственных лесах!), если эти действия противоречат общегосударственным интересам. Для этого Министерство располагает реальной административно-юридической силой, опирающейся на три содержательных документа: подписанные Президентом Закон и Указ о лесе (1996), а также постановление Министерства сельского и лесного хозяйства о применении закона о лесе (1997).

В названных документах кратко и недвусмысленно определено, как можно и нужно вести лесное хозяйство в лесах всех видов собственности, и еще о том, что несправедливо полученные в лесах страны доходы подлежат конфискации, а виновные в таких действиях могут получить 2 года тюрьмы.

Из имеющихся в лесном комплексе Финляндии трех жестко взаимодействующих друг с другом структур общенационального масштаба в России есть только две: 1) Союз лесопромышленников и лесозэкспортеров — весьма мощная в политическом и экономическом отношениях организация и 2) недавно воссозданный в составе МПР Рослесхоз — учреждение, финансируемое из государственного бюджета и призванное, как можно понять, блюсти экономические и иные интересы лесного хозяйства и самого государства как собственника лесов страны. Смогут ли чиновники нового Рослесхоза преодолеть мощное стремление лесозаготовителей к тому, чтобы и впредь, как в советское время, получать лес в рубку по символической или нулевой цене, а также рубить его так, чтобы максимизировать свои доходы? Боюсь, что далеко не всегда.

Думать так заставляет не меняющийся принципиально разный экономический уклад взаимодействующих сторон: у

лесопромышленников — рыночный (эффективный), а у лесного хозяйства — бюджетно-административный (малоэффективный). К сказанному нужно добавить еще то, что в настоящее время в стране происходит примерно то же, что было раньше в СССР — энергичное внедрение в структуры государственного лесного хозяйства (не только на местах, но и в центре!) людей, тесно связанных с приватизированными предприятиями лесной промышленности и, конечно, с их интересами.

Чтобы не быть голословным, приведу всего лишь один пример. Так, один из руководящих деятелей быв. Минлеспрома СССР, доктор технических наук, заслуженный работник лесной промышленности Б.М. Большаков почему-то вдруг оказался в недавно созданном Рослесхозе МПР на весьма ответственном посту заместителя руководителя. Более того, уже 16 августа с. г. в соответствии с распоряжением Председателя Правительства РФ Б.М. Большаков был назначен, уже как лесовод, в Межправительственный совет по лесопромышленному комплексу и лесному хозяйству. Можно ли сомневаться в том, чьи интересы будет отстаивать в этом совете заслуженный работник лесной промышленности?

Чтобы не разрушить то, что теперь в МПР только-только начали «склеивать», повторю еще раз сказанное недавно Председателем Совета Федерации Федерального собрания РФ С.М. Мироновым: в стране должна быть разработана и задействована имеющая силу закона Национальная лесная программа России. С моей точки зрения, именно в этой программе с исчерпывающей ясностью должна быть определена суть экономических реформ в лесном хозяйстве, благодаря которым оно сможет снова стать не только доходным, но и высокоприбыльным. Здесь же должны быть определены пути поиска взаимовыгодного баланса экономических интересов всех групп субъектов лесного комплекса.

Естественно, что новый Лесной кодекс РФ должен появиться непременно в развитие Национальной лесной программы, т.е. уже после того, как будут найдены решения упомянутых выше принципиальных задач.

Газета «Новый Петербург», 2004, № 45.

4. ГОСДУМА И ПРАВИТЕЛЬСТВО ФАКТИЧЕСКИ РАЗРЕШАЮТ ВОРОВАТЬ ЛЕС

Недавно в печати появилось сообщение о том, что МПР проводит эксперимент по использованию космических снимков и аэрофотоснимков для поиска мест самовольных рубок леса.

В принципе вышеуказанное можно приветствовать как современный способ получения информации о том, что происходит в тех лесах, которые доступны для доходной лесоэксплуатации.

Однако нельзя не задать авторам данного предложения вопрос о том, что они предполагают делать дальше, после того как места самовольных рубок определены и даже названы, предположительно, те, кто ведет такие рубки? Просто для того, чтобы пожурить, пригрозив пальцем?

Среди издаваемых в России газет трудно найти такую, в которой не публиковались бы сообщения о воровстве леса, т. е. о вырубке и продаже деревьев по псевдо-законным разрешительным документам или вообще без них. Теперь в лесной криминальной сфере «крутятся» сопоставимые с официальной сферой количества древесины и денег. Постоянно пополняемым итогом всего этого является прогрессирующее истощение доступных для эксплуатации лесов и непоступление в доход государства сумм, измеряемых миллиардами рублей.

Работающие в государственных структурах люди, «кому за державу обидно», предлагали и предпринимали те или иные меры к тому, чтобы сдерживать криминальные потоки древесины, уплывающей из Русского леса. На уровне отдельных лесхозов ценою здоровья, а подчас и самой жизни людей (вечная им память!), эти меры иногда приводили к сокращению масштабов воровства леса. Однако в стране в целом и в ее «лесных» регионах ситуация по-видимому не улучшается.

В средствах массовой и немассовой информации назывались многие причины хищения леса, например: нищета населения, безработица, отобранное у лесной охраны право на

реальное использование огнестрельного оружия для силовой защиты вверенного ей леса, ликвидация самой лесной охраны, высокий уровень коррумпированности работников государственных структур, имеющее место изъятие правительством у лесхозов 100% (!) выручки от аукционных продаж леса на корню, вызванное названной и другими причинами отрицательное отношение многих органов власти на местах к лесным аукционам, очевидная заинтересованность своих и иностранных фирм в приобретении более дешевой краденной древесины, наличие у воров высокопроизводительных лесосечных машин и мощных лесовозов, почему-то не подвергаемых конфискации при арестах и т. д.

Названные причины воровства леса реальны. В совокупности они являют собой сложный конгломерат причинно-следственных связей. По-моему мнению, чтобы распутать этот клубок, необходимо найти главную причину и уже затем браться за остальные. Предполагать наличие именно такой главной причины позволяет следующее обстоятельство, а именно: присутствие в местах лишения свободы сотен тысяч людей, осужденных отнюдь не за кражу леса, а за воровство всевозможных иных видов имущества разных форм собственности. Логично спросить: почему лес оказался в таком исключительном положении? Ответ на этот вопрос удалось найти в ниженазванных законах, принятых Государственной Думой и Советом Федерации России.

В ст. 19 Лесного кодекса (1997 г.) сказано четко: все леса страны являются федеральной собственностью. Запомним этот архиважный пункт закона.

В Уголовном кодексе РФ (1996), в гл. 21 читаем о том, что есть преступления против собственности. В разных статьях этой главы, в частности, сказано:

* в ст. 158: *«Кража есть тайное хищение чужого имущества, совершенное одним лицом или группой лиц»*. Далее там же разъяснен смысл слова «хищение». Это — безвозвратное изъятие чужого имущества с корыстной целью в пользу свою или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу. Наказывается лишением свободы на срок до 10 лет;

* в ст. 161: *«Грабеж — открытое хищение чужого*

имущества, совершенное с применением насилия или без такового». Наказание — до 12 лет;

* в ст. 162: «Разбой — нападение с целью хищения чужого имущества с использованием насилия, опасного для жизни и здоровья людей». Наказание — до 12 лет.

Учитывая вышесказанное, казалось бы не должно возникать вопросов о том, что есть воровство леса и как оно должно пресекаться. Более того, в официальных Комментариях (1997) к Уголовному кодексу РФ, коими призваны руководствоваться правоохранительные структуры, недвусмысленно сказано:

* «Право собственности — это вещное право на имущество в виде предметов материального мира, имеющих натуральные физические параметры» (с. 326-327);

* «Все виды преступлений, связанных с хищениями собственности, есть посягательство на сам общественный базис Российского государства» (с. 8).

Со ссылкой на конституцию РФ (ст. 8, п. 2) и на Гражданский кодекс РФ (ст. 213, 214 и 215), а также в его Комментариях (с. 8 и 325) четко сказано о том, что разные формы собственности (т. е. федеральная, субъектов федерации, муниципальных образований, частных и юридических лиц) подлежат одинаковой охране с позиции уголовно-нормативного законодательства.

Леса России — федеральная собственность, и они, конечно, являются одним из предметов материального мира. Соответственно защита лесов от воровства должна быть обеспечена в соответствии со ст. 158, 161 и 162 Уголовного кодекса России. Все как бы ясно. Однако эту «ясность» тут же перечеркнули другие статьи вышеназванных и иных основополагающих документов, выступающих уже в роли индульгенций для лесных воров.

Так, вместо привлечения лесных воров к уголовной ответственности ст. 85 Лесного кодекса подменяет эту ответственность более чем странным требованием «возмещения потерь» в порядке, определяемом почему-то Правительством РФ. Находим этот «порядок» в постановлении Правительства РФ №388 от 21.05.01 г. Выглядит он в виде такс. В соответствии с ними виновный наказывается двояко: а) по п. 3 — за «незаконную порубку ...» — взысканием 50-кратной

стоимости древесины, исчисленной по ставкам лесных податей, и б) по п. 6 — за «незаконное присвоение (хищение) древесины, срубленных с корня деревьев» — взысканием «25-кратной стоимости присвоенной (похищенной) древесины, исчисленной по ставкам лесных податей».

Чтобы сделать вышесказанное общепонятным, поясню его на примере Ленинградской области. Здесь лесных воров наказывали штрафом, в среднем около 350 руб. за 1 м³. И все это при средней же величине попенных цен в соседней Финляндии, например, на древесину сосны, от 14 евро за 1 м³ балансов и до 46 евро за 1 м³ пиловочных бревен*. Вот и взвесьте тяжесть вышеназванного наказания, да еще учтите, что воров ловят не каждый раз.

Внес свою лепту в указанную индульгенцию и Кодекс РФ об административных правонарушениях (2001 г.). В ст. 8.28 читаем: «Незаконная рубка ... деревьев ... влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 10 до 15 МРОТ^{ов}». «Тяжесть» этого штрафа можно сделать более понятной, если умножить ее на 100 руб., что соответствует величине 1 МРОТ, используемой при оформлении различных штрафов**.

Самое же удивительное удалось обнаружить в самом Уголовном кодексе РФ. Вопреки сказанному в гл. 21 («Преступления против собственности»), читаем в его ст. 260: «Незаконная порубка деревьев ... наказывается штрафом в размере от 50 до 100 МРОТ». Лишь при отягчающих обстоятельствах статья грозит виновным лишением свободы на срок до двух лет.

Процитированные тексты как бы говорят правоохранительным органам о том, что воровство леса — это вовсе и не воровство, а некое нарушение правил, что-то вроде превышения скорости на дороге.

Пренебрежительное отношение к лесу как к федеральной собственности можно увидеть и в постановлениях Правительства РФ — от 24.03.1998 г., №345 («Положение об аренде

* См. Finnish Statistical Yearbook of Forestry, 2002, Metla, p. 158 (данные за 2001 г.).

** Федеральный закон «О минимальном размере оплаты труда», п.5, 2002., июнь, №82-ФЗ.

участков лесного фонда», п. 29) и от 1.06.1998 г., №551 («Правила отпуска леса на корню ...», п. 69-в). Оба документа фактически разрешили то, что в других странах вообще не разрешают, а именно: в ряде случаев под теми или иными предложениями бесплатно (sic!) изымать древесину, имеющую вполне реальную и даже высокую рыночную цену, из лесов, еще не достигших официально установленного возраста спелости.

Реализация на практике вышеназванных и иных директивных документов вызывает, в частности, следующее:

- * «замораживание» и даже падение объемов платного главного пользования лесом в результате его подмены бесплатным «промежуточным»;

- * снижение запасов древесины и реальной ценности древостоев на площадях, предназначенных для проведения рубок платного главного пользования лесом;

- * сдерживание роста объемов высоковыгодных для государства продаж леса на корню на открытых аукционах (где он попадает в руки тех, кто умеет работать лучше и может больше за него заплатить), при одновременном широком распространении так называемой «сдачи» лесов в убыточную для государства псевдоаренду;

- * почти повсеместное превращение традиционных рубок ухода за лесом в хищнические «рубки дохода».

Взятые в совокупности упомянутые законы и нормативные документы по сути дела «вывели» хищение леса из-под юрисдикции 21-й главы УК РФ, что и предопределило неадекватное отношение к этому виду воровства со стороны тех, кого оно касается. В итоге, например, в Ленинградской обл., по данным отдела защиты и охраны леса ГУИР, из выявленных в 2002 г. 617 случаев самовольной рубки (хищения) леса суды приняли к производству только 420 дел и вынесли лишь 35 обвинительных заключений.

Естественен вопрос, что является скрытой причиной всего этого?

Предположительный ответ можно найти в упоминавшейся книге «Комментарии к УК РФ» (1997). В ней, вопреки сказанному на стр. 8, 325, 326, 327, 328 и др. о сути и значении преступлений против собственности излагается более чем

странная мысль о том, что цена похищенного, необходимая, как можно понять, для определения меры наказания, должна устанавливаться (sic!) не на рынках сбыта, а по количеству «общественно необходимого труда, наделяющего его (похищенное) сущностным экономическим свойством меновой стоимости». И еще: предметами хищения могут быть вещи, аккумулировавшие в себе «овеществленный или «живой» труд» и в силу этого обладающие стоимостью.

С позиции здравого смысла вышесказанное является рецидивом подмены реальных рыночных цен на предметы материального мира и самой рыночной экономики заумными словосочетаниями, почерпнутыми из нашего недавнего прошлого. С их помощью, как мы видим, можно даже доказать (было бы желание!), что лес на корню это не материальный объект и не имущество, имеющее рыночную цену в виде десятков долларов США за 1 м³, а нечто виртуальное, к чему само слово «воровство» вообще не имеет отношения.

В заключение приходится с огорчением констатировать, что корни массового воровства леса находятся в питательной среде, образовавшейся вследствие низкого качества законов, принятых Федеральным собранием. Несовершенство имеющих отношение к лесу законов таит в себе опасность не только для лесного сектора экономики, но и для страны в целом.

На предстоящих выборах в наш парламент каждый, кто имеет отношение к лесным проблемам и заинтересован в том, чтобы леса России оставались вечным источником сырья и множества других благ, именно каждый должен семь раз подумать, прежде чем поддержать ту или иную партию или персону, из числа заявивших о своем желании быть нашим законодателем. То, как ведет себя человек в лесу и как он относится к воссозданию правильного и высокодоходного лесного хозяйства страны, часто позволяет узнать о нем больше, чем сообщают его ходатаи и анкеты.

*(«Российская лесная газета», 2003, № 16;
журнал «ЛесПромИновация», 2005, № 5(7)
под названием «Индальгенция для лесных
воров», с. 4-5; «Лесная газета», 2005, № 18).*

5. ПРЕОДОЛЕТЬ СИНДРОМ РАСПАДА ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ

Эта статья подготовлена с надеждой на то, что ее содержание станет известно не только какой-то части читающих людей, но также субъектам законодательной и исполнительной власти, от которых зависит принятие решений, позволяющих изменить то, что происходит в наших лесах.

Как подчеркивал классик отечественного лесоводства проф. Г.Ф. Морозов, лес не терпит анархии. Продолжительность жизни наших главных древесных пород — сосны, ели, лиственницы, кедра — в несколько раз превышает продолжительность деятельной жизни человека. Лесу нужна стабильность и порядок, чтобы он мог жить и делиться с нами множеством своих благ не только сегодня, но и потом, обеспечивая с помощью лесоводов свою непрерывную и полноценную ротацию. Однако о каком порядке в лесу можно говорить, если само управление единым лесным хозяйством страны, раздробленное между разными субъектами права и многими функционерами, превращено теперь в подобие мифологической медузы, каждая из голов которой озабочена только своим аппетитом!?

Кроме лесничих, работников лесхозов и стоящих над лесхозами учреждений, в лесах России теперь фактически командуют: структуры местной власти — от губернаторов до муниципалов, структуры Главохоты, почему-то полагающие своей собственностью обитающих в наших лесах зверей, являющихся, как известно, неотъемлемой частью лесных экосистем, а также легальные и обладающие реальной силой нелегальные лесозаготовители, по отношению к которым лесничие и их семьи поставлены в жесткую зависимость. Добавьте к сказанному еще нередкое появление разных, в том числе небескорыстных контролеров. Все это и многое недосказанное, что связано с присвоением леса как государственной собственности, позволяет понять лесоведам, почему ежегодно из сотен выпускников лесохозяйственных факультетов разных вузов и техникумов только единицы готовы связать

свою жизнь с работой в лесхозах. Да и то это обычно имеет место в случаях, когда там служат и живут их родители.

Еще о грустном. Если судить примерно по 20 равно дефективным вариантам проекта нового Лесного кодекса, скрытно подготовленным и изданным анонимными дилетантами в ведомстве г-на Грефа, дезинтеграция государственного лесного хозяйства России может быть не только продолжена, но и доведена до конца, если, конечно, кто-то не остановит запущенный механизм его распада.

Никогда еще государственным лесам России не было так плохо, как сейчас. Под звуки надрывного воя лесосечных машин теперь их не истребляют только ленивые. Продолжают пилить те, кто из поколения в поколение, как крестьяне в поле, зарабатывают себе на жизнь тяжелейшим трудом на лесосеках. Рубят, обуянные бесом корысти, люди в штатском и в форме разных ведомств, депутаты и губернаторы, новорусские и иностранные бизнесмены, чиновники разных уровней, вчерашние офицеры, инженеры и обыкновенные воры. Последние, как правило, действуют сами. Другие — только организуют «рабочий процесс», действуя под «крышей» пролоббированных ими в Государственной Думе удобных им статей Лесного кодекса (1997), поправок к нему (2004), постановлений Правительства и иных властных структур, а также различных ООО, зарегистрированных на свои и иные имена. По этому поводу не могу попутно не напомнить о том, что еще в XIX веке в России действовало мудрое правило: увольнять с волчьими билетами тех, кто в корыстных целях использовал свою службу в государственных структурах в интересах собственной предпринимательской деятельности.

Можно ли в этих условиях навести порядок в государственных лесах России, которые были и все еще считаются общенародной собственностью?

Не потеряв остатки оптимизма, отвечаю на этот вопрос: да. Говорю так, опираясь на происшедшие недавно события и оговаривая это «да» перечисленными ниже условиями.

Одно из этих условий — сохранение и развитие в стране свободы печати. При всех недостатках СМИ, они ускоряют течение политических процессов в нашем обществе. Они же позволяют людям зримо представить себе то, что происходит в наших лесах.

В СССР печатали, конечно, не все. Но на опубликованные критические статьи тогда надо было отвечать «принятием мер» или как-то еще. Отмалчиваться было опасно. Иногда по этой причине со своих постов «уходили» даже министры.

При г-не Ельцине свобода слова и печати оказались в положении известной пословицы с перевернутым смыслом: «правда не дым — глаза не ест». Так было, так есть, но так быть не должно. По данному поводу не удержусь от примера. Несколько лет назад радио ВВС сообщило (сам слышал) о том, что крупнейшими взяточниками в России являются господа Черномырдин и Чубайс. Помню, эти слова диктора ВВС тогда меня оскорбили и возмутили. Я ждал, что оболганные лидеры страны направят в суд иск о защите чести и достоинства. И ... не дождался. Однако времена меняются, напоминая нам о сказанном Дж. Свифтом еще в начале XVIII века: те, кто обманывают доверившихся им людей, представляют большую опасность для общества, чем обычные воры («Путешествие Гулливера». — М.: Изд-во «Московский рабочий», 1958. — С. 60).

О происходящем разгроме лесного хозяйства и самих лесов России написаны и опубликованы сотни, а может быть, и тысячи статей. Их авторы — ученые мирового уровня: академики, профессора, заслуженные лесоводы страны, специалисты по охране природы, лесничие и просто хорошие люди, не утратившие чувства боли за то, что происходит с лесным покровом России. Говорили и говорят об этом же по радио и на ТВ. Многие статьи написал и я и даже объединил их в книгу «Разрушение и воссоздание лесного хозяйства России» (СПб., 2003, 167 с.). А ответ? Ответы есть, хотя и не от тех «слуг народа», которые своими действиями или бездействием продолжают толкать в пропасть лесное хозяйство страны.

Однако сначала о хорошем.

Первое. Нашей болью и нетерпимостью к лесным безобразиям прониклась Счетная палата России. Ее достойные специалисты обобщили массу информации о происходящем в специальной аналитической записке, рассмотренной на ее Коллегии 12.11.2004. Записка и Постановление Коллегии направлены для принятия решений руководителям десяти органов власти Федерального центра, полномочным предста-

вителям Президента в четырех федеральных округах, руководителям законодательных и исполнительных органов власти субъектов Федерации.

Второе. При новом Председателе Правительства России г-не Фрадкове и при новом министре природных ресурсов г-не Трутнев в составе МПР воссоздается Рослесхоз как главный федеральный центр по управлению лесным хозяйством России. Воссоздаваемый Рослесхоз — как прообраз бывшего Лесного департамента России — еще не обрел многого из того, что должен иметь. Но у него уже появились подразделения в субъектах Федерации, и это не может не радовать.

Третье. Прошлым летом третье лицо в системе государственной власти России — Председатель Совета Федерации Федерального собрания РФ г-н Миронов публично высказался о том, что стране нужна Национальная лесная программа, в которой были бы согласованы экономические интересы и планы развития всех групп субъектов лесных отношений (см. сообщение «Российской лесной газеты», 2004, № 31). Это предложение газета тут же поддержала (см. статью в № 33). И что далее? А далее получилось неприлично плохо. Некий чиновник в МПР, не лесовод по образованию, заявил, что Национальная лесная программа России не нужна, что вместо нее есть Концепция развития лесного хозяйства РФ на 2003–2010 годы, и что эта Концепция уже утверждена распоряжением Правительства от 18.01.2003 № 69. Со своей стороны не могу не заметить, что сделано это было в полном соответствии с традицией прошлых лет, т.е. без открытых дискуссий.

Однако ошибся оппонент. С.М. Миронов говорил о Национальной лесной программе, в которой, по примеру развитых стран, должны быть рассмотрены и согласованы планы долговременного (стратегического) развития всех составляющих и зависящих друг от друга частей лесного комплекса — лесного хозяйства, лесозаготовок, механической переработки древесины, целлюлозно-бумажных производств и, конечно, торговли лесными товарами. Ничего похожего на указанное в Концепции нет. Нет там вообще ничего серьезного, одни общие слова. Например, нет предложений о проведении в лесном хозяйстве экономической реформы, чтобы оно могло достойно войти в социально ориентированную рыночную

экономику. И уж, конечно, нет ни слова о том, как сделать лесное хозяйство высокодоходным и каким должен быть — по годам — лесной доход страны. А что есть? А все то же. Жить, как жили, за счет подачек от бюджета, рубить больше и все там же. И еще, видимо, для простаков: лес надо беречь, восстанавливать и т. д. Только вот молчит Концепция о том, как во времени и в какой мере будут улучшены характеристики лесов России, когда и сколько — в цифрах — надо для этого денег, и в силу каких обстоятельств наши лесоводы и лесничие, опекающие одно из главных богатств страны, живут на уровне церковных крыс, питающихся свечными огарками.

Вышесказанное не может не вызвать у читателя многих вопросов, в том числе:

* почему за короткий срок, равный всего половине продолжительности жизненного цикла деревьев в наших основных хвойно-таежных лесах, бывшее высокодоходное государственное лесное хозяйство, приносившее своему собственнику (государству) в год 2 рубля чистого дохода (т.е. прибыли) на каждый вложенный в него рубль, превратилось в нищего иждивенца, т.е. в ведомство с отрицательной рентабельностью?

* почему наше государство, как собственник всех своих лесов, лишило себя гигантского лесного дохода — нескольких миллиардов долларов в год?

* почему Россия, ранее занимавшая 1-е место в мире по экспорту переработанной древесины, теперь «гонит» за рубеж в основном непереработанное сырье — круглый лес, который примерно втрое дешевле пиломатериалов?

* почему в наше время те, кто ранее были обязаны беречь, растить лес и продавать отведенные в рубку делянки на честных торгах — аукционах, извлекая из этого достойный доход для государства и для себя, теперь принуждены, чтобы не уморить своих домочадцев, выживать за счет тех же источников дохода, что и лесозаготовители?

* почему были превращены в «экономическую пустыню» обширные площади наших ценнейших хвойных лесов, тех самых, где при ведении грамотного лесного хозяйства и неистощительных рубок могли бы жить и обустроить свою малую родину многие поколения множества людей?

Перечень вопросов «почему» можно, конечно, продолжить. Однако уже названные вопросы нельзя оставить без ответа, чтобы нам снова и снова не наступать на те же грабли.

В принципе, все наши беды — не результат нашествия внешних врагов, а следствие собственной бездарной лесной политики. О ее сути с совершенной точностью сказал академик Н.А. Моисеев: «Нельзя все время занимать у леса, ничего не отдавая ему» («Лесная газета», 2004, 9 и 12 октября). Такая жизнь «взаимы» завела лесной комплекс в европейско-уральской части страны в хозяйственный тупик, о чем теперь приходится говорить уже с дрожью в голосе.

Многие годы в названном регионе велись и продолжают теперь не рассчитанные на постоянство лесопользования хищнические рубки леса. И вот их главный результат, определенный по официальному справочнику «Лесной фонд России», 1999г.:

* в 8-ми республиках и областях (а именно в Архангельской, Башкортостане, Вологодской, Калининградской, Карелии, Коми, Марий Эл, Пермской) запасы древесины в самых ценных спелых хвойных древостоях стали ниже, чем в приспевающих. Временная разница между теми и другими — 20 лет. Потери запаса древесины, как минимум, 40 м³/га;

* в 2-х субъектах федерации (в Свердловской и Челябинской областях) указанный показатель упал ниже уровня средневозрастных насаждений. Временная разница — еще минус 20 лет. И это все при резком сокращении товарной ценности получаемой древесины по причине уменьшения размеров и совокупного объема стволов деревьев.

Горько признаться, но в названном обширном регионе России найти стволы деревьев, пригодные для получения досок шириной 30-40 см, можно теперь разве что в заповетниках.

На фоне вышесказанного, нельзя не вспомнить о призывах, содержащихся в упоминавшейся Концепции и в выступлениях многих «авторитетов»: рубить как можно больше и все в том же регионе. Сравнить такие призывы (да еще в отношении хвойных лесов!) можно, разве что, с командой, исходившей из бывлых властных кабинетов, об отправке на бойню не откормленных быков, а тощих нетелей, которые даже не успели произвести потомство.

По указанному поводу позволю себе задать несколько вопросов профессиональным лесопромышленникам, не намеренным изменять своей профессии:

* не пора ли попросить Федеральное собрание поставить — по примеру финнов — таможенный или законодательный забор на путях вывоза из страны дешевого круглого леса, чтобы поберечь его для себя?

* из каких источников вы предполагаете в будущем покрывать свои потребности в древесине? Может быть, займетесь созданием быстрорастущих лесосырьевых плантаций? Или вырубкой гнилых осинников, тем более что в обозначенном выше регионе на бывших ваших (!) вырубках осинники уже занимают площади, примерно равные шести Ленинградским областям? Только вот должен предупредить: не попадалась мне такая осина в прайс-листах. Или, может быть, опять будете уговаривать Правительство снизить возраст главной рубки? А потом? Начнете заготавливать древесный хлам в древостоях-«дрянных» или переключитесь на заготовку и переработку ядовитого борщевика Сосновского? Подумайте, пожалуйста, господа, не только о сегодняшнем дне, но и о состоянии наших лесов, о нашем с вами общем будущем!

Далее коротко выскажу свою точку зрения об основных причинах того, почему страна жила и продолжает жить взаимно у леса.

1. Отсутствие в Правительстве имеющих реальную власть компетентных людей, способных обеспечить сбалансированное развитие экономически самостоятельного лесного хозяйства. Очевидно, по этой причине такие руководители довольствуются удобной для них полуправдой, которая в реальной жизни оказывается хуже откровенной лжи. Именно таковой является широко пропагандируемое представление о русском лесе на уровне Емельяна Пугачева и его товарищей: лес ничей, Божий, руби, сколько надо, хватит на всех. О губительном последствии такого отношения к лесу предупреждал еще основоположник русского лесоустройства проф. М.М. Орлов (1918). Он же подчеркивал: в своих лесах государство было и должно оставаться единственным хозяином. Делить между властными структурами разных уровней

можно полученные лесные доходы, но не функции управления лесным хозяйством. Не захотели услышать.

2. Непонимание того, что лес — с позиции экономики — есть капитал, вложенный в надежный банк. Соответственно, умный, рачительный хозяин должен увеличивать капитал, использовать проценты (т.е. прирост), но не трогать, как мотнаследник, сам капитал! Однако тронули. О том, что получилось, сказано выше.

3. Повторяемые изо дня в день теми же чиновниками с настойчивостью испорченного патефона фразы о том, что Россия самая богатая лесом страна. К этому обычно еще добавляют: у нас 800 млн. га лесопокрытой площади, 82 млрд. м³ древесины, а расчетная лесосека составляет более 500 млн. м³ в год. Однако за этими гигантскими цифрами стоят подробности, о которых просто нельзя умолчать. Россия действительно имеет указанную площадь лесов. Они — одно из главных экологических и экономических богатств страны. Однако средние запасы древесины в наших лесах (даже в спелых) весьма малы, чуть больше 100 м³/га. По экспертным оценкам, примерно на 75% площади лесов России их коммерческая эксплуатация невозможна по причине экономической нерентабельности и физической недоступности. Во времена СССР с этим мало считались, т.к. был ГУЛАГ. Но в условиях рыночной экономики не считаться с указанным уже нельзя. В новых условиях любое производство (в том числе в сфере лесного комплекса) может иметь развитие лишь в том случае, если получаемая прибыль существенно превышает доход на капитал, вложенный в коммерческие банки. Логично спросить: на какой именно площади лесов мы можем рассчитывать на получение той или иной конкретной прибыли? Наше лесостроительство на этот вопрос ответа не имеет. В последние лет 80-90 его об этом не спрашивали. А зря! Если бы спросили, наверное, перестали бы надувать щеки, как известный герой Ильфа и Петрова.

4. Заведомая нелепость (или обман) имеет место при определении так называемых расчетных лесосек в отношении крупных административных образований и почти таких же крупных административных структур лесного хозяйства. В расчет включают все, что угодно, вне связи с

возможной рентабельностью существующих и будущих производств. Суммируя, получают уже упоминавшуюся дутую гигантскую цифру. А рубки ведут, естественно, только на той небольшой площади, где эта акция позволяет получать прибыль, большую, чем на вложенный капитал в коммерческих банках, и именно на таких площадях запасы ценной древесины тают, как снег на солнце. И ведь не совестно, при всем том, повторять, что страна не использует свою расчетную лесосеку!? Или, может быть, просто не знают того, чему учили наши корифеи своих студентов, а именно, что расчетные лесосеки, обеспечивающие постоянство лесопользования, надо определять не для крупных административных территорий, а для сравнительно небольших хозяйственных дач с однородными природно-экономическими условиями и постоянными границами. Что означает такой подход, видно из следующего примера, касающегося казенных лесов Санкт-Петербургской губернии перед началом 1-й мировой войны: общая площадь казенных лесов данной губернии тогда была 366 тыс. десятин (1 десятина = 1,09 га), число лесничеств — 18, число хозяев — 249. Как можно видеть, средняя площадь одного лесничества была равна 20,3 тыс. десятин, среднее число хозяев в одном лесничестве — 13–14, средняя площадь одной хозяйки — 1,5 тыс. десятин. И именно для таких хозяев тогда определяли годовые расчетные лесосеки. Перерубы лесосек в одной хозяйке за счет другой категорически не позволялись. Это исключало уже саму возможность истощительного пользования лесом. Нелегко было проводить лесозаготовки в указанных условиях, когда нельзя было рубить «от моря и до моря». Тем не менее, справлялись. Обеспечивали хорошее состояние лесов, постоянство пользования лесом в границе каждой хозяйки и получение высокого лесного дохода. Так, в названном году 18 казенных лесничеств губернии затратили на ведение хозяйства 243 тыс. руб. и сформировали доход в размере 851 тыс. руб. Из этой суммы, подчеркну, 784 тыс. руб. было получено в результате продажи леса на корню. Тогда по рыночному курсу за 1 руб. давали около \$10 США. Кому теперь из наших лесничих мог бы присниться подобный же результат его хозяйственно-экономической деятельности?!

5. Намеренное смешение в одну юридическую категорию двух принципиально разных акций — рубок ухода за молодняками и рубок промежуточного пользования. Первая акция является затратной. В момент проведения она не дает товарной продукции. Но ее обязательно надо проводить, чтобы возникшие на вырубках и гарях новые древостои отвечали требованиям экологии и рынка. Тем не менее, уход за молодняками теперь почти не ведут. А ведут рубки промежуточного пользования, т.е. те самые, при которых досрочно получают товарную продукцию. В хвойных древостоях такие рубки проводят обычно в 50-60 лет. В бумагах указанное досрочное изъятие примерно 30 % запаса древесины оформляют как рубки ухода, что позволяет иметь следующие, входящие в противоречие со здравым смыслом, результаты:

а) вообще ничего не платить за досрочное изъятие из леса товарной древесины, что, как ни странно, разрешено (!!!) нашей Государственной Думой (см. действующий Лесной кодекс, ст. 103 и внесенные в нее 5.08.2004 г. поправки);

б) существенно сокращать объемы главного (платного!) пользования лесом и снижать его качество из-за загнивания многих деревьев, поврежденных при проведении бесплатных рубок промежуточного пользования;

в) резко уменьшать сумму лесного дохода страны;

г) вызывать в результате позднего разового и сильного разреживания ельников, не приспособленных к такому обращению, их быстрое ослабление как биологических систем; итог этого, как отмечал еще проф. Д.Н. Кайгородов, — массовое заселение ослабленных деревьев короедом-типографом, что, в свою очередь, не может не вызывать вполне реальную необходимость последующих санитарных рубок, при проведении которых лесопользователь получает древесину опять-таки бесплатно.

Как можно видеть, казалось бы, несерьезная причина в виде применения неправильно толкуемых терминов о рубках леса позволяет лесопользователям (с благословения парламента!) получать древесину бесплатно, до наступления официального возраста главной рубки, и даже там (например, в лесах I группы), где сплошные рубки главного пользования обычно не проводят.

6. Почти не прекращающиеся выступления в разных СМИ многих «авторитетов», представляющих интересы лесозаготовителей, продолжающих развивать начатую еще в 1927 году тему о том, что лес на корню должен передаваться тем, кто его рубит, практически даром, что повышение лесным хозяйством цен на основной товар своего производства вызовет банкротство «лесной промышленности». При этом подчеркну, что выделенные последние два слова иногда чередуют со словами «лесозаготовительная промышленность». А это буквально переворачивает ситуацию на 180 градусов. В пояснение сказанного, назову основные составляющие элементы лесного комплекса и их совершенно разную современную рентабельность (последнюю цитирую по данным из разных источников):

- * лесохозяйственное производство, оно же лесное хозяйство; рентабельность глубоко и однозначно отрицательная;

- * лесозаготовительная промышленность (речь только о тех структурах, которые ведут работу на лесосеках); рентабельность на уровне 10%;

- * лесопиление и другие виды механической переработки древесины; рентабельность 10...20%;

- * целлюлозно-бумажная промышленность; рентабельность 30...40%;

- * торговля древесиной, главным образом круглым лесом, поставляемым в сопредельные страны; показатели рентабельности скрываются как «коммерческая тайна»; по неофициальным сведениям, она может намного превышать 100%.

Как можно видеть, самыми бедными в приведенном перечне оказались именно те, кто выполняет в лесном комплексе самую тяжелую и трудоемкую работу. Спрашивается, почему? Может быть, из-за своего простодушия и неорганизованности? В таком случае им может помочь простой совет: создать для защиты своих материальных интересов свои профессиональные союзы и принудить законным образом (вплоть до забастовок) своих смежников по лесному комплексу к выравниванию показателей рентабельности путем изменения продажно-закупочных цен. Во всяком случае, пенять лесхозам на то, что лесозаготовители живут плохо, и пытаться улучшить их участь путем

сохранения заниженных корневых цен на лес, — дело, по меньшей мере, некорректное.

7. Разрешенные нашей Госдумой (!) три взаимоисключающие процедуры вхождения лесного хозяйства в рыночные отношения со своим главным товаром — выращенными и отведенными в рубку древостоями.

Процедура первая. Нарушающая элементарную логику сдача лесов в так называемую аренду (Лесной кодекс, 1997, ст. 31...34 и другие). При обсуждении Кодекса депутаты, видимо, «забыли», что юридический термин «сдача в аренду» означает передачу юридическому (или другому) лицу чего-либо (дома, земли, гаража, детской коляски и пр.) в возмездное пользование на оговоренный срок, по истечении которого предмет аренды должен быть возвращен арендодателю в неразрушенном состоянии. В отношении леса это условие в принципе выполнить нельзя, поскольку на восстановление вырубленных древостоев нужны многие десятки или даже сотни лет. Поэтому, если Госдума все-таки примет решение о продлении срока сдачи лесов «в аренду» до 50 лет и более, государство (арендодатель) физически не сможет получить обратно переданную арендатору ценность. В условиях нашей реальной жизни вместо полученного за символическую плату леса, имеющего реальную рыночную цену, арендаторы возвращают государству вырубки с пеньками и какими-то остатками былых древостоев.

Примечание. Более 150 лет тому назад способ управления казенным лесным хозяйством путем сдачи лесов в аренду был испытан в двух наших лесничествах. Об этом есть запись в официальном журнале Министерства государственных имуществ и в Энциклопедии русского лесного хозяйства (СПб., 1903, т.1, с.1193). На указанной странице приведены суммы полученных убытков и вывод о том, что из известных способов лесоуправления сдача лесов в аренду является наихудшим. Эта история — не тайна. Я много раз писал о ней. Тем не менее, те, кто обязаны были отвечать за порученное им дело, ответили молчанием.

Процедура вторая. Предоставление (не продажа, а «предоставление») леса в рубку, оформленное в виде распоряжения руководящих чиновников субъектов Федерации.

Разрешена ст. 43 Лесного кодекса. В статье не ограничены количество и объемы раздаваемых данным способом древесностоев, но названы неплатежеспособные адресаты таких передач. Однако приходится сказать, что в большинстве случаев прямыми или опосредованными получателями таких «даров» в виде леса оказываются не школы и богадельни, а коммерческие структуры. По своей сути указанная процедура имеет такое же отношение к экономике лесного хозяйства как былая продрозверстка (в годы военного коммунизма) к последующему НЭПу.

Процедура третья. Это продажа отведенных в рубку лесных делянок на открытых торгах — аукционах. Разрешена ст. 44 Лесного кодекса. Это тот самый реальный лесной рынок, который некогда был в России. В наше время, как только разрешили, этот рынок немедленно стал расти, что способствовало единовременному решению двух задач: а) приобретению леса в рубку теми лесопользователями, кто умел работать лучше и мог больше заплатить за него, б) глубокой и, как правило, справедливой дифференциации продажных цен на лес на корню в зависимости от множества факторов, влияющих на рентабельность работы лесозаготовительных структур. Проведение открытых лесных торгов — аукционов оказалось, как и можно было ожидать, весьма выгодным делом для государства. По состоянию на 01.07.2001 г. за один обезличенный кубометр древесины, проданный на торгах, было получено многократно больше денег, чем от «арендаторов»: в Новгородской области — в 2, в Республике Коми — в 3, в Псковской и Вологодской областях — в 5, в Архангельской — в 6, в Ленинградской — в 23 (!) раза. От вырученных на торгах сумм их существенная часть оставалась в лесхозах. Поэтому последние, как хозяйства, стали буквально оживать, предпринимая все зависящие от них меры к увеличению объемов продаж леса в рубку через аукционы. Это не могло не задеть интересы чиновников, имевших обыкновенно распоряжаться государственным лесным имуществом, как своим собственным. Поэтому с лесными торгами решили покончить. Сделали это Правительство г-на Касьянова и послушная им Госдума следующим «элегантным» способом: лесхозы заставили отдавать буквально все деньги, полученные

ими за проданный лес на торгах. В пояснение созданной ситуации скажу, что организовать лесные торги много труднее, чем, например, закваску капусты. Однако ни одна из бабушек, торгующих такой капустой на рынках, не стала бы это делать, если бы не получала с того дополнительные рубли к своей пенсии. Не могу представить себе, чтобы Госдума и Правительство М. Касьянова не ведали, что творили. А сделали они сообща одну и ту же представляющую интерес для счетной палаты и Генеральной прокуратуры России работу: задержали вхождение лесного хозяйства в рыночную экономику и нанесли весьма значительный ущерб государству.

8. Создание в стране условий, при которых массовая элементарная кража деревьев из леса была превращена в высокодоходный, а главное, — безопасный бизнес. И в этом деле не обошлось без участия Госдумы и Правительства России. О том, как все это было сделано, я рассказал в статье, приведенной в этом сборнике под № 4.

В заключение не могу обойти молчанием вопросы, сформулированные еще А.С. Пушкиным: *«Что делать нам? и чем помочь?»* (см. поэму «Пир во время чумы»).

Ответы на эти вопросы не могут быть простыми и легкими. Чтобы разорвать круг накопленных противоречий, нужны не «подковерные игры», а открытая дискуссия с участием высококвалифицированных профессионалов, представляющих интересы всех ведомств лесного комплекса. Итогом (результатом) такой дискуссии должно стать не очередное сотрясение воздуха, а подготовленный текст Национальной лесной программы России, о которой говорил Председатель Совета Федерации С.М. Миронов. Эта программа должна получить статус закона РФ. И уже потом, на ее основе, можно было бы приступить к разработке нового Лесного кодекса страны.

«Деградация лесного хозяйства России».

2006. СПб, сс. 14-22

6. ЗЕЛЕНЕ БОГАТСТВО СТРАНЫ НЕ БЕЗГРАНИЧНО И НЕ ВЕЧНО

17 сентября 2005 г. при визите в Кострому Председатель Правительства М.Е.Фрадков «озвучил» по всероссийскому ТВ три тезиса, могущих оказать важное влияние на развитие лесного комплекса России. Суть этих тезисов такова.

Первый тезис. В лесном экспорте России должны доминировать имеющие большую цену на рынках изделия из древесины, а не дешевое сырье в виде «круглого леса». Необходимость указанного также очевидна, как то, что Волга впадает в Каспийское море. Почти 100 лет тому назад в лесном экспорте России на долю «круглого леса» приходилось только 50% (по массе), а теперь — по свидетельству изданного в Финляндии справочника — намного больше. По этому поводу можно задать, как минимум, два вопроса:

* почему, располагая мощным валютным резервом, правительство предпочитает «мариновать» его в иностранных банках вместо того, чтобы использовать часть этого резерва для приобретения современных перерабатывающих древесину предприятий, могущих стать не только источником пополнения доходной части бюджета страны, но и обеспечить работой с достойной оплатой труда тысячи наших сограждан в глубинных районах России?

* как использует (или не использует) правительство данное ему право изменять величину экспортных пошлин (налогов) для формирования выгодного для страны соотношения между основными составляющими лесного экспорта России, т.е. между «круглым лесом» и разными вариантами его переработки?

Если по первому тезису хотелось бы получить всего лишь уточняющие ответы на вопросы, то по поводу второго и третьего тезисов нельзя не поспорить, поскольку их содержание, доведенное теперь до сведения большей части населения России, включает в себе реальную опасность не только для лесного хозяйства, но для всего лесного комплекса страны.

Второй тезис. Леса России столь обширны (774 млн. га лесопокрытой площади), что их практически нельзя исчер-

пать. Подобные утверждения, повторяемые в средствах массовой информации почти 90 лет, не могли не сформировать в умах многих людей фальсифицированное представление о безмерной величине «зеленого богатства» России. Это стало возможным благодаря нераспространению конкретных данных о лесном фонде России, о которых руководящие чиновники и депутаты Федерального собрания, лоббирующие не стратегические интересы государства и его лесного комплекса, а сиюминутные запросы лесозаготовителей, вообще предпочитают помалкивать. В частности, благодаря им, имеет место нераспространение (а, по существу, утаивание от граждан страны) следующих сведений:

* что примерно только 1/4 часть лесопокрытой площади России доступна для коммерчески выгодной эксплуатации, т.е. такой, при которой получаемая прибыль может превысить норму прибыли на капитал, вложенный в банки и ценные бумаги;

* что примерно на 1/3 нашей лесопокрытой площади находятся не спелые, а разновозрастные древостои (в том числе девственные леса на горных и равнинных вечномерзлотных почвах), имеющие крайне низкую производительность, характеризующуюся величиной среднего прироста древесины порядка 1 м³ на 1 га в год, при которой в других странах (например, в Канаде) такие леса вообще не воспринимают в качестве объектов промышленной эксплуатации;

* что названные выше леса возникли еще до появления людей и что их, как легко ранимые экологические системы, не трудно разрушить, но практически нельзя восстановить в просматриваемой перспективе по причине крайне суровых почвенно-климатических условий и невозможности создать — из-за многолетних пауз в семеношении деревьев — существенный запас семян местного происхождения. По этому поводу напомним о том, что имевшие в прошлом место многолетние попытки выполнять в северной тайге планы по созданию лесных культур семенами и саженцами, завезенными из относительно более «теплых» регионов, практически всегда оканчивались бесполезным расходом выделенных ассигнований;

* что основную массу древесины в России (и в СССР) уже

давно получали и получают теперь на указанной выше экономически доступной площади лесов (см. п. 1), где они (леса) уже сильно истощены хищническими рубками и где за сравнительно короткое время жизни обычного человека центральные структуры власти многократно снижали нормативы (возрасты) «спелости» хвойных древостоев, при которых они должны поступать в главную (сплошную) рубку. Так, вначале этот норматив был равен 140 годам, потом — 120, 100, 80 годам, а теперь в некоторых регионах северной (низкопродуктивной) тайги его опустили аж до 70 лет. Ситуация, как у наркоманов со стажем, решающих свои проблемы путем сокращения интервалов времени между инъекциями. К чему таким путем будет приведено лесное хозяйство и лесная промышленность страны — догадаться не трудно. Труднее подсчитать многомиллиардные убытки государства как собственника лесов, обусловленные резкими различиями в ценах на лесных рынках на толстомерные и тонкомерные сортаменты древесины. То, что указанный путь ведет нас в никуда, легко понять на основе данных, приведенных в 6-й статье;

* что граждане и правительство вводятся в заблуждение относительно наличия в стране якобы безграничных лесных запасов; что это делается путем манипулирования валовыми цифрами о большой лесопокрытой площади и о больших запасах древесины во всех лесах России (в том числе в экономически недоступных) в обоснование главной цели, провозглашенной руководством нового Рослесхоза: руби больше, и не где-нибудь, а в уже истощенных доступных лесах. С тем же успехом для такого «обоснования» концепции развития нашего лесного хозяйства можно было бы использовать сведения о запасах древесины в лесах США, Канады, Австралии и др. стран. Хочу напомнить тем, кто прочтет эти строки, о весьма грустном факте: в пересчете на одного жителя Россия располагает значительно меньшей площадью доступных для эксплуатации лесов, чем соседняя Финляндия. Догадаться не трудно, как реагировали бы граждане Финляндии, если бы вдруг увидели потоки железнодорожных составов и большегрузных автомашин, заполненных дешевым «круглым лесом», направляемым в другие страны. Однако чего

в Финляндии нет, того нет. А есть: другой парламент, другие министры и другие, подчиненные им, чиновники.

Третий тезис. В нем высказана еще одна крайне опасная полуправда о том, что лес — самовозобновляющийся сырьевой ресурс, что очень многие лесозаготовители и чиновники предпочитают понимать так: сам и везде. К сожалению, в реальной действительности на вырубках в относительно более продуктивных типах леса указанный результат получают с точностью до наоборот.

Чтобы не оскудела лесная нива страны, новые полноценные древостои должны быть в наличии на месте вырубленных не через 200-300 лет, а хотя бы через 100, а лучше — быстрее, и — обязательно! — при неухудшенных параметрах качества и количества древесины.

Опираясь на лесохозяйственную науку, лесоводы знают, как достичь указанную цель. Для этого нужны:

* немалые деньги, которые можно найти в самом лесном хозяйстве, если бы правительство и Госдума, отринув все еще довлеющие во многих умах былые дремучие заблуждения типа «лес на корню не имеет цены-стоимости», позволили бы лесоводам реализовать на открытых лесных рынках-аукционах (по рыночным ценам!) свой основной товар — выращенные и отведенные в рубку древостои, а затем использовать хотя бы часть полученных денег на нужды своей отрасли;

* официально введенные в жизнь отвечающие лесоводственно-экологическим требованиям новые нормативы качества и самой организации лесосечных работ, методики определения не мифических валовых, а конкретных объемов неубывающего лесопользования в каждой лесной хоздаче (хозчасти) с однородными экономическими и лесорастительными условиями, а также нормативно-технологические программы и задаваемые конкретные результаты лесовыращивания по возрастным этапам и по всему его циклу в разных лесорастительных и социально-экономических условиях;

* изменение отношения правительства, Госдумы и других властных структур к лесным браконьерам в плане признания их обычными ворами материальных ценностей, действие которых нужно квалифицировать в соответствии с Уголовным кодексом, а не как мифические административные правонарушения.

В настоящее время наше лесное хозяйство, оставленное правительством в уже забытом многими гражданами страны режиме тоталитарной экономики, оказалось в положении острова, окруженного морем жестких рыночных отношений в сферах заготовки, переработки и торговли древесиной. При такой алогичной комбинации условий экономической организации смежных производств наше лесное хозяйство практически лишено возможности не только для своего развития, но и для самого существования. Поэтому в настоящее время можно всего лишь высказать надежду на то, что леса России когда-то в будущем действительно станут ее возобновляемым сырьевым ресурсом. А пока приходится говорить о другом, в том числе:

- * о навечном уходе кедра из сибирской тайги после вырубки здесь кедрачей и последующей смены кедр пихтой;

- * о сокращении площади высокопродуктивных боров, ельников, кедрачей и дубрав;

- * о происходящем заболачивании ранее осушенных лесов, а также существенной части новых концентрированных вырубок;

- * об утрашающем увеличении суммы лесных земель с относительно плодородными почвами, занятыми теперь гнилой осинкой и низкотоварной березой. Так, в упомянутой в начале статьи Костромской области в 1931 г. ель и сосна занимали доминирующее положение на 70% площади лесов, а теперь только на 48%;

- * о том, что еще в худшее состояние приведены лесосырьевые базы в некоторых других «лесных» субъектах федерации, в том числе в самом сердце нашей тайги — в извечно богатой хвойными лесами быв. Екатеринбургской губернии. Как говорят теперь сами лесопромышленники, ее «хвойное хозяйство ... может окончательно оскудеть ... через 15-20 лет» (см. статью «Урал становится краем березовых лесов», Лесная газета, 2005, №79, 1 октября).

В заключение о самом плохом, а именно о том, что многолетние действия властных структур федерального центра в отношении лесного хозяйства в значительной мере ликвидировали у молодежи интерес к бывшей в прошлом престижной профессии лесоведа. Сейчас в лесных вузах и

техникумах учебные процессы еще идут и даже есть конкурсы при поступлении на учебу. Однако подавляющее число вчерашних студентов уже работает не по своей специальности. Там, где должны работать только лесоводы (т.е. в лесохозяйственных и природоохранных структурах), их места теперь во многих случаях заняты лесозаготовителями, озабоченными собственным обогащением, людьми других профессий, а также теми бывшими лесоводами, кто, как библейский Исав, продали права своего профессионального первородства за чечевичную похлебку. В выпускаемых проектах законов, постановлений правительства и других нормативных документах все они, как пятая колонна генерала Франко, не могут не лоббировать прежде всего свои сиюминутные коммерческие интересы, а не стратегические интересы государства. Эта ситуация представляется мне более опасной, чем взятые вместе лесные пожары и вспышки вредных насекомых.

Можно, конечно, поспорить о том, что и насколько хуже. Но при любой позиции мы не имеем права забывать о горьких сетованиях автора «Учения о лесе» проф. Г.Ф. Морозова на неверные представления о лесопользовании: *«Современный ... человек стирает последнюю грань, отличавшую эксплуатацию леса от всех других видов добывающей промышленности. Лес ... стал в положении недр земли, которыми мы пользуемся до тех пор, пока выгодно ... их эксплуатировать. Когда такой момент исчезает, недра ... забрасываются. Так же ... ведется сейчас и пользование лесом ...»* (см. статью Г.Ф. Морозова в Первом лесном сборнике Промышленно-географического отдела КЕПС. — Пг., 1922).

Приведенные слова Г.Ф. можно лишь дополнить напоминанием о том, что теперь в России уже нет «неразведанных месторождений» спелой древесины, которые доступны для коммерчески выгодной эксплуатации. Растущий дефицит в запасах такой древесины — главная причина трудностей, с которыми уже столкнулись многие предприятия Союза лесопромышленников и лесозэкспортеров. Эти трудности не могут не умножаться, если в стране не будут восстановлены, как минимум, два основных правила разумной лесной политики:

* правило постоянства (т.е. неубывающих во времени) объемов лесопользования в границах каждой хозяйки с

однородными лесорастительными и экономическими условиями;

* правило полной материальной ответственности тех, кто рубит лес, за его полноценное возобновление (восстановление) в определенные государством сроки. Так раньше делали в казенных лесничествах России. Следуют этому правилу в Финляндии, Канаде, США. И я не вижу причин, почему мы теперь должны быть исключением.

«Природно-ресурсные ведомости, 2005, № 33; «Лесная газета», 2005, № 85 (под названием «О принципиальных ошибках правительства в конструировании лесной политики России»).

7. РОССИИ НЕОБХОДИМ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ ЛЕСОВОДОВ

Приведенная ниже под № 8 статья лесничего Римантаса Квиклиса о результатах проведенных реформ в лесном хозяйстве Литвы представляет очевидный интерес для наших лесоводов. При ее чтении у многих возникнет вопрос, почему, в отличие от Литвы, начатая тогда же реорганизация нашего лесного хозяйства идет как бы кувырком? Почему, как и раньше, мы продолжаем клянчить деньги у государства, а живем бедно? При поиске ответа на эти архиважные вопросы мне вспомнились события 16-летней давности.

1989 год. В конференц-зале ЛенНИИЛХ идет учредительный съезд «Общества лесоводов СССР». На съезд приехало 205 делегатов из 10 союзных республик. В президиуме — самые уважаемые лесоводы страны. Выступающие согласны: «Общество лесоводов» нужно. Однако согласны не все. Гость из Литвы сообщил, что он приехал как наблюдатель, а не как делегат, и что он не будет участвовать в обсуждении учредительных документов «Общества».

Понимание происшедшего пришло потом, после того как в Литве, вместо аморфного «Общества», был воссоздан

спаянный профессиональными интересами и пониманием своей гражданской ответственности «Союз лесоводов». И именно он, этот «Союз», принял самое активное участие в реорганизации лесного хозяйства Литвы.

У нас, к сожалению, получилось не так. После распада СССР в стране сохранилось «Общество лесоводов России». Однако оно не взяло на себя роль конструктивной и активной оппозиции по отношению к родному Рослесхозу, не выступило против его упразднения, но осталось чем-то вроде общественной структуры, как дополнительное место для общения по профессиональным интересам.

Жизнь показала, что литовские коллеги поступили правильнее.

Чтобы влиять на реформы в лесном хозяйстве, наше «Общество лесоводов» должно как можно скорее превратиться в «Профессионально-политический союз», способный «поднять» лесоводов на проведение не выходящих за границы закона общественно-политических акций, вплоть до демонстраций и забастовок разного масштаба. Именно и только так мы сможем:

а) способствовать проведению в лесном хозяйстве позитивных реформ, отвечающих не групповым интересам, а интересам отрасли и страны в целом,

б) блокировать проталкиваемые администраторами разных уровней вредные для лесного хозяйства решения,

в) защитить себя, профессионалов, от дилетантов-администраторов и их произвола типа: «Я вас увольняю, поскольку вы не согласны со мной»,

г) заставить правительство и Госдуму понять, что без лесоводов нельзя принимать сфабрикованный безграмотный лесной кодекс, при помощи которого произойдет ликвидация лесного хозяйства страны.

«Лесная газета», 2005, № 26, 29 марта.

8. ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ В ЛЕСНОМ ХОЗЯЙСТВЕ ЛИТВЫ*

В 1991 году Литва, бывшая республика СССР, восстановила свою независимость и пошла по самостоятельному пути. Это не значит, что мы отбросили весь прошлый опыт, забыли дружеские связи, экономические, научные и просто человеческие отношения.

Все позитивное мы сохранили и этим дорожим.

Я, лесничий с 46-летним стажем, хочу познакомить читателей «Лесной газеты» с состоянием дел в лесном хозяйстве Литвы, с нашими проблемами и тем путем, по которому мы пошли.

Общая лесная площадь Литвы 2,1 млн. га (31% территории). 95,4% лесной площади покрыты лесом. Хвойные породы занимают 59, твердолиственные — 4,5, смешанные и мягколиственные — 36%. Общий текущий прирост 6,4 м³/га. Средний запас древесины 197 м³/га. Средний возраст 54 года. 28,9% наших лесов — это лесные культуры.

Общий годичный объем рубок (главного и промежуточного пользования) — 6,5 млн. м³, или 58% годичного прироста.

В течение года Литва импортирует до 78 тыс. м³ круглого леса, в основном из Белоруссии. В импорте преобладают хвойные сортименты. В свою очередь, Литва экспортирует 1,4 млн. м³ круглого леса, в основном балансовую древесину, т.к. в Литве все еще нет целлюлозно-бумажных производств, хотя об их строительстве дебаты идут не первый год.

Это — общие показатели. После восстановления независимости начался процесс реституции, т.е. возвращения частных лесов бывшим владельцам и их наследникам. Частные леса сегодня составляют 32,6% общей лесной площади. Хозяй-

*Автор этой статьи Римантас Квиклис, один из опытейших лесничих Литвы. Статья включена в сборник по причине раскрытого в ней весьма интересного для нас, с моей точки зрения, уже реализованного варианта административно-экономической реформы в лесном хозяйстве страны, недавно входившей в состав СССР.

ствование в них мало отличается от государственного, ведется по лесоустроительным проектам, а все учетные данные ведутся государственной лесоустроительной службой. Поэтому предлагая читателю общую характеристику наших лесов, я не стал её различать по формам собственности.

Все наши леса по функциональному назначению (независимо от формы собственности) разделены на четыре группы.

1 группа — заповедные леса. Они составляют 1,2% общей лесной площади.

2 группа — леса специального назначения. На их долю приходится 11,9% общей лесной площади. Они разделены на две подгруппы:

2А — защитные леса экосистем.

2В — рекреационные леса.

3 группа — защитные леса. Они занимают 15,9% общей лесной площади.

4 группа — хозяйственные леса. Это — 71% общей лесной площади.

В зависимости от функционального назначения лесов хозяйствование в различных группах существенно различается.

Всю хозяйственную деятельность в лесах Литвы регламентирует Лесной закон, принятый Сеймом Литвы в 1994 году. Некоторые изменения и дополнения в Закон были внесены в 2001 году.

Лесной закон устанавливает структуру управления отраслью и предусматривает комплексное ведение лесного хозяйства в государственных лесах. Распорядительные функции собственника государственных лесов осуществляет Правительство Республики. Функции государственного и хозяйственного управления отраслью разделены. Для этого в составе Министерства охраны среды имеется Лесной департамент и Генеральная уредия. Лесной департамент готовит законодательные и подзаконные акты, разрабатывает стратегию отрасли. А хозяйственное управление осуществляет Генеральная уредия. Читателю постараюсь объяснить значение термина «уредия». После восстановления независимости лесхозам было возвращено традиционное, издавна применявшееся название «уредия». Для удобства читателя я

буду эту государственную структуру называть по-прежнему «лесхоз».

В подчинении Главка (Генеральной уредии) 42 лесхоза и 5 национальных парков. В составе лесхозов и национальных парков имеется 422 лесничества. Государственную лесную службу несут 1253 лесника.

Повторю: лесное хозяйство у нас ведется комплексно. Лесхозы выполняют весь комплекс лесохозяйственных работ, а также уборку лесного урожая — рубки главного и промежуточного пользования.

Это не значит, что лесоводы превратились в коммерсантов. Безусловно, мы заинтересованы в доходах от продажи лесной продукции, т.к. лесная отрасль не получает никаких бюджетных ассигнований. Мы на полной самоокупаемости, платим все предусмотренные налоги, оплачиваем лесостроительные работы и другие услуги. Однако увлекаться коммерцией или транжирить средства нам не позволяет принятое жесткое правило: не менее 85% прибыли направлять на финансирование так называемых обязательных работ, которые обусловлены лесостроительным проектом и насущными нуждами леса.

Установленный объем и места рубок леса строго контролируется, поэтому замахнуть топором сверх меры никому невадно.

В настоящее время государственные леса Литвы сертифицированы по европейской системе FSC. Принципы и критерии этой системы обязывают владельцев леса обеспечить непрерывное лесопользование, соблюдать природоохранные и экологические требования, сохраняя биологическое разнообразие лесов. Ежегодно лесхозы инспектируют датские аудиторы Smart Wood, имеющие право приостанавливать действие сертификата или его лишать. До сих пор этого не случалось.

Комплексный контроль за состоянием государственных лесов и выполняемых там работ осуществляет находящаяся в структуре Министерства охраны среды Государственная природоохранная инспекция со своими районными подразделениями на местах. Она же выполняет консультационные и надзорные функции в частных лесах.

Лесхозы находятся в разных условиях, их леса по функциональному назначению неоднородны, поэтому имеется центральный фонд, в который лесхозы отчисляют часть своих средств. Такой фонд позволяет в значительной мере уравнивать условия хозяйственной деятельности лесхозов, а также финансировать общие проекты.

Кстати, в большинстве стран Западной Европы лесное хозяйство дотируется, у нас же этого нет. Однако наша экономическая (финансовая) модель позволила переоружить отрасль самой новой не только лесозаготовительной, но и лесовосстановительной техникой, создать нормальные условия для быта и работы лесоводов. В моем лесничестве (2,6 тыс. га) работает теперь 7 человек. Средняя зарплата одного человека равна примерно \$400 в месяц. Моя зарплата — \$600 в месяц. Относятся люди к своей работе ответственно и стараются ее не потерять.

На наши государственные леса ложится дополнительное, одинаково трудное и приятное бремя. Это — социальные функции, которые по своей природе не могут полностью выполнить частные лесные владельцы.

В границах нашей общей лесной площади находятся 7 резерватов, 5 национальных, 30 региональных парков, 30,5 тыс. га лесопарков. На рекреационное обустройство лесов мы ежегодно тратим до 3% своего дохода.

Время становления — трудное время. Нашей лесной общественности пришлось пройти такой же путь, по какому теперь идут российские коллеги. В 1996 году было ликвидировано наше Министерство лесного хозяйства. Посыпались предложения передать лесхозы в подчинение уездных администраций, рубки леса — частным структурам, производственные фонды — приватизировать. За всем этим угадывался скрытый групповой интерес. Однако еще раньше, в 1989 году, у нас был воссоздан Союз лесоводов Литвы. Он объединил всех специалистов отрасли: от ветеранов, живущих в изгнании, вчерашних и сегодняшних руководителей и рядовых работников отрасли до студентов Лесного факультета сельскохозяйственной академии.

Когда надо было защитить будущее наших лесов, лесоводы объединились, не зирая на политические, должностные

и возрастные различия, призвали на помощь общественность. Автору этих строк с коллегами лично пришлось добиться аудиенции у Президента страны. Свою правоту мы доказали, и в данное время будущее наших лесов беспокойства не вызывает.

Мы, литовцы, маленькая нация. Мы чтим своих корифеев. Таким был лесовод, профессор Повилас Матулионис, первый ректор Литовской сельскохозяйственной академии. Он всегда подчеркивал, что был учеником и последователем проф. М.М. Орлова. Мы это помним.

*Р. Квиклис,
лесничий Швентийского лесничества Литвы
Мой адрес: Литва, Кретингский район,
97280, Лаукжеме.
Тел.: +370 445 44829; факс: +370 445 51173;
e-mail: miskai@kretingosmu.lt.*

«Лесная газета», 2005, № 26, 29 марта.

9. БЕЗ ЛЕСНОГО ДОХОДА НЕТ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА

История с проектом нового Лесного кодекса достигла своего пика как по перечню задействованных лиц, так по числу направляемых в разные инстанции поправок и замечаний. В данном случае надо знать не только то, о чем широко пишут и говорят, но еще о том, о чем предпочитают молчать. А молчат — не о малом, а об экономике целой отрасли, т.е. о суммах доходов и расходов лесного хозяйства России.

По моему мнению, найти давно потерянную дорогу к воссозданию в стране правильного лесного хозяйства можно при следующем порядке действий государства.

Свести все бытующие в нашей отрасли разнокалиберные противоречия (в том числе экономические и политические) к общему, вполне «прозрачному» рублевому знаменателю, т.е. приступить к формированию лесного бюджета страны, с обязательным позитивным сальдо и с четкой росписью

доходов и расходов по их статьям и регионам. Если обойтись без этого, мы, скорее всего опять будем жить, как жили: у кого-то щи с мясом, а у других — вода без кваса.

Повторяю то, что каждый, работающий в государственном лесном хозяйстве, должен помнить даже во сне: до 1917 г. в непосредственном ведении Лесного департамента России находилось около 50% ее лесов и валовой доход с этой площади в год составлял около 100 млн. золотых рублей. Из них примерно 60% — шло в общегосударственную казну, 10% — местным властным структурам, 30% — самому лесному хозяйству на его расходы. И все это, подчеркну, при отсутствии даже гипотетических предположений о том, чтобы, как в советское время, сажать лес на вырубках за счет инъекций из других статей государственного бюджета, а не за счет лесопромышленников, выплачивающих — для гарантии — лесничествам, еще до получения лесорубочных билетов, так называемый лесокультурный залог.

В годы «военного коммунизма» и уже затем, после НЭПа, этот порядок (в том числе выплата за лес его реальной рыночной корневой цены) был разрушен и до сих пор не восстановлен, чему, естественно, противодействуют все, кто рубил и продолжает рубить лес.

В последние годы в изданиях МПР о лесном доходе России снова заговорили, но, почему-то, не очень настойчиво. И все это как бы при всеобщем понимании того, что Госдума не в состоянии принять новый дееспособный лесной закон и распутать клубок «лесных» политических противоречий без использования их общего и прозрачного знаменателя в виде обычных денег и все того же лесного дохода.

Чтобы выполнить вышеуказанное, нужно, по моему мнению, прежде принять следующие недвусмысленные «простые» решения:

* определить в виде юридической формулы, кто именно, т.е. какие структуры выполняют у нас функции собственника лесов России и обладают всем перечнем прав и, непременно, обязанностей собственника лесов;

* принять четкую юридическую формулу, раскрывающую само понятие «лес», а также четкие требования, каким он должен отвечать, находясь в руках любых собственников

или владельцев, и еще — определить уровни наказаний за нарушение этих требований (в Финляндии, например, за это можно получить конфискацию неправомерно нажитого имущества и до 2-х лет тюрьмы);

* совершенно обязательно четко зафиксировать в документе, имеющем ранг закона, что лесное хозяйство есть один из видов растениеводства, т.е. хозяйства на земле и что собственник леса может в оговоренных в законе случаях продавать свой товар — лес на корню не на сходках специально подобранного состава лесопромышленников, а только на открытых контролируемых государством торгах, при указанных в открытой печати сроках торгов, а также сроков проведения лесосечных работ в зависимости от их объемов и условий;

* четко указать в законе, что собственник лесов (как и любых других территорий) обязан платить налог за землю, находящуюся в том числе под лесом, что должно помогать развитию каждой муниципальной структуры;

* ни в коем случае не разрушать оставшиеся структуры государственного лесного хозяйства России, в том числе лесхозы и лесничества;

* в законодательном порядке (а в необходимых случаях при помощи экспертов Леспроекта) верховная власть в стране должна сказать всем, кого это касается, что цена леса на корню — в зависимости от его качества и места — должна составлять, по примеру других стран, 20–30% от стоимости круглых сортиментов древесины на ближайших крупных лесных биржах. В дополнение к этому, под страхом уголовной ответственности, должна быть запрещена продажа в другие страны круглых сортиментов древесины по демпинговым ценам. Вместе с тем, в законодательном порядке должно быть предусмотрено предоставление государством льготных кредитов крупным предпринимателям для строительства современных комплексов по переработке все того же «круглого» леса.

Чтобы сохранить лесное хозяйство России от вымирания, в рассматриваемом Лесном законе сама Госдума должна:

* назвать минимальную величину доли (%) лесного дохода, изъятие которой любыми инстанциями из лесхозов

должно рассматриваться как основание для действий прокуратуры и суда;

* запретить всем службам лесного хозяйства выдачу любым субъектам лесорубочных билетов и других разрешающих рубку деревьев документа до уплаты ими лесокультурного залога, гарантирующего проведение работ, обеспечивающих возобновление вырубаемых лесов в оговоренный срок, при котором факт успешного лесовозобновления уже не мог бы быть взят под сомнение самими договаривающимися сторонами, а также привлеченными экспертами;

* в новом Лесном кодексе должен быть резко расширен круг обязанностей всех структур единого государственного «Лесоустройства» России. Именно «Лесоустройству» Госдума должна вменить в обязанности функции исчерпывающего государственного контроля за состоянием лесов и ведением лесного хозяйства в лесах всех групп и всех форм собственности;

* в новом Лесном кодексе государство как собственник лесов должно получить право передавать их крупным и успешным предпринимателям в возмездное владение (не в собственность!) на условиях, оговоренных в определенных государством вариантах договоров, для ведения доходного лесного хозяйства, лесозаготовок и иной коммерческой деятельности, если она не противоречит предначертаниям «Лесоустройства» и другим государственными актам. При вышеуказанном, стороны обязаны следовать принципам существовавших ранее в России крупных майоратов, исключавших их дробление между лесовладельцами и иные действия, не отвечающие интересам государства;

* в новом Лесном кодексе должно быть категорически запрещено применение давно испытанной и отвергнутой в России спекулятивной практики по сдаче лесов в так называемую аренду, при которой арендодатель в принципе не может получить обратно свое имущество и накопленные в лесу в течение многих лет запасы древесины.

10. ЛЕСНОЕ ИМУЩЕСТВО: СОБСТВЕННОСТЬ, ВЛАДЕНИЕ, АРЕНДА

При каком виде имущественных отношений лучше вести лесное хозяйство?

Об этом в разных структурах нашей отрасли говорят и спорят те, кто профессионально — на уровне трудов проф. М.М. Орлова и других корифеев — знает лесное хозяйство как сложнейшее производство с его вековыми циклами. Кроме них, в дискуссии активно участвуют и другие люди, которые вообще не слышали о таком производстве.

Сегодня мы, лесоводы, как бы попали в положение агрономов во времена Н.С. Хрущева. Тогда партсовноменклатура, заткнув им рты, заставила уничтожить клевера и сеять южную кукурузу на северных подзолах. О том, к чему это привело, знают теперь, очевидно, буквально все.

У нас, лесоводов, место кукурузы заняла сдача лесов в аренду, сопровождаемая, почему-то, радостными сообщениями в газетах о том, как почти задаром, а в определенных случаях вообще бесплатно отдали общенародный лес в рубку так называемым арендаторам. Попробовали бы высокие чиновники повернуть такую аферу, например, в Финляндии. По Закону о лесе, изданному в Хельсинки 12.12.1996 г., за лесные преступления, сопряженные с получением значительной экономической выгоды, там наказывают немалым штрафом и двумя годами тюрьмы. Не обманулась бы полиция Финляндии и цветными фантиками со словами «рынок», поскольку — в действительности — никакой это не рынок, а нечто, о чем в подавляющем большинстве случаев можно сказать как о слегка замаскированном способе присвоения лесной госсобственности, т.е. запасов древесины, имеющих хорошую цену на рынке. И берут эту древесину, конечно, не на время (в аренду), а без отдачи! Почему? Да потому, что даже те, кто чтит библейскую заповедь «не укради», физически не могут вернуть за 15 или даже за 50 лет вырубленные ими древостои, которым было во время рубки около 100 лет.

«Гвоздь» такой псевдоаренды нельзя не усмотреть в огульно-смешной цене за 1 м³ древесины, обозванной почему-

то древне-налоговым словом «подать». Устанавливают эту цену не лесоустроители и не на местах, а почему-то в Москве и неизвестно по какой методике. Злые языки говорят: способом франко-потолок, умноженным на личный интерес. А для маскировки иногда добавляют: дескать, в природе вообще нет методики, позволяющей определить цену леса на корню. Однако врут. Давно такая методика в России была создана*. Она много лет применялась на практике и упомянута в нескольких изданиях Инструкции по лесоустройству. В последний раз — в 1926 г. в Инструкции по лесоустройству и в Инструкции для отпуска леса из общегосударственных лесов РСФСР.

Как подчеркивал еще проф. А.Ф. Рудзкий (1881), фундаментом используемой лесоустройством методики по определению непременно местных лесных такс (расчетных корневых цен) были и должны оставаться цены на круглые сортименты древесины на рынках. А сами расчеты должны в максимальной мере учитывать расположение реализуемых в рубку участков леса на местности и, конечно, качество и количество имеющейся там древесины.

Есть подобные же методики и в соседних странах. Только вот у себя дома люди из наших властных структур о таких методиках и слышать не хотят. Может кто-то догадается, почему?

О сдаче лесов в аренду у нас и в других странах специалистами написано много плохого. Почему? Понять не трудно: арендаторы всегда были и останутся временщиками. Нет им расчета вкладывать деньги в лесовыращивание, т.е. туда, откуда они могут — в лучшем случае — вернуться лишь после похорон вкладчиков. Поэтому поговорим лучше о лесной собственности.

В принципе, как известно, леса (т.е. конкретные участки леса) могут находиться в собственности государства (функции собственника в этом случае выполняют его центральные и (или) территориальные органы), общественных и религиозных

* См. «Правила для составления такс на лесные материалы» в «Инструкции для отпуска лесных материалов из дач ведомства Министерства земледелия и государственных имуществ по Лесному Департаменту». — СПб.: Дом М-ва финансов, 1897.

организаций (помните, леса общественные, крестьянские, монастырские, колхозно-совхозные и др.), а также в частной собственности (т.е. в собственности физических и юридических лиц) и в смешанной (это — при наличии у одного и того же объекта нескольких собственников).

В России горше всех была судьба у так называемых общественных лесов. В ряде случаев — по М.М. Орлову — они в короткое время были превращены в заросли, пригодные разве что для заготовки веников, а в других — даже в подвижные пески.

У частных собственников лесное хозяйство иногда велось хорошо (как правило, у крупных), а чаще — плохо. В публикациях Лесного департамента начала XIX в. нередко можно встретить сообщения о том, что государство через судебные органы должно было вынуждать частных лесовладельцев соблюдать установленный порядок рубок в их лесах.

Леса, находившиеся в собственности государства, в своем большинстве были в лучшем состоянии и, как правило, приносили казне высокий доход.

Являясь чьей-то собственностью, те же участки леса могут находиться еще и во владении физических и юридических лиц, которым собственник леса передал их по договору на оговоренных условиях и для обозначенных в договоре целей.

О самой возможности передачи лесов во владение у нас теперь говорят почему-то мало. Думаю, что это неправильно, поскольку данная форма юридической и экономической организации хозяйственной деятельности на лесных территориях является, пожалуй, самой гибкой и удобной в исполнении для регионов с разными природными и экономическими условиями.

В принципе леса могут быть переданы собственником их будущему владельцу на разных условиях и для использования в различных целях (естественно, при соблюдении ограничений, вытекающих из действующих законов).

Для примера ниже названы только некоторые цели и условия, для достижения которых и при соблюдении которых могла бы иметь место — по нашему мнению — передача государственных лесов по договорам во владение:

* научным и учебным заведениям для использования в качестве их баз в исследовательских и учебных целях — в бессрочное и безвозмездное пользование. Последнее мы считаем справедливым, поскольку те и другие заведения работают на будущее страны;

* особо крупным деревоперерабатывающим предприятиям — в срочное (или бессрочное) возмездное владение для ведения комплексной хозяйственной деятельности, в том числе лесопромышленной, лесохозяйственной, лесоагропромышленной, лесохозяйственной, лесорекреационной и пр.;

* особо крупным и достойным туристическим фирмам в срочное возмездное владение для реализации бизнес-проектов по лесному туризму и охоте.

Перечень предложений, подобных вышеприведенному, может быть многократно расширен. Но сейчас важнее говорить не о них, а о тех обязательных (прописанных в договорах) условиях, при которых могла бы иметь место передача лесов их собственником тем или иным будущим владельцам. Это:

* полная открытость территории лесов и документации лесовладельца для осуществления контрольных функций со стороны представителя собственника лесов;

* оплата лесовладельцем лесоустроительных и иных проектных работ, имеющих своей задачей ведение правильного лесного хозяйства, позволяющего увеличить получаемый доход, а также экономическую и экологическую ценность лесов;

* реализация названных проектов лесовладельцем за его счет;

* сохранение доступности лесов для местного населения для осуществления традиционных видов деятельности, не имеющей промышленно-массового характера;

* наличие в договоре четких формулировок о том, что за предоставленный во владение лес его собственник получает от владельца денежное возмещение, например, в виде определенного процента от совокупного дохода;

* четкое указание причин и обстоятельств, в силу которых ранее заключенный между собственником и владельцем лесов договор может утратить свою юридическую силу.

Далее очень коротко о ведении лесного хозяйства и лесопромышленной деятельности в лесах, являющихся собственностью физических и юридических лиц.

У многих граждан России существует представление о том, что в собственных лесах можно поступать по формуле: «что хочу, то и ворочу».

Должен огорчить тех, кто надеется на это. Ничего похожего нет ни в одной из цивилизованных развитых стран. Приведу в качестве примера Финляндию, имеющую 5 млн. жителей и 20 млн. га лесных земель, большая часть которых (около 14 млн. га) находится в частной собственности. Все, что делается в этих лесах, происходит под неусыпным надзором Лесного центра в Министерстве сельского и лесного хозяйства, обеспечивающего, по закону, во всех лесах страны преобладание общегосударственных интересов над интересами отдельных собственников лесов. Если кто-то в своих интересах поступает вопреки указанному, за этим следуют весьма серьезные санкции.

Уверен, что обсуждаемый теперь в нашей стране вопрос о переходе государственных лесов, переданных в так называемую аренду, в категорию частнособственнических, будет иметь в России больше дурных, чем позитивных следствий. Многие граждане, успевшие вырубить в арендованных лесах лучшие древостои, не захотят стать собственниками их остатков, т.к. в свой лес надо будет вкладывать деньги, да еще платить за него налоги. Другие люди — лесные старатели — могут, конечно, пойти по иному пути. Но их, скорее всего, будет немного.

Закончить данную статью я хочу следующим напоминанием.

У хорошего собственника вполне могут быть неспособные наследники. Например, в Воронежской губ. первый хозяин Хреновского бора и Хреновского конного завода граф А.Г. Орлов (ум. в 1808 г.) ссылал лесных браконьеров на поселение в Сибирь (Г.П. Калюжный, 2004). И бор стоял. Однако уже при его дочери все пошло в такой разнос, что и конный завод и Хреновской бор государству пришлось выкупить в собственность казны. Вообще процессы приватизации и деприватизации уже давно применялись в Российской Империи как

способы «лечения» дурно управляемых предприятий. Теперь об этом почему-то забыли, а само государство даже зачем-то способствует «прихватизации» успешно работающих заводов и других производств. Напоминая об этом, хочу еще раз сказать: не надо раздавать леса России в собственность. Лучше — во владение, по договорам. В этом случае урон будет меньше. И вообще лучше бы избежать шаблонных решений в организации управления лесным хозяйством России по причине крайне разнообразных ее лесорастительных и экономических условий. На горькие последствия таких всеобъемлющих решений почти глобального масштаба мы уже много раз наступали, как на грабли. Может быть, не станем этого повторять?

«Лесная газета», 2005, № 13, 12 февраля.

11. КТО БУДЕТ РАЗОРЕН В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОВЫШЕНИЯ ЦЕН НА ЛЕС НА КОРНЮ?

27 мая с.г. на съезде Союза лесопромышленников Ленинградской области было жестко сказано о том, что повышение цен на лес на корню «приведет к прекращению лесозаготовительной деятельности подавляющего большинства лесопромышленников региона» (см. «Лесной вестник», 2005, №1). О таком заявлении, можно сказать, что оно похоже на ультиматум, адресованный государству как собственнику лесов страны. Однако удивило не только это. В той же газете в статье Ю.И. Беленького было сказано о том, что на состоявшемся тогда же (в конце мая 2005 г.) в Москве съезде Союза лесопромышленников России вообще как бы не заметили указанную опасность. Что это, уже созревший раскол в Союзе лесопромышленников или просто иная позиция по вопросу, который в Москве не сочли главным?

По существу вопроса, поставленного на съезде Союза лесопромышленников Ленинградской обл., позволю себе сказать следующее.

В настоящее время наши лесозаготовители получают лес в рубку по цене, во много раз меньшей, чем, например, в

Финляндии или в Литве. И даже вообще даром, если реализуемые древостои оформляют как объекты рубок не главного пользования.

Указанная ценовая политика на лес на корню привела к тому, что теперь у нас резко ослаблен стимул к организации производств по переработке древесины, поскольку ее можно с немалой прибылью просто продать в круглом виде в соседние страны, где действуют многократно более высокие цены на лес на корню. И еще: экспорт круглого леса — да еще заготовленного на приграничных территориях — сопряжен с быстрым оборотом капитала. Это выгодно многим нашим коммерсантам. По очевидным причинам странам-импортерам тоже выгодно покупать у нас именно круглый лес. Однако такой вектор развития нашей лесной промышленности весьма не выгоден государству (не только в экономическом, но и в политическом плане!), поскольку он ускоряет наше превращение в зависимый от развитых стран колониально-сырьевой придаток.

Указанная ситуация (т.е. массовая продажа за рубеж высококачественного и дешевого круглого леса) бывала в России и раньше, например, на рубеже XVIII и XIX столетий, когда наши предприниматели, забыв о жестких указах Петра Великого, энергично использовали взятые в казенных лесах лучшие (мачтовые) стволы ценных древесных пород для экспорта в Англию и другие страны. Чтобы остановить оскудение доступных для порубщиков лесов России, император Павел I не только создал Лесной департамент в структуре своего правительства, что широко известно, но и запретил своим особым Указом вывоз леса за границу. Вскоре после этого он был убит, а его сын Александр I уже через два дня после смерти отца отменил названный запрет (см. об этом в книге В.Ф. Парфенова «Лесной бастион». — М., 2004. — С. 35-36). Можно гадать, была ли причинная связь между указанными событиями. Однако сами эти события имели место.

Во второй половине XIX-го и начале XX-го столетия в государственном лесном хозяйстве России происходили многие позитивные изменения, сопровождавшиеся — подчеркнем — ростом цен на лес на корню, расходов на ведение лесного хозяйства, а также увеличением лесного дохода государства.

Опираясь на данные, приведенные в Ежегоднике Лесного Департамента за 1913 г. можно уверенно сказать, что в казенных лесничествах в обжитых губерниях Европейской России отводимый в рубку лес дешевым не был. Так его продажная цена (в рублях и копейках за 1 куб. саж.) была в среднем равна: в Орловской губ. — 13-14, Нижегородской — 10-72, Петербургской — 9-89, Архангельской — 6-34. И все это — при валютном наполнении рубля того времени, равном 0,77 г золота (см. Финансово-кредитный словарь, 1988, т. 3, с. 76). Тем не менее, именно в те годы Россия уверенно занимала 1-е место в мире по величине своего лесного экспорта. И еще подчеркнем, что в валютной структуре нашего экспорта главенствующую роль тогда имел переработанный (пиленный) лес (103 млн. руб. в количестве 232 млн. пудов), а не круглый (только 61 млн. руб. в количестве 229 млн. пудов). Как можно видеть, пиленный лес в экспортных поставках стоил в 1,6 раза дороже круглого. Это обстоятельство, в сочетании с высокими корневыми ценами, вынуждало предпринимателей вкладывать деньги в строительство деревоперерабатывающих предприятий, что в полной мере соответствовало общегосударственным интересам.

Если теперь в России корневые цены на лес будут формировать по примеру других товаров, т.е. на открытых рынках — аукционах, эти цены не могут не измениться в направлении более глубокой их дифференциации. В каких-то условиях они могут упасть или сохраниться на том же уровне, в других — существенно увеличиться. На вопрос о том, какими они будут в разных природных и социально-экономических условиях, ответить сможет, очевидно, только сам рынок. Без него отведенный в рубку лес будет оставаться в положении коня, о котором известный знаток русского языка Вл. Даль метко сказал: «непродажному коню цены нет».

Кто выиграет и кто проиграет при продаже леса на корню по рыночным ценам?

Выиграет, в первую очередь, государство, главным образом по причине увеличения своего лесного дохода и еще в силу того, что наши предприниматели, чтобы сохранить и увеличить свои доходы, будут вынуждены больше уделять внимания продажам не круглого леса, а более дорогих

продуктов переработки древесины, в том числе такой, которую даже теперь, по причине ее дешевизны, часто бросают на лесосеках или где-то еще. Нельзя также не сказать о том, что строительство и развитие в своей стране предприятий по переработке древесины (в том числе за счет частных и мощных государственных инвестиций путем мобилизации замороженных валютных резервов России) будет сопряжено с созданием многих новых рабочих мест. Последнее, как понятно, будет иметь не только экономическое, но и важное политическое значение.

Выиграет лесное хозяйство и само состояние наших лесов при условии, если определенная (и не маленькая!) часть вырученных на аукционах средств будет оставаться в лесхозах. Последние смогут вкладывать больше денег в строительство дорог и в повышение продуктивности лесов. Это позволит лесхозам приблизиться к статусу самоокупаемых, а затем и доходных предприятий.

Проиграют лесозаготовители, построившие свой бизнес на основе заготовок и реализации «круглого» леса. Им придется поднять продажные цены на свой товар и уменьшить получаемую прибыль.

Уменьшатся прибыли (показатели рентабельности) фирм, занятых перепродажей древесины, приобретаемой у лесозаготовителей. Как уже было сказано выше, компенсировать эти потери можно будет, главным образом, путем развития бизнеса в сфере переработки древесины и торговли относительно более дорогими изделиями из нее.

Переход на рыночные цены на лес на корню заставит лесопромышленников и лесоводов увеличить свою деловую активность. Кто-то в этом преуспеет больше, другие — меньше. Естественно, что последних страшат открытые лесные аукционы. Поэтому они предпочитают, чтобы лес на корню и впредь не продавали, а продолжали бы привычным образом распределять между своими и чужими структурами. Какое-то время при такой гибридной форме рыночно-распределительной экономики лесной комплекс еще удержится на плаву. Но не долго. Как система с задействованными в разных ее частях несовместимыми экономическими механизмами, наш лесной комплекс не может не растерять прямые

и обратные связи, призванные почти в автоматическом режиме регулировать взаимодействие между его секторами. Без этого необходимое всем нам поступательное развитие лесного комплекса страны может быстро превратиться в его стагнацию.

«Лесная газета», 2005, № 53, 2 июля.

12. КОНСТРУКТИВНЫЕ СПОРЫ ПРИБЛИЖАЮТ К ИСТИНЕ

Недавно «Лесная газета» (от 2.07.2005, №53) опубликовала мою статью «Кто будет разорен в результате повышения цен на лес на корню». С изложенными в статье мыслями выразил свое несогласие мой давнишний и хороший знакомый Василий Антонович Чевидаев, бывший главный лесничий Псковской области, а ныне исполнительный директор Псковской ассоциации лесопромышленников. Свои возражения он опубликовал в той же газете (от 6.08.2005, №63) в статье под названием «Без вмешательства государства не обойтись».

С предложением, сформулированным В.А. в названии статьи, нельзя не согласиться. Миллионам людей не понятны действия правительства РФ, заморозившего в иностранных банках миллиарды наших нефтедолларов вместо того, чтобы закупить на них, например, несколько крупных и вполне современных деревоперерабатывающих комбинатов. Введенные в эксплуатацию такие комбинаты могли бы резко увеличить доходы страны, получаемые от реализации не «круглого сырья», а товаров из переработанной древесины на внутреннем и внешнем рынках, а главное — улучшить условия жизни многих тысяч людей в самых глубинных районах России. Только вот почему-то не рассказывают людям господи Кудрин и Греф о том, почему они распорядились с валютным резервом государства именно так, а не иначе.

Однако есть в упомянутых статьях такое, о чем В.А. и я думаем по-разному. Умалчивать об этом нельзя, поскольку, как говорил еще Аристотель (более 2 тыс. лет тому назад): «Платон мне друг, но истина дороже».

Ниже приведены соображения, объясняющие и уточняющие мою позицию в нашей дискуссии.

Примерно на 3/4 лесопокрытой площади России имеющиеся древостои вообще не представляют интереса для коммерческой эксплуатации. Повышение или понижение там корневых цен, а также включение имеющихся запасов древесины в «расчетную» лесосеку страны или ее крупных территорий — дело, по меньшей мере, бессмысленное, т.к. в условиях рыночной экономики, при нулевых и отрицательных значениях показателя рентабельности лесопромышленная деятельность в таких лесах просто невозможна. Соответственно в моей статье речь шла не о повышении корневых цен вообще, а только в имеющих спрос у лесозаготовителей древостоях, эксплуатация которых приносит предпринимателям существенную прибыль. Именно эту прибыль собственник лесов (государство) имеет законное право разделять с предпринимателями путем организации лесных аукционов (торгов) и установления обоснованных стартовых цен на реализуемую на торгах древесину на каждом из таких участков. Понятно, что при проведении аукционов цены на лес на выгодных для лесозаготовки участках не могут не возрасти. Естественно, что победителем на таких аукционах будет тот, кто заплатит больше, кто сможет выполнить другие требования, указанные в условиях аукциона, и кто сможет затем реализовать заготовленную древесину не в дешевом круглом, а в более дорогом, переработанном виде.

В.А. не согласен с рыночным порядком реализации леса на корню в рубку по варьирующим ценам как произведенного лесхозами товара того или иного качества, да еще с разным местонахождением. Его более устраивает административное распределение лесосек между лесозаготовителями по заниженным «твердым» ценам или вообще бесплатно, например, под видом рубок ухода. В обоснование своего подхода он приводит аргументы, на каждый из которых ниже дан свой ответ.

В.А. говорит о том, что установлению корректных (т.е. рассчитанных по определенной методике и уточняемых на открытых торгах) корневых цен на древесину в Псковской области препятствует менее густая сеть дорог, чем в странах

Балтии, где лес на корню продают по многократно более высоким ценам. О дорогах в целом сказано верно. Наличие густой или редкой дорожной сети не может не влиять на величину корневых цен. Однако это обстоятельство отнюдь не перечеркивает саму возможность реализации лесосек на аукционах по большим или меньшим ценам. При всем том, в некоторых лесхозах Псковской области дорог в лесу немало и Вы, Василий Антонович, когда-то сами руководили их строительством. Кроме того, остались еще на Псковщине боры на легких почвах, где мощные лесосечные машины и лесовозы могут перемещаться почти как по лесным дорогам не только зимой, но и летом. Поэтому там, где дороги есть, да еще в борах и вблизи государственной границы, трудно найти серьезные причины (кроме субъективных!) того, почему псковитяне продают на таких объектах свой лес на сруб по резко заниженным ценам по сравнению, например, с соседней Эстонией.

Желая сохранить существующий порядок почти бесплатной передачи лесов в рубку, В.А. с горечью констатирует, что в эксплуатационной части лесов Псковской области хвойных древостоев осталось крайне мало, всего 30%. Этот очень печальный факт. Но он как аргумент в нашем споре по меньшей мере неуместен, поскольку за дефицит всегда приходится платить дороже. Вы же, В.А., предлагаете прямо противоположное. Почему? К сказанному не могу не добавить, что происшедшая на большей части площади псковских лесов смена хвойных пород на гнилую осину и низкотоварную березу имеет в качестве причины не стихийные бедствия, а своих собственных лесозаготовителей и лесоводов. Сейчас в лесах в обжитых районах страны гнилые осинники уже занимают площадь, равную примерно шести Ленинградским областям. На это Вы можете сказать: Москва виновата в том, что утверждала вызывающие смену коренных древостоев ущербные правила рубки леса и давала мало денег на восстановление хвойных лесов. Это правда, но не вся. Сумели же лесоводы Смоленской области приостановить у себя указанную смену пород, а вот Вы и многие другие области — нет. Так что делите с Москвой ответственность за происшедший «уход» ели и сосны из псковских и иных лесов России.

Обосновывая свою позицию, Вы, В.А. как бы жалуетесь на то, что от большей части Ваших лиственных древостоев отказалась даже так называемые арендаторы и что просуммированная по области расчетная лесосека теперь осваивается: по лиственному хозяйству — на 20%, а по хвойному — на 54%. В связи с названными цифрами нельзя не заметить следующее:

Те Ваши малоценные древостои, на которые у потребителей нет спроса, реализовать можно разве что под ружьем. Так уже обычно не делают. Вместо этого теперь используют экономические рычаги. Например, на Северо-западе Канады различия в корневых ценах на древесину ели и осины (а последняя там не лучше нашей) превышает 20-кратную величину. При таких различиях в ценах у лесопромышленников появляется обоснованное желание брать и перерабатывать очень дешевую древесину осины.

Используемые Вами в качестве аргументов сведения о низком уровне освоения расчетной лесосеки в Псковской области, по моему мнению, не убедительны. Как Вы хорошо знаете, этот показатель уже давно определяют не по хозяйственным дачам с однородными лесорастительными характеристиками и социально-экономическими условиями (как делали раньше), а в целом по области или даже по лесхозам с самыми разнообразными характеристиками лесов и условиями ведения хозяйства. Смысла в таких расчетах мало. Это примерно тоже, как если бы главные врачи в больницах стали руководствоваться в своей лечебной деятельности средней температурой тела выздоравливающих и умирающих пациентов. И все же эти цифры — звук не пустой. Они — отчетливое свидетельство низкого уровня ведения в области лесного хозяйства и лесопромышленной деятельности.

Чтобы улучшить то и другое нужны деньги. Можно и нужно просить эти деньги у правительства. Вместе с тем, нужно еще и как-то самим изворачиваться! А то ведь задаст вопрос г-н Кудрин или кто-то еще, почему область просит деньги на решение своих лесных проблем, а сама уже давно продает лес на корню по резко заниженным ценам по сравнению с рядом расположенными бывшими республиками СССР. Если не сейчас, то потом отвечать на этот и другие вопросы

придется. И тут уже нельзя будет не сказать о причинах того, почему лесное хозяйство и лесная промышленность области оказались в положении мифических кентавров, не способных дать плодovitое потомство.

«Лесная газета», 2005, № 83, 15 октября.

13. НЕЛЬЗЯ ПОДМЕНЯТЬ ПОНЯТИЕ «БЫТЬ» СТРЕМЛЕНИЕМ «КАЗАТЬСЯ»

Жизнь убедительно показала: убыточные хозяйства (предприятия) обречены на уход в небытие. То же может произойти (и уже происходит!) с нашим лесным хозяйством, призванным не только сохранять в функционирующем состоянии, но и умножать два важнейших ресурса России — лесосырьевой и лесоэкологический. Тот и другой имеют жизненно важное значение для страны. При всем этом опыт многих лет свидетельствует о том, что названные задачи, несмотря на всю их государственную важность, нельзя успешно решать при существующем дотационно-убыточном бюджете нашей отрасли.

Последнее, напомню, было не всегда.

Во время Лесного департамента формируемый в его лесничествах валовой лесной доход и производимые расходы во всех (!) структурах государственного лесного хозяйства России соотносились, как 3:1 (Ежегодник Лесного Департамента, т. 1 — Пг., 1914. — С. 111 и 115). При этом важно еще иметь в виду, что получаемые лесничими суммы от продажи леса на корню составляли тогда 90% названного дохода.

В череде последующих лет лесное хозяйство России перестало быть доходным и стало убыточным. Разрыв между доходами и расходами отрасли принял катастрофический характер. В данной ситуации понятны стремления к тому, чтобы сократить разрыв. Однако это, конечно, нельзя делать путем прибавления чужих доходов к своим.

Указанное «прибавление» произвел Н. Сорокин в статье «Цену леса определит правительство и рынок», опубликованной в «Российской лесной газете», №17 (май) за 2005 год.

В статье сказано: «... лесной доход Российской Федерации сегодня составляет около 20 млрд. руб. в год и формируется из вывозных таможенных пошлин (более 13 млрд. руб.) и лесных податей за древесину, отпускаемую на корню (около 7 млрд. руб.)».

Указанным «сложением» автор статьи сразу как бы увеличил лесной доход страны почти в три раза, не подумав при этом о том, что складывает он не только «свое» и «чужое», но и вообще, как писал А.С. Пушкин, «вещи не совместные».

Чтобы сказанное стало понятно, поясню, что есть что.

Доход. «Денги или материальные ценности, полученные от предприятия какого-нибудь рода деятельности» (Словарь ... русского языка, 1954, т. 3, с. 1067).

Лесной доход. Это — денежные поступления от хозяйственного использования лесов. Основным источником лесного дохода является попенная плата от продажи леса на корню. Лесной доход используют для покрытия издержек лесного хозяйства и для создания накоплений для расширенного воспроизводства (Лесная энциклопедия, 1985. т. 1, с. 519).

Таможенные пошлины. Это — налоги, вводимые государством на перевозимые через границу товары по устанавливаемым им самим таможенным тарифам. Тот или иной размер тарифов (ввозных и вывозных) есть главный инструмент торговой политики государства, призванный защищать и поощрять отечественных производителей (Финансово-кредитный словарь, 1985, т. 3, с. 227).

Как можно видеть, предпринятое сложение попенной платы с таможенными пошлинами (т.е. с налогами) есть нечто, стоящее за границами логики.

Чтобы увеличить доходность нашего лесного хозяйства, нужны принципиально иные решения. Одно из них может быть связано с тем, что лес на корню — имущество крайне неоднородное. В зависимости от таксационных характеристик древостоев и их местонахождения, различия в потребительской ценности древостоев (и, соответственно, в их попенной цене) могут (должны!) отличаться от административно заданных среднестатистических цифр в «разы» и даже в десятки раз. Именно реализация этого обстоятельства может реально и очень значительно увеличить лесной доход страны.

Чтобы задействовать и поддерживать на лесных аукционах систему глубоко дифференцированных стартовых цен на лес на корню, нужна большая и многотрудная работа лесоустроителей и лесхозов. Непременным условием ее успешности является, по моему мнению, наличие на местах корректных методик и программных средств для расчетов, а также достойное финансовое обеспечение исполнителей за счет части получаемого в каждом лесхозе валового лесного дохода.

В принципе только экономически осмысленный труд лесоводов, получающих за свою работу адекватную зарплату, может снова сделать наше лесное хозяйство сначала — самокупаемым, а затем — и высокодоходным.

«Лесная газета», 2005, № 52, 28 июня.

14. ПРОЕКТ ЛЕСНОГО КОДЕКСА ВРАЖДЕБЕН ИНТЕРЕСАМ РОССИИ

Проект Лесного кодекса (ПЛК) внесен в Государственную Думу Председателем Правительства РФ (распоряжение от 28.01.2005 г., № 84-р). Тем же распоряжением для лоббирования ПЛК в обеих палатах Федерального Собрания назначен зам. министра экономического развития и торговли РФ.

Уже в самой Государственной Думе ее Комитет по природным ресурсам своими решениями № 34.11 от 03.02.2005 г. и № 3.12-13/76 от 04.02.2005 г.:

а) согласовал и направил ПЛК, как будущий федеральный закон, обеим палатам Федерального собрания России, Совету Государственной Думы, Президенту, Правительству России и еще многим органам государственной власти страны;

б) определил, что отзывы и замечания по ПЛК могут поступать в Думу только до 10.04.2005 г.

Таким образом, можно сказать, что в Государственной Думе практически все готово к тому, чтобы в стране в самый короткий срок появился имеющий силу закона новый Лесной кодекс РФ.

Содержание и качество Лесного кодекса касаются практически каждого гражданина России. Поэтому не может не показаться противоестественным то, что вышеназванные

действия произошли без предварительного публичного обсуждения ПЛК с гражданами России вообще и с ее лесоводами в первую очередь, т.е. с теми, кто на профессиональном уровне владеет знаниями о том, что такое лесное хозяйство, каковы его главные цели и пути их достижения.

Несмотря на спланированное пренебрежительное отношение к людям моей профессии, я, лесовод с полувековым стажем, считаю себя и своих коллег обязанными недвусмысленно и публично высказать свое отношение к ПЛК, который в короткое время может стать законом России.

Знакомство со многими предшествующими вариантами ПЛК и его последним текстом, подготовленными, очевидно, одной и той же командой анонимных неспециалистов лесного хозяйства, заставляет меня сказать, что в данной ситуации, напоминающей весну 1917 года, граждане России не должны занять позицию, о которой один из современных авторитетов, применив бульварный жаргон, коротко сказал: «Пипл все схавает». Это «все», как обнаженный от дипломатической риторики вопрос «быть или не быть», теперь поставлен о будущем лесного хозяйства страны, о ее лесопромышленном комплексе и о самих лесах России.

В России и других странах накоплен обширный объем знаний о лесах и о ведении лесного хозяйства при разных формах его экономической и административной организации. Нужны немалые усилия, чтобы освоить эту информацию. Тем не менее, хотя бы минимальным объемом приведенных ниже сведений должен владеть каждый гражданин страны, полагающий себя ответственным за ее будущее, чтобы иметь возможность самому, если не в деталях, то в главном, правильно оценить содержание текста, который уже получил в Государственной Думе статус ПЛК, т.е. проекта закона РФ.

О средообразующей роли и социальном значении наших лесов

В ПЛК отсутствует постановка политической задачи, обязывающей всех и каждого так вести хозяйственную и иную деятельность в наших лесах, чтобы они не перестали быть ландшафтно-образующими доминантами на большей части территории страны.

С происходящими изменениями важнейших характеристик наших лесов и их бывшего биологического разнообразия не могут не изменяться и сами наши ландшафты. Другими становятся условия, при которых возникли и сформировались этносы России. Хорошо, если у людей, уже позволивших поставить на себе многие опасные социально-экономические и экологические эксперименты, не разовьется что-то вроде массового синдрома неприятия новых условий жизни. А если именно так получится или уже получилось? Иные скажут: фантазия. Ответу — возможно. Только напомним о следующем:

а) не было раньше в России такого большого количества самоубийц (в том числе среди молодых людей) как теперь. Так, по данным писателя В.П. Филимонова («Новый Петербург», 2005, № 51), число самоубийств теперь достигло 55 тыс. случаев в год;

б) против расчетов, выполненных еще Д.И. Менделеевым, население России за последние 100 лет не увеличилось до ожидаемого полумиллиарда, а напротив, уменьшилось почти на 100 млн. человек;

в) площадь пашен России уже сократилась на 40 млн. га. Напомню, что наши пашни — это та самая земля-кормилица, на создание которой ушло больше лет, чем стоит сама Россия. За ради этой земли в разных войнах погибли миллионы людей. Теперь, брошенная, она превращается в бесполезный чапыжник или пустоши. Как лесовод, не могу с горечью не сказать о том, что если бы эту землю хотя бы засадили лесом, страна могла бы иметь здесь, в своих обжитых районах, как минимум, 160 млн. м³ деловой древесины в год, получая доход от ее реализации на уровне \$1,5-2,0 млрд. в год и еще многие рабочие места в организованных здесь же комплексных агролесопромышленных предприятиях. Только вот сделать это, видимо, некому, поскольку не заметны сегодня на общественном горизонте России люди с такой созидательной силой, какая была у некоторых Романовых, Строгановых, Ольденбургов, Уваровых, Фальц-Фейнов, Кенигов, Орловых, Морозовых, Третьяковых, Демидовых, Ломиковских и других.

Леса России составляют около 6% поверхности суши материков Земли (это — без Антарктиды). Казалось бы, немного. Однако именно в наших таежных (бореальных) лесах

(а большая их часть находится в России, меньшая — в Северной Америке) мы имеем положительное сальдо в «работе» созданных Природой систем по консервации и диссимиляции органических веществ. Результат: обогащение атмосферы кислородом и сток из нее в почву двуокиси углерода (CO_2), вызывающей в атмосфере Земли тот самый тепличный эффект, о возможных последствиях которого теперь говорят ученые, политики и журналисты разных стран.

Вышесказанное нельзя не дополнить упоминанием о водоохранной и водорегулирующей роли лесов. Эту роль лучше других выполняют наши хвойные и, особенно, темнохвойные деревья. На их кронах задерживается до 40% осадков, а под ними снег весной сходит значительно медленнее. Когда в конце XIX-начале XX века помещики и крестьяне Московской губернии «хорошо рубанули» свои самые ценные хвойные леса, весной 1908 года под водой оказалась значительная часть самой Москвы.

В числе причин усилившихся в последние годы паводковых наводнений лесоводы уже давно называли сокращение площади хвойных лесов в бассейнах малых и больших рек. Этот вывод был сделан не на пустом месте, а на основе длительных наблюдений, экспериментов и расчетов, проведенных проф. Н.С. Нестеровым, проф. А.В. Побединским и другими исследователями. По этому поводу, надо сказать, власти страны с лесоводами не спорили и не спорят. Тем не менее, уже многие годы в России рубили и продолжают рубить главным образом сосновые и еловые древостои. Да еще делают это так, что теперь примерно на половине площади вырубок растут не ель и сосна, а гнилые осинники и низкотоварные березняки. В итоге смена наших коренных хвойных лесов мелколиственными получила масштаб явления географического, что хорошо видно, если посмотреть на изменившийся цвет карт лесов разных лет. Последняя такая карта (спасибо ее авторам!), выпущенная в 2004 году по данным космической съемки силами ряда независимых организаций, отчетливо свидетельствует о том, что в нашем «зеленом море тайги» хвойные леса остались, главным образом, на северных и восточных окраинах, преимущественно в виде низкопродуктивных древостоев, да еще кое-где в виде недорубленных полосок и островков.

Лесоводы знают, как остановить и повернуть вспять процесс смены хвойных лесов мелколиственными. Чтобы реализовать эти знания, нужна четкая политическая установка на общегосударственном уровне. Однако в тексте ПЛК данная общегосударственная проблема и пути ее законодательного решения вообще не обозначены. Поэтому и впредь наводнения будут случаться в стране все чаще, как если бы они были кому-то нужны.

Еще об одной важной средообразующей функции лесов просто нельзя не сказать, а именно о существующей связи между качеством и количеством питьевой воды и лесистостью многих территорий. Те, кто просчитывает наше будущее, говорят, что не за горами время, когда хорошая питьевая вода будет стоить в некоторых регионах дороже нефти. По этому поводу напомним, что оставшиеся еще не вырубленными водоохранные леса (в том числе в бассейне оз. Байкал) берегают не только для нас, но и для многих других стран уникальное количество хорошей питьевой воды. Если безответственные люди, действуя под разными предлогами, не пустят на ветер это богатство, те, кто помоложе, наверное, смогут увидеть бутылки с байкальской водой на полках супермаркетов.

Завершая разговор о природоохранной функции лесов, считаю себя обязанным подчеркнуть, что составители ПЛК как бы «проехали мимо» этой темы. Последнюю свели к нечетким ограничениям в способах рубок в лесах специального назначения. В отношении же всех остальных лесов (а их — подавляющее большинство!) в ПЛК даже не обозначены пределы, за границами которых используемые режимы и способы рубок леса, а также сроки и качество их возобновления должны рассматриваться и пресекаться как незаконные по экологическим и иным показателям.

Повторяя действующий Лесной кодекс (1997), проект нового Лесного кодекса перепоручает решение вышеназванных и иных основополагающих вопросов ведения лесного хозяйства исполнительным органам власти. Таким образом, и тогда, и сейчас наше Федеральное собрание в отличие, например, от Парламента Финляндии) заранее освобождает себя от ответственности за качество и последствия прово-

димых в стране любимых рубок леса, в том числе и хищнических, что, по моему мнению, в принципе неправильно.

В связи с вышесказанным, считаю полезным еще напомнить, что в Финляндии, в ее «Законе о лесе» (1996) есть §18 и §19, в которых четко названы санкции, применяемые в отношении нарушителей Закона. В зависимости от нанесенного государству ущерба и величины извлеченной при этом выгоды в числе санкций названы: конфискация данной выгоды и даже тюремное заключение на срок до 2-х лет.

Экономическая суть лесохозяйственного производства

Говорить об этом приходится потому, что иные наши руководители воспринимают лесное хозяйство всего лишь как территорию, в границах которой как-то само по себе возникает то, что они называют «возобновляемым сырьевым ресурсом», т.е. что-то вроде карьера с самовоспроизводящимся гравием. В подтверждение такой точки зрения один из видных министров СССР публично заявил, что лесоводы лесу вообще не нужны. Другой, еще более известный политический деятель, в ответ на просьбу рубить лес в меру, а не подряд, ответил еще «круче», примерно так: вы, лесоводы, мешаете нам строить социализм.

Увы, такие мысли не остались в нашем прошлом. Они не возникают сами по себе, но опирались и опираются на следующие распространенные «аргументы».

Первый. Леса могут расти и без нас, т.е. там, где людей вообще не было и нет. Посылка эта верна, но только для своего времени и места. Как сложнейшая живая система с множеством деревьев разных видов, возраста и размеров бесчисленным количеством сопутствующих им существ и преобразованными в результате их деятельности условиями среды, леса, в масштабе времени человеческой жизни, существуют вечно, если, конечно, они не станут жертвой некоей природной катастрофы или разрушительной активности людей.

Древние охотники-собиратели не могли нанести лесам существенный урон. Хуже пришлось лесам, когда наши пращуры стали осваивать их под пашни и пастбища. И уж совсем плохо — в индустриальный век, когда начались массовые рубки леса с использованием высокопро-

изводительных машин. В этих новых условиях лес как автотрофная система уже не в состоянии охранить себя сам, если на его территории лесоводы не организовали то, что еще наши корифеи называли правильным лесным хозяйством. Суть его легче понять, если сравнить лес с надежным банком, а человека — с его разумным клиентом. Последний берет в банке накопленные проценты, но не трогает сам капитал, дополняя его по мере возможности. Это выгодно обоим.

В свое время наш Лесной департамент на каждый рубль, вложенный в государственное лесное хозяйство, имел три рубля валового лесного дохода в год, получаемого главным образом в результате продажи отведенных в рубку лесосек на открытых торгах-аукционах. Из общей суммы дохода 10% передавались органам власти на местах, что стимулировало их интерес к максимизации лесного дохода в окрестных лесах, 60% отправлялись в бюджет страны на общегосударственные нужды и 30% оставались в распоряжении Лесного департамента. Этого было достаточно, чтобы поддерживать свои леса в хорошем состоянии, не истощать их хищническими рубками и иметь позитивную динамику своего развития как государственной структуры. О том, как вести именно такое правильное лесное хозяйство нашими учеными-лесоводами написаны многие книги. Кроме них, множество ценнейшей информации содержат изданные отчеты — «Ежегодники Лесного Департамента». Те, кто их не читал, и, тем не менее, пытаются на свой лад реформировать лесное хозяйство такой гигантской страны, как Россия, не могут не уподобиться известным персонажам басен И.А. Крылова.

Второй. Это распространенное в умах представление о том, что лесов в России, якобы, так много, что их хватит на всех и на все времена. Эта мысль, очевидно, возникла в головах многих людей еще тогда, когда Петр I ввел жесткий запрет на вырубку корабельных лесов вдоль рек. Столетия после этого прошли. Корабельные рощи теперь можно увидеть разве что в крошечных заповедниках. А иллюзия о собственном лесном богатстве все еще не исчезла.

В действительности же, как подчеркивал основоположник нашего лесоустройства проф. М.М. Орлов, Россия богата землями, на которых присутствует древесная растительность,

но не запасами древесины, представляющими реальную коммерческую ценность. В расчете на одного человека по запасам такой древесины Россия значительно беднее Финляндии. В Канаде леса со средним приростом древесины менее 2 м³/га вообще не включают в число предназначенных для систематического использования в качестве источника древесного сырья для промышленных нужд. В России таких лесов подавляющее большинство. Примерно из 780 млн. га лесопокрытой площади для лесопромышленной деятельности у нас доступны по экономическим показателям лишь 1/3 или даже 1/4. И именно эти леса в сильной степени уже истощены продолжающимися рубками.

В нашем не очень далеком прошлом, чтобы резко «увеличить» запасы якобы «спелой» и доступной древесины вообще и хвойных пород в частности, Госплан СССР осуществил следующие административные акции:

1) вместо объективных и легко проверяемых критериев, на основании которых леса ранее подразделяли на хвойные и лиственные, позволил зачислять в хвойные также те, где эти породы не доминируют, но могут (?) стать преобладающими, если за ними проводить затратные рубки ухода. Естественно, что это не могло не вызвать подвижек цифровых данных лесной статистики из ее реальной сферы в более благополучную сослагательную;

2) позволил определять расчетные лесосеки (т.е. разрешенное к изъятию количество древесины, при котором не происходит истощение лесов) без их привязки к выделенным лесоустройством хозяйственным дачам (хозяйственным частям лесничеств) с однородными лесорастительными и социально-экономическими условиями. Вместо этого было разрешено: а) определять «расчетные» лесосеки для крупных, явно неоднородных, административных структур (даже не для лесничеств, а для лесхозов), б) включать в базу расчетов, в виде общей суммы древесных запасов, территории с заведомо разными показателями рентабельности лесосечных работ, в том числе площади вообще недоступные для лесопромышленной деятельности по экономическим причинам. Таким образом, был создан и до сих пор поддерживается выгодный правящей номенклатуре миф о нашей сказочно гигантской

расчетной лесосеке, используемый в качестве обоснования для вырубки еще оставшихся доступных лесов;

3) позволил снизить возрасты главных рубок в хвойных древостоях, где на 20, а где и на 40 лет. По экономическим последствиям эта акция была просто самоубийственной. В результате в доступных для эксплуатации лесах теперь не происходит накопление крупномерной древесины, имеющей наиболее высокую цену на лесных рынках.

В рассматриваемом тексте ПЛК, как в космическом вакууме, отсутствуют законодательные определения того, что есть лесное хозяйство (т.е. лесохозяйственное производство), а также его основные цели и задачи. Как и раньше, согласно ПЛК, наш Парламент собирается передоверить органам исполнительной власти установку минимальных возрастов главных рубок леса. Это обещает продолжение уже имеющих место манипуляций, в итоге которых в просматриваемой перспективе станут реальными следующие три варианта развития нашего лесного бизнеса:

* брать и использовать оставшуюся низкокачественную древесину в лесах, которые, например, в Псковской области, уже получили меткое название «дрянныхиков», что не может не определить наше подчиненное положение на международном рынке изделий из древесины;

* поднимать корневые цены на древесину и вкладывать значительную часть полученных сумм в ускоренное производство дополнительного количества ценной древесины: а) путем более интенсивного ухода за оставшимися молодыми лесами и б) путем закладки и ускоренного выращивания целевых лесосырьевых плантаций;

* завозить для своих предприятий недостающее количество древесного сырья из других стран.

Чтобы предстоящий лесосырьевой кризис не ударил страну с такой же неожиданностью, как дефолт 1998 года, по моему мнению, необходимо:

* раз и навсегда покончить с самообманом о том, что мы, Россия, являемся якобы крупнейшим в мире держателем доступного для эксплуатации пула дешевого и высококачественного древесного сырья;

* включать в стратегические бизнес-планы только те

реально доступные запасы древесного сырья, эксплуатация которых (обязательно вкупе с расходами на лесовозобновление!) может принести большую прибыль, чем вложение средств в надежные коммерческие банки и ценные бумаги;

* бережно обходиться с остатками доступных для доходной эксплуатации хвойных лесов России; сохранять их, в первую очередь для нужд своих предприятий; непременно форсировать работы по возобновлению хвойных лесов на свежих и старых вырубках.

О содержании и качестве ПЛК

В разных СМИ примерно о 20 вариантах проекта нового Лесного кодекса опубликовано множество материалов. В просмотренных статьях я не обнаружил ни одной, содержащей сколько-нибудь весомые аргументы в его пользу и защиту.

Чтобы не повторяться, ниже названы только те особенности ПЛК, которые представляют, с моей точки зрения, наибольшую опасность для лесного хозяйства, для всего лесного комплекса и, следовательно, для России в целом.

1. В ПЛК обойден полным молчанием вопрос о проведении экономической реформы, позволяющей не продлевать существующее в лесном комплексе страны экономическое извращение, при котором государственное лесное хозяйство официально продолжает функционировать в режиме тоталитарной и, якобы, бестоварной экономики, тогда как все остальные сектора лесного комплекса уже давно вошли в рыночные отношения. Тем, кому не понятно скрытое предназначение этой искусственно созданной ситуации, поясню, что при ее сохранении в нашем лесном хозяйстве, оно будет вынуждено оставаться в положении экономического импотента, якобы не способного к продуктивной экономической деятельности. Несостоятельность такой позиции совершенно очевидна всем, кто хоть сколько-нибудь знаком с опытом работы Лесного департамента России в условиях реальной рыночной экономики, а также с современным опытом экономической организации доходного лесного хозяйства в Литве, Финляндии и других странах. Однако составители ПЛК упорно желают действовать вопреки этому опыту. Почему?

2. ПЛК легализует (т.е. делает как бы законным) ускорен-

ное истребление доступных для доходных рубок лесов практически всех групп и категорий защитности. Для достижения этой разрушительной цели в разных статьях ПЛК предусмотрены следующие три основных канала:

* практически бесплатная передача разным лесопользователям древесины, получаемой ими при проведении сплошных и выборочных санитарных рубок. По этому поводу напомним, что в ассортименте вырубаемых деревьев всегда присутствуют (или даже преобладают!) стволы, не утратившие своей коммерческой ценности, например, такие, у которых только закопчена кора у их основания от вызванного разными причинами беглого пожара. В ПЛК не предусмотрена (не трудно догадаться, почему) дифференцированная оплата вырубаемых при санитарных рубках деревьев по их реальной коммерческой (рыночной) цене. Это открывает широкие возможности для злоупотреблений, в том числе таких, когда в сплошную санитарную рубку назначают древостои в лесах всех групп и категорий защитности;

* такую же бесплатную передачу древостоев арендаторам и другим лесопользователям ПЛК предусматривает под видом проведения «рубок ухода». В названном термине намеренно смешаны два разных понятия — рубки ухода за молодняками, при которых получают не имеющий коммерческой ценности хмыз, и рубки промежуточного пользования, при которых получают древесину, имеющую реальную (и не маленькую!) рыночную цену. Такие рубки в ПЛК тоже названы рубками ухода, которые — подчеркнем — разрешено проводить (т.е. изымать ценную древесину) в лесах всех групп и категорий защитности и до наступления официально установленного возраста рубок главного пользования. И все это, повторю, ПЛК позволяет делать бесплатно;

* передачу лесов в рубку по резко заниженным ценам ПЛК разрешает делать еще в одном, самом широко рекламируемом канале — под видом сдачи лесов в так называемую аренду. Интересно заметить, что над этой «крышей» в ПЛК висит как бы в качестве лозунга плакат, на котором написано: пользование лесом должно быть платным. В принципе этот тезис сомнений не вызывает. Он «работает» в других странах теперь и надежно «работал» в России в нашем прошлом при

условии, что на аукционах продавали отведенные в рубку конкретные участки леса с обоснованной расчетной (стартовой) ценой. Однако вместо этого в ПЛК предусмотрено нечто странное, а именно: продавать на аукционах права на аренду лесных территорий (!?). ПЛК не сообщает, кем и как будут определяться стартовые цены на такой разнокачественный внутри себя «товар», что дает основание говорить о формируемой обширной нише для дальнейшего развития коррупции в сфере лесного бизнеса. Нельзя еще не сказать о том, что ПЛК возлагает на арендаторов совокупность обязанностей по ведению лесного хозяйства на площадях, полученных для проведения заготовок древесины. По этому поводу нужно спросить составителей ПЛК об основаниях, позволяющих им столь уверенно продвигать указанную новацию в жизнь, да еще в законодательном порядке. Может быть, они проводили в условиях какой-то части России эксперименты и получили хорошие результаты? Тогда почему эти результаты не приобрели широкую известность? К сожалению, должен сообщить о том, что широкую известность получили другие эксперименты по сдаче лесов в аренду, проведенные в России в двух казенных лесничествах около 150 лет тому назад. Их результаты однозначно показали, что хуже данного варианта организации управления лесным хозяйством нет и быть не может, о чем имеется четкое официальное заключение Министерства государственных имуществ. Спрашивается, кому теперь и зачем понадобилось заниматься воскрешением заведомых экономических покойников, т.е. тем, что уже было объективно оценено и обоснованно отброшено? Какой во всем этом кроется смысл? Может быть, на составителей ПЛК оказали некое перевернутое влияние известные современные данные Счетной палаты России о том, что сдача лесов в так называемую аренду вызвала в стране многократное снижение получаемых сумм лесного дохода, по сравнению с продажей отведенных в рубку участков леса на открытых аукционах? К сказанному добавлю еще, что указанный результат отнюдь не случаен, и что ранее, во времена НЭПа, реализованный тогда отказ от распределения леса в рубку чиновниками в пользу продажи его на открытых торгах (аукционах) позволил за один год вдвое увеличить лесной доход страны. Полагаю, что

получение аналогичного результата в наше время могло бы соответствовать тому, к чему теперь призывает Президент страны своих министров.

Предложения:

Просить Федеральное собрание:

* направить ПЛК в Счетную палату РФ для определения вероятных потерь страны в случае, если бы данный текст приобрел силу закона;

* решить вопрос о незамедлительной реализации предложения Председателя Совета Федерации С.М. Миронова о разработке Национальной лесной комплексной программы России, основанной на балансе интересов разных лесных отраслей и страны в целом. Привлечь к разработке такой крайне важной для страны программы своих высококвалифицированных ученых и, непременно, ученых других стран с развитой социально ориентированной рыночной экономикой. Принять названную национальную программу как «рамочный» федеральный закон и уже затем, в его развитие, возобновить работу над Лесным кодексом.

*«Лесная газета», 2005, № 34, 24 апреля;
журнал «Устойчивое лесопользование»,
2005, № 2(8).*

15. СИЛА И СЛАБОСТИ КОНЦЕПЦИИ НОВОГО ЛЕСНОГО КОДЕКСА

Тысячи граждан России сумели разглядеть разрушительную суть проекта нового Лесного кодекса (ЛК) и высказали — устно и в письмах — свое негативное отношение к нему. Но не все. В Государственной Думе, как известно, проект ЛК поддержало ангажированное большинство депутатов, сумевшее, в числе своих прочих славных дел, перетащить документ через «порог первого чтения». За ним, вероятно, последует и все остальное, что придаст проекту силу закона, хотя его, как известную овечку Долли, в принципе исправить (вылечить) нельзя.

Что в этой ситуации остается делать нам, лесоведам, уверенным в том, что новый ЛК — это реквием на похоронах 200-летнего государственного лесного хозяйства России? О том, что оно значило и значит для страны, было сказано уже практически все. О дефективности проекта ЛК — тоже. Поэтому сегодня уже надо искать ответ на вопрос: что делать дальше?

Думаю, если даже случиться худшее, нельзя впадать в состояние безнадежности и отчаяния. Помнить грустные слова А.С.Пушкина, обращенные к молодым сосенкам у дороги между Михайловским и Тригорским: *«Не я увижу вас могучий ... возраст»*. Но при этом не забывать еще и о том, что наши потомки смогут увидеть мощь корабельных боров, кедрачей и ельников России только в том случае, если у их дедов возобладает чувство гражданской ответственности перед страной и ее будущим. Поэтому надо не посыпать голову пеплом, не спешить, как король Лир, с раздачей того, что было накоплено, но объединить усилия и занять позицию уже очерченную в г. Петрозаводске в апреле 2005 г. на совещании лесных специалистов неправительственных организаций, а именно: начать работу над проектами двух очень важных для страны законов — 1) Национальной комплексной лесной программы России, обеспечивающей баланс экономических и экологических интересов всех участников лесных отношений, и 2) Лесного кодекса, логично вытекающего из этой «рамочной» программы страны.

С тем и другим надо спешить, чтобы разработать, опубликовать, обсудить и познакомить с текстами документов тысячи людей до очередных выборов в органы власти Центра и субъектов РФ. Цель: чтобы они, эти документы, кроме своего основного предназначения, могли бы выполнить роль еще одного из многих индикаторов, позволяющих правильно оценивать качество партий и кандидатов во власть теми многими тысячами людей, кто за них будет (!) или не будет (!) голосовать.

Трудность и сложность предстоящей работы нельзя недооценивать, тем более что действующее правительство, скорее всего не захочет ее оплачивать. Но и при этом условии работа должна продолжаться, по крайней мере, до тех пор, пока в нашем парламенте не возобладает депутаты партий, руководствующиеся идеями социальной справедливости и экологической нравственности.

Приходится с горечью сказать о том, что годы ожидания новых выборов будут потеряны для активной работы по восстановлению лесного хозяйства России. Но потеряем мы не только время. Второпях принимаемый Госдумой Лесной кодекс и активно начатая Федеральным центром не остро необходимая экономическая реформа лесного хозяйства страны, а нелепая высокочатратная административно-управленческая канитель вызовут продолжение исхода из нашей отрасли профессиональных лесоводов. В свою очередь, это не может не привести к увеличению площади и числа лесных пожаров, усилению наводнений из-за дальнейшего развития процесса смены хвойных лесов мелколиственными, к продолжению вырубки лесов в условиях отсутствия финансовых гарантий восстановления на их месте новых полноценных древостоев, к продолжению использования дефективных правил определения допустимых размеров лесоотпуска и иных «нормативов», прикрывающих истощительный характер практикуемой эксплуатации лесов вообще и лесов несырьевого назначения особенно. Так, уже теперь достаточно поехать по Карельскому перешейку, чтобы понять, что жители второй столицы России оказались лишенными весьма значительной части лесов на своей основной рекреационной территории. Говорить обо всем этом трудно, но еще труднее ждать, когда на очередных выборах властных структур страны наши граждане перестанут наступать на упорно подкладываемые им грабли.

Вышесказанное относится к нашему будущему. А сегодня нельзя не откликнуться на то, о чем сказал в «Российской лесной газете» (№ 15 за апрель 2005 г.) заместитель руководителя департамента Министерства экономического развития и торговли В.В. Гаврилов. Газета представила его как главного разработчика рассматриваемого в Госдуме проекта Лесного кодекса.

Статья В.В.Гаврилова называется «Самое плохое — это лес без хозяина». В ней сказано, в частности, о том, что лес должен попадать в руки лесопользователей только путем продажи его на открытых соревновательных торгах (аукционах) и что в своем намерении добиться этого его Министерство занимает непримиримую позицию.

Указанное намерение нельзя не приветствовать, поскольку в нем заключено первое и главное условие, при котором наше лесное хозяйство сможет достойно войти в уже заданную в стране систему рыночных отношений, а приобретаемый и заготавливаемый лесопользователями лес обретет, наконец, свою реальную (рыночную) цену на каждой отведенной в рубку лесосеке.

В связи с вышесказанным напомним, что реализация отведенных в рубку древостоев не путем их распределения чиновниками, а через открытые торги широко практиковалась в казенных лесничествах России в дореволюционные годы и потом, уже в период НЭПа. Конечно, не всем работникам управленческого аппарата такой порядок нравился. Тем не менее, в экономическом плане дела тогда шли и шли не плохо не только в лесном хозяйстве, но и в лесной промышленности, о чем убедительно говорят публикации того времени проф. В.В. Фааса (1919), начальника Центрального управления лесами в НКЗ РСФСР А.И. Шульца (1925) и других авторов.

При всей очевидной прагматичности вышеназванной идеи, нельзя не сказать о том, что исполнительным органам власти ее не трудно диффамировать (опорочить), если заранее не оговорить в имеющем силу закона документе следующие условия реализации этой идеи на практике.

Что именно можно выставлять для продажи на аукционах?

Логичный ответ: конкретные отведенные в рубку для анонимных лесопользователей участки леса (лесосеки), в отношении которых известны их ценностные характеристики. Именно так раньше в России и делали. Более того, участникам аукционов предоставлялась возможность заранее познакомиться с характеристиками отведенных в рубку лесосек.

К сожалению, можно понять, что в статье г-на Гаврилова речь идет о другом, а именно о продаже на аукционах всего лишь прав на многолетнюю псевдоаренду лесов. Словосочетание «псевдоаренда» я использую потому, что в принципе вообще не может быть — по определениям, приведенным в солидных энциклопедиях и справочниках, — аренды без отдачи арендодателю взятых у него на время материальных ценностей, которые, к тому же, оказываются обреченными на разрушение уже при заключении сделки. Наш случай именно

такой: получил в рубку выращенные древостои с конкретными таксационными и стоимостными характеристиками, а вернул — нечто другое. Поэтому алогичная суть такой «аренды» будет иметь место при любых сроках реализации договоров.

Названную смысловую нелепость «аренды без отдачи» можно, чтобы не выглядеть неграмотным, исправить, если вместо слова «аренда» использовать, например, термин «концессия». Но и в этом случае речь на аукционах должна идти о реализации лесопользователям не юридических прав, а конкретных древостоев, которые не могут не иметь, в силу многих причин, самые разные рыночные цены.

Связи между качеством и местонахождением древостоев, с одной стороны, и их ценами на аукционах, с другой, должны быть совершенно прозрачными. Вне этого условия цивилизованный лесной рынок вообще не возможен. Частным случаем отсутствия у нас теперь таких связей является невозможность проведения различных коммерческих расчетов, в том числе по определению величины получаемого эффекта от вложения средств в возобновление лесов, повышение их продуктивности и даже в развитие социальной и производственной инфраструктуры территорий.

Брать или не брать залоговые финансовые обязательства с участников аукциона в подтверждение добросовестности заявленных ими намерений?

Если обходиться без залоговых обязательств или если их размер будет символическим, аукционы (по причине вероятного сговора между его участниками) могут быстро превратиться в пустую формальность с заранее predetermined результатом. Именно это теперь уже имеет место при разрешенной в действующем ЛК подмене открытых лесных торгов-аукционов так называемыми «лесными конкурсами», осуществляемыми по давно известному среди масонов и в партийных кругах принципу: «собрались свои люди и решили ...». Поэтому пункты о взимании весомых залоговых финансовых обязательствах и о недопустимости подмены открытых аукционов некими особыми конкурсами непременно должны присутствовать в тексте нового Лесного кодекса.

Кто и как будет определять стартовые цены на реализуемый через аукционы лес на корню?

Очевидно, в силу былой приверженности к тоталитарной экономике, в настоящее время так называемые минимальные цены на лес на корню определяют без должной их дифференциации. И устанавливают такие цены (так называемые «подати») не в лесхозе, а в самой Москве. Дальнейшее использование этого нелепого правила резко уменьшит экономический эффект лесных аукционов. Чтобы такое не случилось, стартовые цены на выставляемый на аукционы лес на корню должны устанавливаться специалистами независимого от лесхозов и от лесопромышленников государственного лесоустройства, непосредственно на местах, т.е. так, как это делали в России раньше. Сама же величина цен должна определяться расчетом. Методики таких расчетов известны. Об их работоспособности свидетельствует то, что в казенных лесах России различия в величинах стартовых (расчетных) и продажных цен на лес на корню обычно не выходили за границу 30%.

Какая часть вырученных на аукционах средств должна оставаться непосредственно в лесном хозяйстве, чтобы было обеспечено не только его нормальное функционирование, но и развитие?

В былом Лесном департаменте эта часть равнялась 30%. В наше время, когда были изданы законы, разрешившие проведение лесных торгов — аукционов (см. Основы лесного законодательства, 1993, ст. 6, п. 6; ст. 7, п. 6 и ст. 28, а также Лесной кодекс, 1997, ст. 44), размер указанной доли средств в названных документах оговорен не был. Это была серьезная ошибка нашего парламента, позволившая Правительству России, как нерасчетливому дельцу, быстро свести эту долю к абсолютному нулю. В итоге: лесные аукционы утратили свой смысл, чиновники продолжили необременительное занятие по распределению вырубаемых лесов между клиентами, а наши лесхозы, чтобы не умереть с голоду, вынуждены были снова взяться за топоры. Чтобы впредь не допустить повторения этой печальной истории, оставляемая в распоряжении лесхозов доля средств от вырученных на лесных аукционах должна определяться не правительством, а парламентом в принимаемом им законе — новом ЛК

Можно или нельзя рассматривать лес в юридических документах отдельно от земли, без которой он вообще не может существовать?

Лесоводы обоснованно скажут — нельзя, а г-н Гаврилов В.В. говорит — можно. Об этом свидетельствуют такие используемые в его статье словосочетания, как «частная собственность на лесные земли», «возможность любой формы собственности на земли лесного фонда», «участок лесной земли ... может находиться во всех формах собственности». Такая позиция не только алогична, но и опасна! В свое время в России находившиеся в частной собственности леса можно было закладывать в банках. Однако банки принимать такие заклады не хотели по причине возникновения у них по действующему закону дополнительных обязательств по ведению хозяйства в этих лесах. Результатом было массовое истребление частновладельческих лесов разными способами в виде условия для заклада земли из-под леса в банках. Правительство хочет повторить эту ситуацию? Надеюсь, что нет. Поэтому в самых авторитетных документах страны должно быть четко сказано, что леса всех видов собственности, не переведенные по закону в категорию нелесных земель, считаются лесами, а не участками «лесной земли», что возлагает на собственников все бремя определенной по закону ответственности за сохранение лесов, их восстановление и ведение лесного хозяйства.

Кто может быть эффективным (рачительным) хозяином в лесу?

Ответ г-на Гаврилова В.В.: временщик-арендатор и частный собственник.

Спросим сначала, почему арендатор? Может быть, г-н Гаврилов В.В. сошлется на цитируемый другими авторами пример Канады? Так ведь там не было и нет безвозвратной аренды, а есть более 20 вариантов организации на разных по площади территориях лесных концессий, да еще, в ряде случаев, с возлагаемыми на концессионеров немалыми объемами выполняемых за их счет лесохозяйственных работ (см. статью Дж. А. Грея «Канадский опыт организации лесных концессий» в журнале «Устойчивое лесопользование», 2004, №1, с. 28-35). А вот настоящая сдача казенных лесов в аренду — для ведения комплексной хозяйственной деятельности — была испытана не где-нибудь, а в России, более 150 лет тому назад и не в одной, а в двух губерниях — Калужской и Орловской. Полученные там результаты четко показали:

сдача лесов в аренду есть наихудший из возможных способов организации и ведения лесного хозяйства («Энциклопедия русского лесного хозяйства», т. 1, СПб., 1903, с. 1193). Об этом факте я уже неоднократно сообщал в своих статьях, но, как известно, «не желающий слушать да не слышит».

Далее о частных собственниках лесов. Г-н Гаврилов В.В. возлагает на них основную надежду как на рачительных хозяев лесов будущей России. Чтобы оценить эту мысль, опять воспользуемся своим историческим опытом. В иных частных крупных имениях России лесное хозяйство велось даже лучше, чем в казенных лесах. Имена этих лесовладельцев и их лесничих до сих пор не забыты. Однако в большинстве помещичьих и крестьянских лесов дела шли с точностью до наоборот. Именно из-за таких «лесных хозяев» (а не по вине государственных лесничих!) Россия потеряла в недавнем прошлом более 2 млн. га своих лесов. Добавим к сказанному, что в Российской империи практиковался выкуп частновладельческих лесов в казну. И это были не отдельные случаи, а государственная политика. Так, в книге премьер-министра П.А. Столыпина и его ближайшего сотрудника А.В. Кривошеина «Поездка в Сибирь и Поволжье» (СПб., 1911) было четко сказано о необходимости сосредоточить с руках казны леса из состава продаваемых банкам имений (цитирую по кн. Б.Г. Федорова «Петр Аркадьевич Столыпин». М., 2003. — с. 281). Замечу еще, что в наше время то же практикуют в других развитых странах.

Почему г-н Гаврилов В.В. (и не только он) не упоминает в числе эффективных хозяев леса современных лесничих и других работников государственного лесного хозяйства? Что у них изменился генотип? Они забыли то, чему их учили в вузах и техникумах? Потеряли способность отличать плохое от хорошего? Уверен, что причина в другом, а именно в том, что наше государство в результате своей давней близорукой или даже преступной лесной политики отняло у лесного хозяйства статус производителя и продавца леса на корню как уникального товара нашей отрасли, а у лесничего — почти все то, что у него было раньше, в том числе престиж служебного положения, саму востребованность его профессии, чувство защищенности со стороны государства как собственника

лесов, должное материальное благополучие при легальных и достойных источниках получаемых доходов, служебное оружие и реальное право на его применение для защиты вверенных ему ценностей и своей жизни, возможность организовать жизнь своей семьи на уровне не ниже того, при котором теперь живут многие чиновники и некрупные бизнесмены. Верните лесничим все это и они снова раскроются людям в своем служении обществу и лесу такими, какими их сохранила наша память и сама наша история в рассказах Павла Далецкого (автора «Порт-Артура»), Рэма Боброва и других писателей, а также во многих биографических и иных изданиях. В то не очень далекое время вряд ли кто из наших граждан, даже в горячечном бреде, мог вообразить себе ситуацию, при которой хозяином в государственных лесах России стал бы не профессиональный лесничий, а некто другой.

В заключение позволю себе еще сказать об опасности наблюдаемых стремлений к одинаковости принимаемых решений по административно-управленческим проблемам нашей отрасли. Данная опасность обусловлена непониманием того, что «лес, — как говорил Г.Ф. Морозов, — явление географическое» и что Россия остается крупнейшей в мире страной с широко варьирующими природными и социально-экономическими условиями. Поэтому предпринимаемые попытки втиснуть наше лесное хозяйство в некий усредненный управленческий трафарет можно сравнить разве что с «испанским сапогом» или с тем, что делал известный Прокруст, когда укладывал пленников на свое ложе.

Чтобы не подвергнуться такой же участи, непременно должна иметь место глубокая дифференциация принимаемых парламентом решений по организации управления нашим лесным хозяйством и по его ведению на территориях с явно различающимися условиями. Кроме того, по моему мнению, в разных регионах страны нужно иметь не единообразно установленную, но варьирующую границу между сферами деятельности лесохозяйственных и лесопромышленных структур. Поэтому совершенно необходимо, чтобы в новом Лесном кодексе лесхозы получили статус федеральных

предприятий, а не учреждений, работники которых в очередной раз умножат руководящую рать чиновников страны.

«Лесная газета», 2005, № 34, 24 апреля.

16. КОММЕНТАРИИ К ОТВЕТАМ СОТРУДНИКА МИНЭКОНОМРАЗВИТИЯ В.В.ГАВРИЛОВА НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТКИ В.В. СИТНИНОЙ, ОПУБЛИКОВАННЫМ В ГАЗЕТЕ «ВРЕМЯ НОВОСТЕЙ» 8 НОЯБРЯ 2005 ГОДА

Ниже высказаны замечания по существу наиболее весомых новаций, которые г-н Гаврилов В.В. хотел бы видеть в новом Лесном кодексе.

Одна из главных ошибок в рассуждениях В.В. Гаврилова кроется в его подходе к лесу всего лишь как к участку земли в границах Лесного фонда. Следствием такого подхода является вытекающее из него требование о согласовании положений Лесного кодекса с земельным законодательством и даже с Градостроительным кодексом.

Названное представление о лесе алогично по его сути и очень опасно, поскольку оно нарушает саму логику лесных экономических отношений, что чревато массовым истреблением лесов в силу следующих причин.

В реальных условиях часто можно встретить случаи, когда имеющий высокую рыночную цену древесиной вырос на земле (почве), имеющей в данных условиях весьма низкую или даже нулевую цену на рынке. Также часто бывает и наоборот. Соответственно, если будет узаконен подход к лесу всего лишь как к участку земли, появится юридическая возможность для приобретения высокоценных древесостоев в рубку, в собственность или во владение по низкой (символической) цене земли. С другой стороны, вполне реальной станет и другая ситуация, когда, чтобы приобрести (или продать) для застройки особо нужный участок земли лесного фонда, имеющийся там древесиной будет просто уничтожен, что в данной ситуации, очевидно, не вызовет преследования по суду, поскольку окажется, что клиент покупал (продавал) не лес, а всего лишь

кусок лесной земли, на котором случайно оказались никому не нужные или даже мешающие деревья.

С позиции биологии, лес есть единство земли (почвы) и лесных фитоценозов и зооценозов, т.е. всего того, что находится на земле, в земле и над ней в приземном слое атмосферы. Если это единство разрушено, лес исчезает не только как понятие, но и как материальное явление. Чтобы не допустить этого, при необходимости прокладки в лесу дорог, трубопроводов, а также при строительстве различных объектов, до начала указанного собственник или владелец леса должен принять и оформить — в режиме установленной процедуры — решение о возмездном или безвозмездном переводе данных участков леса в другие категории земель. И только после этого по отношению к таким землям могут и должны применяться нормативы земельного и иного законодательства. До указанного юридического акта экономические отношения между различными субъектами в лесах должны определяться только Лесным кодексом и никакими другими нормативными документами.

О принципе «одного» или «двух» ключей. В данном случае речь идет о том, кто может (должен) распоряжаться лесным фондом — федеральный центр и (или) субъекты федерации, и еще — как это делать: вместе («два ключа») или порознь в границах заранее оговоренных полномочий. Принцип «два ключа» г-ну Гаврилову В.В. не нравится и он предлагает «развести» полномочия сторон во времени. Нечто похожее было одно время в Древнем Риме, когда во главе легиона ставили не одного, а двух командующих, менявших друг друга через определенное число дней. Ни к чему хорошему это тогда не привело. Уверен, не приведет и в нашем случае, поскольку лес надо не только рубить (а это хотят делать все!!!), но еще и выращивать, всячески опекать, тушить пожары, ответственно определять объемы и способы лесоотпуска и лесовосстановления. Чтобы делать все это, в очереди желающие не стоят. Поэтому и предлагают делить заботы о лесе, разрезая единое целое по живому. Например, меры по профилактике пожаров берет на себя центр, а активную борьбу с ними — субъекты федерации. И еще: они же (т.е. субъекты федерации) собираются взять на себя посадку и посев леса, а вот об уходе за

лесными культурами, без которого они, как правило, не выживают, вообще как-то не договорились. Ситуация — как в старом скетче у А. Райкина в швейной мастерской: есть ответственные за пуговицы, ответственные за карманы и другие элементы, а за костюм в целом — никого.

По моему мнению, делать так нельзя.

Поскольку леса России — федеральная собственность, то во всех случаях (т.е. во всех субъектах федерации) федеральный центр должен осуществлять прямой контроль за всем тем, что происходит, делают или не делают в лесах, и строго взыскивать с виновных. Для этого у Центра есть средства и дееспособные силы в виде высококвалифицированного персонала лесоустроительных предприятий.

Как собственник лесов, федеральный центр может сам вести лесное хозяйство, где он сочтет нужным, или передать леса по двустороннему договору во владение субъектам федерации, сохранив за собой — повторяю — всю полноту контрольных функций. При этом во всех случаях должно быть «железно» выполнено твердое правило: тот субъект федерации, кто взял лес во владение и пользование должен нести перед собственником лесов всю полноту материальной ответственности за состояние лесов, их защиту и, обязательно, за выполнение предначертаний лесоустройства по ведению правильного лесного хозяйства. В данном случае никакие отговорки и извинения не должны приниматься в расчет: не можешь ответственно вести грамотное лесное хозяйство — не берись, а значит и не претендуй на те или иные преференции в области лесопользования.

В принципе, как собственник лесного фонда, федеральный центр может передать те или иные его части или целые лесничества и лесхозы во владение на оговоренных в договорах условиях не только субъектам федерации, но и другим субъектам лесных отношений, например, самим лесхозам, национальным и природным паркам, заповедникам, учебным и научно-исследовательским учреждениям, крупным лесопромышленным комплексам и т.д., но во всех случаях за федеральным центром должны оставаться право и обязанность контроля за состоянием лесов, за осуществлением там заданных лесоустройством хозяйственных действий, а в

оговоренных случаях — еще и получение определенной доли лесного дохода или общей прибыли.

В своем интервью г-н Гаврилов В.В. говорил о сдаче лесов в аренду (да еще в долгосрочную!) как о деле решенном и положительном. Со своей стороны, я уверен, что с такой оценкой названной акции г-н Гаврилов В.В. явно поторопился.

В ряде известных мне случаев аренда лесов уже успела у нас выродиться в нечто малоприличное. Крупные и удобные для эксплуатации участки леса берут в так называемую аренду субъекты, располагающие весомыми административными ресурсами. Получив желаемое, такие «арендаторы» попросту распродают «арендованные» древостои в рубку на корню различным лесозаготовителям и лесозэкспортерам, получая от этого немалую и незаработанную ими «моржу» в виде «черного нала». Почему именно такую перспективу и на длительный срок (!) нам хотят навязать авторы проекта нового Лесного кодекса?

В дополнение к вышеприведенному позволю себе еще раз сказать о такой «аренде» следующее.

В отличие от разных вариантов лесных концессий безвозвратной лесной аренды уже по определению в принципе быть не может. И ее нет ни в Канаде, на которую часто ссылаются, ни в других странах. В нашем случае арендатор просто физически не может вернуть арендодателю то, что он вырубил, получив лес якобы во временное пользование. Может быть, г-н Гаврилов В.В. не знает, что такое «аренда»? В этом случае было бы полезно заглянуть в старые или новые справочники по экономике.

И еще. В околосельских кругах упорно муссируется мысль о том, что сдача лесов в долгосрочную аренду (на 49 и даже на 99 лет) — это хорошо, а в краткосрочную аренду — плохо. Такие рассуждения могут убедить разве что тех, кто не знает (не хочет знать!), что в любом случае арендатор есть временщик; что воссоздание вырубленных лесов самим арендатором в виде новых древостоев, имеющих аналогичные характеристики, практически нельзя ввести в рамки экономической ответственности; что он, арендатор, взяв лучшее, может в любой момент просто бросить непринадлежащее и ненужное ему имущество; и еще, что он, как любой человек, не может

рассчитывать на сверхдолгую жизнь. Поэтому в реальных условиях претензии к нарушителям договоров, получившим лес в долгосрочную аренду, скорее всего придется высказывать на кладбищах перед их памятниками.

В заключение позволю себе сказать еще о следующем.

Не так давно в наших газетах появились три статьи о том, как прошли и к чему привели административно-экономические реформы в лесном хозяйстве Литвы, Латвии и Беларуси. Результаты получились не совсем однозначные, но во всех случаях им нельзя не позавидовать. За короткое время в названных республиках навели порядок в организации своего лесного хозяйства, увеличили его доходность и подняли благосостояние тех, кто в нем работает. Предпосылкой такого успеха явился реализованный в разных вариантах принцип: за все в лесу отвечает лесовод (государственный лесничий) и все, что надо там делать (от посева семян до рубок промежуточного и главного пользования и реализации заготовленной древесины), он делает сам, точнее — силами своих непосредственных подчиненных и (или) нанятых по контрактам коммерческих организаций. Кажется, все элементарно просто и понятно. Жаль только, что г-н Гаврилов В.В. до этого не додумался и уже который год продолжает со своими коллегами изобретать проблемный велосипед. Естественен вопрос: почему бы нам, в России, не использовать уже проверенный на практике опыт соседей? Или, может быть, перед разработчиками проекта Лесного кодекса РФ была поставлена другая задача, о которой им не хочется говорить? Может быть, суть этой задачи в том, чтобы те люди, которые уже многие годы стригут и с большой выгодой для себя продают Русский лес в другие страны, и впредь хотели бы обращаться с ним, как с ничейным? И что именно по этой причине они решили ликвидировать мешающие им лесхозы, получить право якобы по закону рубить лес, не имея на то разрешительных документов и даже обходиться без государственного лесоустройства, которое во все времена было в России независимым «государевым оком», сообщающим Правительству и тем, кого это касается, о реальном положении дел в наших лесах, а также выдающим рекомендации, как надо эти дела вести?

Все, что теперь происходит вокруг проекта нового Лесного кодекса мне представляется настолько алогичным и подозри-

тельным, что было бы, очевидно, не лишним спросить у ФСБ о том, какое отношение имеет происходящее к организации особо крупных экономических преступлений против интересов нашего государства.

Основанием для такой жесткой постановки вопроса дают следующие данные, опубликованные в журнале «Деловой лес» (2005, № 10, с. 2) со ссылкой на то, что они были получены в самом МПР. Суть этих данных такова.

За 7 месяцев 2005 г. общие поступления денег в федеральный бюджет и в бюджеты субъектов РФ от взимания лесной подати и арендной платы (т.е. за реализованный на корню лес) составили около 5 млрд. руб. За то же время было вырублено около 91 млн. м³ древесины. Это означает, что один реализованный на корню обезличенный кубометр древесины принес в бюджеты всех уровней примерно 55 руб. Это примерно в 10 раз меньше, чем в Канаде, и в 20 раз меньше, чем в скандинавских странах. Различия такого масштаба трудно объяснить ссылками на объективные причины. Однако в реальности дело обстоит еще хуже, т.к. по данным Федеральной таможенной службы, средняя экспортная цена 1 м³ необработанной древесины из России составила в названный отрезок времени 61 доллар США. А это, как понятно, уже в 32 раза меньше, чем получил государственный бюджет от реализованного на корню все того же обезличенного кубометра древесины.

В связи с вышесказанным резонно задать вслух следующий вопрос: в чьих интересах будет «работать» предлагаемый правительством России ее новый Лесной кодекс, если его примет Федеральное собрание и подпишет Президент России?

«Лесная газета», 2005, № 99, 13 декабря (под названием «Ответственный за пуговицы, за костюм не отвечает»).

17. ЛОЖКА БЕЗ СОШКИ

Лесное хозяйство — родная сестра сельского, отличающееся от сельского главным образом многократно более длительным производственным циклом. Ту и другую отрасль

роднит давно известное правило: не поработаешь сошкой — нечего будет тебе (или твоим внукам) хлебать ложкой.

К сожалению, об этом мудром правиле руководящие деятели МПР и Минэкономразвития очевидно не знают. Вероятно, именно поэтому в обоих названных ведомствах практически все исходящие документы государственного или отраслевого масштаба начинаются именно с «ложки», т.е. с рубки леса, называемой теперь, очевидно в силу деликатности руководителей, так называемым лесопользованием, а также еще более непонятным для неспециалистов словосочетанием — «сдачей лесов лесозаготовителям в аренду», после завершения которой арендодателю обычно возвращают оставленные пеньки и еще что-то, что не имеет реальной ценности.

Данный подход можно отчетливо увидеть, например, в приказе по МПР от 14.04.2005 г. №97 «Порядок организации и проведения лесных аукционов».*

В части самой сути обсуждаемого вопроса о порядке «продажи права краткосрочного пользования участками лесного фонда» (эта абракадабра использована в приказе вместо всем понятного словосочетания «продажа леса на сруб») нельзя не сказать, что в изданном документе обойдены молчанием три фундаментальнейших положения, связанных с проведением лесных аукционов (торгов).

Кто и по какой методике будет определять стартовые (т.е. расчетные) цены на реализуемые в рубку конкретные древостои? Это необходимо главным образом в силу того, что они практически всегда резко отличаются друг от друга по своему качеству и местонахождению, что не может не вызывать многократные различия в показателях рентабельности работы лесозаготовителей.

Как можно было забыть о том, что использование не обоснованных расчетных, а административно задаваемых усредненных цен на лес на корню на различных участках, является одной из главных пружин развития коррупции в лесной сфере?

Какую материальную (экономическую) ответственность должны нести победившие на торгах предприятия за сохра-

* См. «Российскую лесную газету», 2005, №24.

нение при рубках подроста, оставление семенных деревьев и вообще за полноценное возобновление нового древостоя на месте вырубленного?

На перечисленные три вопроса названный приказ по МПР ответа не дает, что позволяет говорить о нем, как о недоработанном.

В принципе, и при продаже древостоев на сруб на аукционах нельзя относиться к ним (древостоям) только как к объектам для извлечения сиюминутной прибыли. В пояснение мысли о том, каким это отношение может и должно быть, процитирую слова из § 1 Закона о лесе Финляндии (1996 г.), где четко сказано: «Данный закон призван способствовать экономически и социально устойчивому уходу за лесами и лесопользованию ради того, чтобы леса давали устойчивую прибыль, сохраняя одновременно биологическое разнообразие».

Далее, в § 5 того же закона также четко сказано о том, что в Финляндии разрешены только две категории рубок леса. Это — рубки ухода, ускоряющие выращивание имеющихся древостоев, и рубки возобновления, ориентированные на создание новых древостоев взамен вырубаемых.

И еще несколько положений того же Закона, представляющих для всех нас вполне очевидный интерес:

§ 8. Пригодный для выращивания и устойчивый к угрозам заглушения другой растительностью лесной молодняк должен быть создан на лесосеке в срок не более 3-х лет после завершения любых сплошных рубок, называемых в Финляндии рубками возобновления.

§ 9. Если право проведения рубок возобновления передано собственником леса другому юридическому лицу, то именно это лицо обязано создать новый древостой на месте вырубленного.

§ 15. При наличии сомнений у Государственного лесного центра Финляндии в своевременном и успешном создании полноценного нового древостоя на месте отведенного в рубку, этот Центр может потребовать (до начала рубки!) от обладателя права на рубку древостоя внесения денежного залога, достаточного для полноценного и своевременного возобновления леса.

Справедливости ради нужно отметить, что вышеназванные правила финны переняли в свое время у Лесного департамента Российской империи. Еще в 1899 г. в казенных лесах нашей страны было введено имеющее силу закона правило о взимании с покупателей отведенных в рубку лесосек залоговых сумм, подтверждающих их обязанность произвести требуемую очистку вырубок и их возобновление. Позднее эти залоговые стали называть «лесокультурными». Благодаря им в период с 1899 по 1912 г. объемы производства культур в казенных лесничествах возросли с 7,5 тыс. до 72 тыс. дес. в год при увеличении денежных расходов на проведение лесовозобновительных акций с 0,1 до 2 млн. руб. в год.

В заключении еще раз выскажу мысль, которую, к сожалению, пока разделяют не все: лес надо не только рубить, но еще беречь и выращивать, делая это за счет тех, кто рубит лес. Получаемую при этом древесину нельзя рассматривать как ничейное даровое благо. Если мы и впредь пойдем по этому пути, страна неизбежно столкнется не только с оскудением своих лесов, но и с возрастающим дефицитом ценного и доступного для использования древесного сырья и иных лесных благ. От всего этого мы можем еще уйти, если в самом финансовом механизме проведения совершенно необходимых стране лесных аукционов будут задействованы не только вождеденная «ложка», но и трудовая «сошка».

«Лесная газета», 2005, 15 ноября.

18. НУЖНЫ ЛИ ТЕМ, КТО ТЕПЕРЬ УПРАВЛЯЕТ ПОЛОЖЕНИЕМ ДЕЛ В ЛЕСАХ СТРАНЫ, ЕЕ ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЛЕСНОЕ ОПЫТНОЕ ДЕЛО?

Указом Президента РФ от 27.04.1992 г. № 426 (п. 2) была признана недопустимость изъятия из состава НИУ разных ведомств их опытно-экспериментальных баз. Этот Указ не отменен. Тем не менее 30.12.2003 г. в МПР вышел Приказ о реквизиции опытных хозяйств у всех восьми НИИ лесного хозяйства России. Естественно, что после такого «новогоднего поздравления» лесоводы могли ждать еще более кардинальных решений. Однако 19.01.2004 г. в МПР был издан второй

приказ, отменивший первый. Тем не менее, опасения за будущее лесов России и ее лесохозяйственной науки не улетучились.

На поставленный в названии статьи вопрос возможны два варианта ответа, опирающиеся на разные представления о том, что такое есть лесное хозяйство. Условно эти представления можно обозначить как «первое» и «второе».

Первое. Лесное хозяйство — это вообще не хозяйство, а всего лишь некая область (сфера) управленческой (бюрократической) деятельности¹. В этой «сфере», якобы, не производится товар (т.е., по Вл. Далю, имущество, предназначенное для продажи). Выращенные, сохраненные и отведенные в рубку деревья таким имуществом-товаром почему-то не признаются, как не признаются доходом лесхозов и суммы, полученные от реализации деревьев на корню. Опираясь на такие «аргументы», заинтересованные субъекты поступают, как известный персонаж А.П. Чехова: «не пуцают» лесное хозяйство в товарно-денежные (рыночные) отношения, могущие, по моему мнению, уже по очевидным экономическим результатам работы лесхозов в новых условиях вынудить правительство к тому, чтобы прекратить продолжающееся почти бесплатное легальное, а также нелегальное расхищение накопленных запасов древесины.

Еще в 1953 году обозначенное выше представление о лесном хозяйстве четко сформулировал министр И.А. Бенедиктов примерно в таких словах: «лес будет расти и без лесоводов»². Контрастом этому были и остаются слова одного из известнейших лесничих России К.Ф. Тюрмера: «Хороший лес редко растет сам по себе»³. К сказанному добавлю, что в ухоженных посадках Тюрмера лес рос примерно в 2 раза быстрее, чем «дикий». Если бы теперь наше Правительство

¹ Именно так о нашей отрасли сказано в проекте нового Лесного кодекса, полученном на отзыв 04.01.2003 г. из Управления Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте РФ в Северо-Западном федеральном округе.

² В.Я. Калданов. Очерки истории советского лесного хозяйства. М., 1992, 255 с.

³ К.Ф. Тюрмер. Пятьдесят лет лесохозяйственной практики. М., 1891, 182 с.

вдруг забыло о будущем лесного комплекса страны и согласилось с позицией Бенедиктова, а не Тюрмера, оно могло бы оставить в лесу только тех, кто его рубит (дорубает), и ликвидировать «как класс» не только лесохозяйственную науку вкуче с ее экспериментальными базами, но и производственные структуры нашей отрасли, т.е. лесхозы, лесничества, лесоустроительные предприятия, а также, заодно, и лесохозяйственные учебные заведения.

Второе. Лесное хозяйство есть один из видов созидательной (производственной) деятельности на земле, призванной параллельно решать две сопряженные задачи: 1) сохранение и приращение материальных благ (в нашем случае — биосферной, социальной и сырьевой ценности лесов) и 2) формирование лесхозами (лесничествами) постоянного и максимально возможного лесного дохода для собственника лесов.

Такое понимание самой сути лесного хозяйства в полной мере соответствует учению основоположника российского лесоустройства и экономики лесного хозяйства проф. М.М. Орлова. Приняв вышесказанное как вектор, позволяющий отрасли выйти из тупика, мы обязаны тут же вспомнить и второго нашего классика — проф. Г.Ф. Морозова, провозгласившего то, что теперь знают уже студенты, прослушавшие первую вводную лекцию по лесоводству, а именно, что лес есть явление географическое. Эта аксиома предупреждает лесоводов о постоянно грозящей лесам опасности общих (шаблонных) решений, обязывает искать ответы на вопросы, «что мы хотим» и «как поступить», опираясь на существующее разнообразие лесов, особенности климата, рельефа, почвы и социально-экономические условия конкретных территорий.

Понимание вышесказанного нашими предшественниками в разных странах еще в XIX веке привело к созданию IUFRO (Международного союза лесных исследовательских организаций), а в России (и не только!) — к организации зональных НИИ лесного хозяйства и их экспериментальных баз — опытных лесхозов. Последние, подчеркну, нужны ученым не только как полигоны для размещения деляночных опытов и пробных площадей, но именно как целостные хозяйства, в которых ведется разработка и продолжающаяся в течение

многих десятилетий проверка новых технологических и организационно-экономических решений разного масштаба. Чтобы быть лучше понятым, приведу несколько примеров.

В 50-60-х годах XX века совместными силами ученых СПБНИИЛХ (тогда — ЛенНИИЛХ) и работников нашего Сиверского опытного лесхоза там было испытано и проверено широкомасштабное осушение лесов, сочетаемое с одновременным дорожным строительством. Именно такое сочетание дало весьма высокий хозяйственный эффект. Впоследствии эта идея получила путевку в жизнь. А сам наш опытный лесхоз был награжден за ее успешную реализацию орденом Трудового Красного Знамени.

Приведенный пример — не единственный. Там же, в Сиверском лесхозе, институтом были разработаны и проверены технологии и нормативы химического ухода за лесом (внедрены сначала в своем хозяйстве на площади около 2 тыс. га, а затем — в разных лесхозах на площади более 3 млн. га, что позволило там остановить смену хвойных пород мелколиственными), а также методические рекомендации по закладке и выращиванию лесосырьевых плантаций (внедрены в производство в разных лесхозах на площади более 30 тыс. га); реализованы на площади 1000 га (в Карташевском лесничестве) с положительным результатом принципы ведения в рекреационных лесах хозяйства по типу «дауэрвальд» (без производства лесных культур, без использования все разрушающей тяжелой техники и без разделения пользования лесом на главное и промежуточное), для чего потребовалось около 50 лет; определена хозяйственная ценность разных видов посадочного материала с открытыми и закрытыми корнями; разработана агротехника выращивания сеянцев и саженцев, обеспечивающая их высокое качество и надежную защиту от сорняков; создан и испытан ряд машин и аппаратов лесохозяйственного назначения и многое другое.

Площадь нашей главной экспериментальной базы невелика — около 23 тыс. га. Она была создана в 1927 году и теперь называется Опытное лесное хозяйство (ОЛХ) «Сиверский лес». В результате реализации многих наших разработок запас древесины в ОЛХ возрос в среднем на 100 м³/га по сравнению с соседними лесхозами. В ОЛХ был улучшен состав древостоев

(в пользу хвойных пород), а сумма расчетных лесосек по всем видам пользования лесом приблизилась к 100 тыс. м³/год. Эти обстоятельства дали нам основание выйти в МПР с предложением о самом главном — о проведении в нашем опытном лесхозе экономического эксперимента, по результатам которого можно было бы превратить лесное хозяйство страны из дотационного в самоокупаемое, а затем — в стабильный источник для государства его лесного дохода в размере порядка 60 млрд. руб./год. Рассмотренное в МПР в 2001 году на совещании при первом заместителе министра Ю.А. Кукуеве, это предложение было принято. Однако необходимое ходатайство об исключении на время эксперимента нашего хозяйства из сферы действия существующих рутинных правил и финансовых нормативов МПР в Правительство не направило. Таким образом, указанная идея оказалась как бы замороженной. И все это, подчеркнем, сопровождалось и сопровождается резким усилением активности правительства Ленинградской области и ГУПР по реквизиции накопленных нами в своем опытном хозяйстве запасов ценной древесины путем:

а) прямой раздачи лесосечного фонда ОЛХ — без проведения лесных аукционов — определенным коммерческим структурам, что является грубейшим нарушением ст. 43 действующего Лесного кодекса;

б) жестким «продавливанием» вопроса о передаче территории ОЛХ в так называемую аренду.

То и другое стимулируется: а) имеющими место многократными различиями между заданными заниженными корневыми ценами на лес (в среднем около \$2 за 1 м³) и реальными ценами на круглые сортименты древесины на финской границе (более \$20 за 1 м³); б) близостью к нам этой границы; в) наличием в ОЛХ выращенных больших запасов древесины и остатков дорожной сети; г) лоббированием высокопоставленными чиновниками не общегосударственных интересов, а интересов конкретных лесозаготовительных структур.

К сожалению, вышесказанное — не страшный сон. Если сбудется форсируемое намерение сдать леса нашего ОЛХ в аренду, за этим автоматически последует приватизация

наших лесов. В обоих случаях имеющаяся в ОЛХ система наблюдаемых в течение многих лет опытных и опытно-производственных объектов, а также элементарные условия для нашей там работы не сохраняются. Ранее затраченные на создание всего этого большие деньги — вклад в будущее лесов России — превратятся в ничто, а о проведении упомянутого выше важнейшего для всей нашей страны экономического эксперимента можно будет надолго забыть.

Вышеуказанное не должно произойти. Наше и другие опытные хозяйства являются тем, без чего в отрасли невозможен ее научно-технический прогресс. Соответственно, не кто-нибудь, а ученые советы НИИ лесного хозяйства должны руководить (управлять) своими экспериментальными базами. Основным же критерием в оценке их деятельности должен быть достигнутый уровень и результаты инициативных и заказанных нам НИОКР, а также масштабы и качество выполненной работы по проверке этих результатов и их инновации в производство.

К некогда поднятым писателем Л.М. Леоновым проблемам русского леса и лесного опытного дела нельзя относиться легкомысленно уже потому, что они — прямо или косвенно — влияют на уровень жизни и благополучие миллионов людей.

Поставленная в 2003 г. Президентом РФ В.В. Путиным и продублированная в предвыборной программе «Единой России» задача — удвоить к 2010 г. ВВП страны в полной мере относится и к лесному хозяйству. Как и другие отрасли, оно должно развиваться, и развиваться быстро. Научную поддержку всего этого, вообще, и экономических реформ в нашей отрасли, в частности, нельзя обеспечить без укрепления имеющихся НИИ лесного хозяйства, составляющих единое целое со своими экспериментальными базами.

Закончу статью парафразой библейского мудреца Экклезиаста: время разбрасывания камней прошло, пришло время их собирать.

*Статья была направлена в издаваемую МПР
«Российскую лесную газету» в начале 2004 г.
Опубликована не была.*

19. КАК МИНИСТЕРСТВО ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ЕГО АГЕНТСТВО ПО ЛЕСНОМУ ХОЗЯЙСТВУ УНИЧТОЖАЮТ ЛЕСОХОЗЯЙСТВЕННУЮ НАУКУ И ЕЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ БАЗЫ

«Выгоднее иметь врагов снаружи, чем ... внутри».

Р. Роллан. «Кола Брюньон».

В мае с.г. я направил жалобу Председателю Совета Федерации Федерального собрания России С.М.Миронову, Председателю Правительства РФ М.Е.Фрадкову и министру природных ресурсов Ю.П.Трутневу по поводу изъятия (читай — ликвидации) одной из старейших в стране экспериментальных баз лесохозяйственной науки ОЛХ «Сиверский лес» СПбНИИЛХ. Жалоба была опубликована в «Лесной газете» (от 14.05.2005 г. №39). Поэтому, не повторяясь, сразу скажу, что ответ на жалобу дал зам. министра МПР А.А. Темкин (см. его статью в «Лесной газете» от 23.08.2005 г. № 68). Суть ответа: *« ... передача опытного лесного хозяйства «Сиверский лес» ... в ведение территориальных органов Рослесхоза никак не повлияет на снижение уровня научных исследований в области лесного хозяйства».*

Вчитавшись в текст ответа, должен заметить: «подставили» зам. министра те, кто его готовил. В нем неверно объяснены: смысл (суть), форма и последствия происшедшего.

Сначала о сути. Даже еще неоперившиеся лесоводы знают (а возглавляющие нашу отрасль нелесоводы обязаны выучить!), что лес — явление географическое, т.е. он бесконечно варьирует по своим характеристикам в разных условиях обитания. Поэтому чтобы максимизировать получаемый в лесном хозяйстве эффект (экономический и экологический), лесоводы должны руководствоваться, в первую очередь, не заданными из центра усредненными шаблонами, а результатами разных вариантов организации и ведения лесного хозяйства, полученными в местных условиях. Именно поэтому раньше в России (и не только в России!) была создана — непременно в разных регионах — сеть опытных лесных

хозяйств (ОЛХ), административно подчиненных лесным научно-исследовательским и лесным учебным заведениям в качестве их экспериментальных и учебных баз.

В принципе, для выполнения ОЛХ в полной мере своего предназначения совершенно необходимо, чтобы руководители и ученые советы научно-исследовательских заведений (а не чиновники исполнительной власти!) могли бы решать в условиях и границах своих (т.е. подчиненных им) экспериментальных баз вопросы тактики и стратегии ведения лесного хозяйства, а также разрабатывать и уточнять технико-технологические нормативы проведения конкретных лесоводственных акций и их сочетаний, при которых могла бы быть обеспечена максимизация получаемого на данной территории хозяйственного эффекта в целом. Чтобы реализовать указанное, нужна преемственная работа не одного, а нескольких поколений лесоводов, действующих в границах одного и того же хозяйства. С учетом вышесказанного, хочу обратить внимание МПР на то, что для успешной деятельности учреждений лесохозяйственной науки нам нужны не какие-то кусочки леса или поля, но обязательно целостные опытные лесные хозяйства, в границах которых только и может быть получен интегральный эффект различных хозяйственных акций. За немногими исключениями, именно результаты долговременного функционирования подчиненных институтам опытных хозяйств являются надежной базой данных, на которой зиждется научно-технический прогресс нашей отрасли, без которого она, как слепая лошадь, будет вынуждена ходить по одному и тому же заданному чиновниками кругу, что не может не привести ее к стагнации.

В отличие от обычных лесхозов, действующих в рамках заданных центром рутинных правил и технологий, лесохозяйственная наука и ее опытные хозяйства просто обязаны, по определению, искать и находить новые прогрессивные решения в разных сферах лесохозяйственного производства. Скажу без преувеличений, для этого надо не только много работать, но и многое знать. СПбНИИЛХ нашел ряд таких решений и успешно реализовал их в своем ОЛХ.

Без ненужной похвальбы считаю себя обязанным сказать, что это привело к весьма и весьма положительным резуль-

татам, перечисленным в приведенной выше статье под № 19. К сказанному там полагаю необходимым еще добавить, что уже в 1999-2000 гг. в нашем ОЛХ «Сиверский лес» была широко организована продажа отведенных в рубку лесосек на открытых торгах-аукционах. В 2000 г. лесные торги «принесли» в кассу ОЛХ 2,44 млн. руб. Это — при общей сумме полученного лесного дохода 2,98 млн. руб., за счет которого в само хозяйство было вложено 2,16 млн. руб.

В пересчете на 1 га лесопокрытой площади ОЛХ, полученный лесной доход составил в тот год 144,6 руб., из которых в развитие самого хозяйства было вложено 104,8 руб. Таким образом, уже в 2000 г. в ОЛХ можно было начинать упоминающийся ниже экономический эксперимент по трансформации хозяйства из дотационного в самокупаемое, а затем и в высокодоходное. И еще. В нашем ОЛХ имело место почти полное освоение расчетной лесосеки. И это, подчеркну, без сдачи лесов в убыточную для нашей отрасли и всего государства безвозвратную псевдоаренду, которую нам и другим лесхозам давно и упорно навязывали и продолжают навязывать местные и неместные властные структуры.

Примечание. По определениям, приведенным во всех известных мне справочниках и энциклопедиях, безвозвратной аренды в принципе вообще быть не может. Вырубленные «арендаторами» древостои вернуть собственнику физически нельзя. Поэтому возвращают не их, а опустошенные земли (вырубки) из-под бывших древостоев, т.е. объекты, имеющие совершенно иную ценностную характеристику.

Часто встречаемые в печати ссылки сторонников «сдачи лесов в аренду» якобы на ее успешные примеры в других странах есть неправда. В той же Канаде (на эту страну ссылаются особенно часто) существует не аренда лесов, а многие варианты организации платных лесных концессий (Д.А. Грэй. Канадский опыт организации лесных концессий // «Устойчивое лесопользование», 2004, №1, с. 28-35). Некоторые из названных г-ном Грэм вариантов организации лесных концессий вполне могли бы иметь место и у нас, обеспечивая в определенных условиях не только пополнение лесного дохода России, но и само наличие в лесах структур, несущих

финансовую ответственность за вмененное им в обязанность по договорам выполнение лесохозяйственных работ.

Упорно приучая население к безграмотному выражению «аренда лесов», наша Госдума, Минэкономразвития и МПР, по сути дела, маскируют широко происходящую в России раздачу принадлежащих всем гражданам страны запасов древесины на корню коммерческим лесозаготовительным компаниям по установленным в централизованном порядке заниженным ценам. И это — вместо того, чтобы осуществлять реализацию запасов древесины в рамках организации нормальной рыночной процедуры лесных аукционов и концессий.

Часто высказываемую представителями названных выше государственных структур уверенность в том, что «лесные арендаторы» всерьез и повсеместно займутся вложением своих и (или) государственных средств в лесовыращивание (в широком смысле данного термина и при обороте капитала 50-100 лет), просто нельзя воспринимать как нечто серьезное.

В своей жалобе я писал об имеющихся место посягательствах на выращенные запасы древесины в ОЛХ «Сиверский лес». МПР обошло этот вопрос молчанием.

Таким же образом МПР реагирует на предложение Института о том, чтобы на базе того, что мы успели сделать в нашем ОЛХ, провести здесь экономический эксперимент, результаты которого могли бы позволить:

а) вообще отказаться от ассигнований из государственного бюджета,

б) сделать хозяйство доходным и резко увеличить получаемый здесь ВВП, к чему теперь настойчиво призывает всех граждан России ее Президент.

Предложение о проведении экономического эксперимента мы направили в МПР еще в декабре 2000 г. Тогда же (в начале 2001 г.) МПР одобрило это предложение и даже решило увеличить масштабы эксперимента. Однако теперь МПР как бы забыло о своем намерении, решив, видимо, как будет показано ниже, напрямую распорядиться выращенными в ОЛХ лесом, чтобы можно было сдать его за символические деньги определенным фигурантам в безвозвратную «аренду», а затем, если позволит Президент и Федеральное собрание, провести его приватизацию.

Как уже отмечалось выше в статье под № 19, расчетная лесосека ОЛХ «Сиверский лес» по всем видам рубок приближается к 100 тыс м³ в год. Экспорт этого количества древесины — даже в непереработанном виде — в соседние страны может принести лесным бизнесменам весьма значительный куш. Но он будет на порядки цифр меньше убытков государства, которые оно понесет по причине ликвидации созданного за десятки лет научного задела и непроведения экономического эксперимента, результаты которого могли бы позволить многократно увеличить лесной доход России. И это, подчеркнем, не фантазия, а примерно то, что уже сделано во всем лесном хозяйстве Литвы (с.м. об этом в приведенной выше статье под № 8).

Далее о некоторых формальных особенностях ответа МПР на мою жалобу.

В ответе сказано, что все сделано по закону, в том числе, например:

а) в соответствии с распоряжением Правительства от 05.03.2005 г. №244р, поставившего своей задачей превратить все лесхозы России (т.е. те государственные структуры, которые вели и все еще ведут работу в лесах) в бумаго-производящие и надзирающие учреждения, а самих лесоводов — в приказных чиновников-управленцев. Самое удивительное в этом распоряжении то, что его составители, обеспечив многократное увеличение числа «лесных» чиновников, не успели даже договориться с теми, кем они могли бы управлять при проведении немалого перечня лесохозяйственных работ, а также не решили вопрос о том, где взять для этого несколько тысяч профессионально подготовленных людей. Думаю, что наши граждане правильно оценят «государственную мудрость» тех, кто организовал названное постановление Правительства. Результаты начатой реализации данного постановления уже теперь являются весомым дополнительным аргументом для СМИ говорить о растущей беспризорности лесов, что, естественно, не может не приблизить момент их массовой приватизации со всеми ее «российскими» особенностями. По этому поводу не могу не спросить своих сограждан: кто хочет этого?

б) ссылаясь на вышеперечисленное постановление Правительства, МПР видимо забыло ст. 128 действующего

закона «Лесной кодекс РФ». Эта статья (Закон!) подтверждает сам факт того, что исследовательские учреждения могут иметь ОЛХ в своем распоряжении. Естественен вопрос к МПР, почему подчиненное ему Агентство (новый Рослесхоз) решило поставить себя выше Закона и издать приказ от 18.04.2005 г. №56 об изъятии у нас и других НИИ опытных хозяйств как их экспериментальных баз, сохранность которых у институтов была гарантирована еще Президентом Ельциным Б.Н. (см. Указ Президента РФ от 27.04.1992 г. № 426);

в) в ответе МПР процитированы следующие строки из нового устава СПбНИИЛХ (составлен Агентством в обход нашего Ученого совета, утвержден 11.04.2005 г.): «... за институтом сохраняется научно-методическое обеспечение деятельности и координации опытно-внедренческих работ, проводимых в ФГУ ... «Сиверский лес». Как понятно каждому, обеспечивать и координировать можно того, кто в этом заинтересован и, к тому же, обязан выполнять принимаемые решения. Такая взаимная заинтересованность в прошлом была. Однако ее в полной мере «убил» изданный «новым Рослесхозом» новый устав «Сиверского леса». В этом документе нет и одного слова, которое обязывало бы ОЛХ считаться с постановлениями Ученого совета СПбНИИЛХ, а также продолжать совместно с учеными хотя бы ранее начатые опытные работы. Поэтому приведенные в ответе МПР слова о том, что изъятие у нас нашей экспериментальной базы «никак не повлияет на снижение уровня научных исследований» есть плохо замаскированная ложь.

В настоящее время в Ленинградской области осталось только 3 лесхоза, леса которых не розданы лесозаготовителям за символические деньги в безвозвратную «аренду». Это Охтенский и Лисинский учебно-опытные лесхозы и наш ОЛХ «Сиверский лес». Первые два хозяйства защищены от этой напасти тем, что они находятся в другом министерстве. В отличие от них, в незащищенном от посягательств ОЛХ «Сиверский лес» дела обстояли и обстоят так. По вышеизложенным причинам, Ученый совет и дирекция Института не давали согласия на сдачу наших лесов в безвозвратную «аренду». Более того, тот, кто возглавлял лесное хозяйство в МПР до появления там Рошупкина В.П., официально обязал Институт исключить возможность даже единичных случаев «предоставления участков лесного фонда

ОЛХ «Сиверский лес» в аренду для осуществления лесопользования, не связанного с проведением и апробацией научно-исследовательских работ» (факсограмма из МПР от 29.06.2004 г.). Данный курс Агентства лесного хозяйства МПР в полной мере отвечал интересам государства и лесохозяйственной науки. Официально данный курс остался не отмененным. Однако новый руководитель Агентства решил повернуть его на 180° и, отдадим ему должное, сделал он это уверенно и быстро. Понимая, что без согласия руководства Института и его Ученого совета безвозвратную «аренду» в нашем ОЛХ протолкнуть нельзя, руководитель Агентства без видимых причин и объяснений, как если бы он жил и распоряжался в своем собственном имени лет, этак, 300 тому назад, просто заменил несогласного с ним в данном вопросе директора на удобное ему лицо и забрал у Института его ОЛХ. Более того, очевидно, способом штамповки, в Агентстве срочно были изготовлены практически не отличающиеся друг от друга новые уставы рядовых (производственных) и опытных лесхозов. При этом в каждый такой проштампованный «устав» (в том числе и в устав ОЛХ «Сиверский лес») оказался включенным пункт, разрешающий (читай, обязывающий) хозяйства практически даром отдавать лесозаготовителям свои леса в безвозвратную «аренду», что, как широко известно, реализуют на практике не в русле хорошо поддающихся финансовому контролю рыночных торгов-аукционов, но для заранее выбранного круга коммерческих структур.

В настоящее время сотрудники Института еще не получили ответа на свою жалобу по поводу всего происходящего, направленную в Генеральную прокуратуру. Тем не менее, как стало известно, в Агентстве лесного хозяйства по СПб и Ленинградской обл. уже запущено делопроизводство по сдаче наиболее ценных лесничеств ОЛХ «Сиверский лес» в «аренду» определенным фирмам осенью этого года.

Учитывая вышеизложенное, закончу свою статью просьбой к руководству МПР исправить то зло, которое было причинено нашей лесохозяйственной науке деятельностью Рощупкина В.П. на должности руководителя абсолютно чуждого ему лесного хозяйства страны.

«Лесная газета», 2005, № 75, 17 сентября.

20. ОШИБКИ В МЕТОДИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛЕСОСЫРЬЕВОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ — ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА ПРОСЧЕТОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА В КОНСТРУИРОВАНИИ ЛЕСНОЙ ПОЛИТИКИ СТРАНЫ

«Не всё стриги, что растет».

Козьма Прутков

Разные информационные агентства (ИТАР-ТААС», Росбалт и др.) сообщили о том, что 24.11.2005 г. правительство России заслушало Ю.П.Трутнева — министра природных ресурсов о состоянии дел в лесном комплексе страны и о дальнейшем его развитии.

Со многим, о чем сказал министр, нельзя не согласиться, в том числе:

- * о необходимости иметь в стране федеральную целевую программу «Леса России» (комментарий автора: как ранее говорил С.М. Миронов, такая общенациональная программа крайне нужна; она должна иметь комплексный характер; и еще, чтобы программа эффективно «работала», она должна получить статус «рамочного» закона, определяющего стратегию развития всего лесного комплекса на основе баланса интересов каждого из его секторов и всего населения страны; появление такого закона — Национальной комплексной лесной программы «Леса России», по моему мнению, должно предшествовать выходу в свет нового Лесного кодекса);

- * о форсировании строительства лесных дорог и предприятий по переработке древесины;

- * о необходимости изменения таможенной политики в плане уменьшения таможенных сборов при экспорте изделий из древесины и увеличения этих сборов при вывозе из страны дешевого круглого леса (т.е. непереработанной древесины);

- * о том, что лесной комплекс России нуждаются в крупных инвестициях;

- * о необходимости дальнейшего совершенствования и развития рыночных отношений в лесопользовании.

По поводу последнего из названных предложений министра позволю себе заметить, что лесное хозяйство России нуждается в его реализации в значительно большей мере, чем лесная промышленность.

Лучше или хуже, но уже практически все структуры лесной промышленности работают в условиях товарно-денежных (рыночных) отношений. В отличие от них наше лесное хозяйство, являющееся фундаментом лесного комплекса страны, оказалось в положении чеховского Фирса, которого как бы забыли (оставили) в условиях значительно менее эффективной тоталитарной (планово-бюрократической) организации производственных процессов. В итоге отрасль «имеет»: стабильно убыточный характер, финансирование из бюджета по «остаточному принципу», вынужденные рубки дохода — вместо рубок ухода, жесткую зависимость лесхозов от лесозаготовителей, что ведет к занижению требований к качеству лесосечных работ и многим иным негативным обстоятельствам. Все это в сумме подвинуло лесхозы и всю нашу отрасль к состоянию своей ненужности, при котором их возможная ликвидация или превращение в свою противоположность становятся уже как бы ожидаемыми событиями.

Серьезное беспокойство вызывает та часть доклада министра, в которой он обосновывает возможность (и даже необходимость!) увеличения масштабов рубок леса, и не когда-нибудь потом после введения в строй новых предприятий по переработке древесины, а именно теперь.

Агентство ИТАР-ТААС определило данную позицию министра в следующих, отвечающих сути этой части его доклада словах: «Трутнев призывает не экономить лес».

Министр обосновывает свое предложение следующими аргументами.

В России находится 22% площади всех лесов Земли. Это — больше, чем в любой другой стране. По официальным данным*, сумма покрытых лесом земель России равна 776 млн. га. Но это, подчеркну, именно в сумме, разнородными слагаемыми которой являются: леса сырьевого и несырьевого

* См. Государственный доклад о состоянии и использовании лесных ресурсов Российской Федерации в 2002 г. — М.: МПР, 2003.

предназначения, представляющие и не представляющие реальную (коммерческую) ценность для получения древесины как сырья, а также леса, находящиеся в ведении не только МПР, но и других лесовладельцев — Минобороны, Минобразования, территориальных структур власти и пр.

Количество древесины во всех наших лесах, подсчитанное таким же способом сложения, как и их площади, тоже оказалось весьма большим, а именно равным 82,1 млрд. м³.

Разделив вышеназванную цифру на число жителей России, авторы доклада получили и привели в нем цифру: 600 м³ древесины на корню на одного человека, что могло бы свидетельствовать, по их мнению, о сказочном богатстве каждого из нас, если бы, вдруг, удалось вырубить и продать это количество древесины.

Таким же путем суммирования определили количество древесины, ежегодно прирастающей во всех наших лесах. В среднем, отнесенная на 1 га, эта величина оказалась далеко не радужной, а именно равной всего 1,3 м³/га, и это, я уверен, без учета ежегодно происходящего в лесах естественного отпада деревьев. Если же им пренебрегают, то умножая приведенную цифру среднего прироста 1,3 м³/га на суммарную лесопокрытую площадь страны, равную 776 млн. га, получают 994 млн. м³/год, ту самую цифру, с которой и сопоставляют составители доклада объем ежегодно изымаемой из леса древесины, равный, примерно, 150 млн. м³/год. И вот тут-то и появляется «основание» для заинтересованных лесозаготовителей и лоббирующих их интересы чиновников сказать о том, что теперь в России, при существующих масштабах вырубки лесов, из них изымают всего лишь 15% годичного прироста. К этому иные «знатоки» добавляют еще об одном открытом ими «явлении», а именно о том, что не вырубленный в заданный срок лес выступает не в качестве уникального хранителя аккумулированного им углерода атмосферы, а, якобы, портит нашу атмосферу, как если бы он был вообще на это способен.

Приведенные выше цифры могут поразить воображение нелесоводов. Но этого не произойдет, если они узнают о том, на каких опасных нарушениях логики и здравого смысла основано предложение об увеличении масштабов изъятия

древесины из наших лесов, о которых сам же министр сказал, что они имеют низкую продуктивность и уже истощены рубками прошлых лет.

В пояснение сказанного в качестве примера приведу Канаду, которая по многим ее характеристикам стоит к нам ближе, чем иные страны.

По состоянию на 1993 г. общая площадь лесных земель Канады — 416 млн. га. Из них к числу имеющих коммерческую ценность в качестве источников разных видов лесных продуктов канадские лесоводы отнесли 237 млн. га (57%) и только 119 млн. га (28,6%) к числу тех, в которых ведется целенаправленная хозяйственная деятельность, ориентированная на получение древесины для промышленных нужд (which are currently managed for timber production). Имеющийся запас древесины в лесах последней из названных категорий равен 24,6 млрд. м³, ср. запас на 1 га — 207 м³. Разрешенный размер рубки (расчетная лесосека) — 247 млн. м³, что примерно равно 1% количества имеющейся там древесины. Усредненный возраст рубки равен примерно 100 годам, а средний прирост древесины (в год) — 2,1 м³/га.

Как можно видеть в лесном хозяйстве Канады не суммируют кислое с пресным и уж конечно не строят на таких расчетах стратегические и тактические планы развития своего лесного комплекса. У нас же, к сожалению, поступают именно так, рискуя, в итоге, привести лесной комплекс России к опаснейшим коллизиям.

Устанавливая границы и площади лесов лесопромышленного предназначения, канадские лесоводы в числе разных факторов учитывали, конечно, и возможные показатели рентабельности лесохозяйственного и лесопромышленного производства. У нас поступали иначе: просто делили леса на доступные и недоступные для заготовки древесины. Так делали в эпоху СССР и точно также продолжают делать теперь.

В справочниках по Лесному фонду России разных лет издания доля (%) доступных для эксплуатации лесов широко варьирует. Так, в 50-е годы — тогда еще функционировали леспромхозы ГУЛАГа — почти все наши леса (а именно: 96%) попадали в категорию эксплуатационных. В более близкие нам

годы эту цифру уменьшили до 75%. МПР согласно с этой цифрой, хотя некоторые авторитетные эксперты (например, руководитель ВНИИЦлесресурс, д-р с.-х. наук В.В.Страхов и профессор ЛТА В.А.Ильин) полагают, что она завышена примерно в два раза. Если принять последнюю из названных цифр за истинную, то в этом случае придется констатировать, что в настоящее время масштабы вырубki наших хвойных лесов на территориях, доступных для эксплуатации, находятся на уровне расчетной лесосеки, а в иных регионах даже превышают эти расчетные цифры.

И вот тут самое время задать вопрос руководству МПР о том, известно ли ему, что в стране до сих пор нет надежной методики, позволяющей — по примеру Канады — уверенно определять площади и выделять на картах те самые леса, в которых возможна не вообще какая-нибудь, а непременно приносящая прибыль хозяйственная деятельность, ориентированная на систематическое получение древесины как сырья для промышленных нужд?

До сих пор, при отнесении лесов к числу «доступных» и «недоступных», заинтересованные структуры лесного комплекса вынуждены использовать экспертные оценки, что не только малонадежно, но и недостаточно. В принципе в век рыночной экономики нужны характеристики не типа «да» или «нет», не заключения о физической доступности или недоступности лесов, а ряды цифр, характеризующие уровни рентабельности лесохозяйственной и лесопромышленной деятельности на конкретных больших и малых территориях. Без таких данных о нашем лесном фонде нельзя построить обоснованные планы развития лесного комплекса России. Разработка упомянутой методики и получение названных данных — одна из главных задач не только для лесных научно-исследовательских, учебных и проектных институтов, но и для всего лесного комплекса страны. И пока эта задача не решена, приходится констатировать: главная мысль министра Ю.П. Трутнева («не экономить лес»), с которой он вышел на заседание правительства, есть дом, построенный на песке.

Названные в докладе предположительные (к 2010 г.) объемы проведения различных лесохозяйственных меропр-

ятий (если последует их финансирование из государственного бюджета) не могут изменить указанный вывод, поскольку, когда форсированные рубки леса уже состоятся, нужного количества денег для лесного хозяйства (как теперь!), скорее всего, не найдут по причине возникновения иных срочных расходов. Однако если даже найдутся, вдруг, по примеру Китая большие деньги на восстановление лесов, нельзя не принимать в расчет при конструировании лесной политики того, что новые древостои приобретут товарную ценность и эффективную средообразующую функцию лишь через много десятков лет. Поэтому в нашей ситуации уместно не форсировать истребление лесов, но использовать их экономно, чтобы на смену вырубленным древостоям успевали подниматься новые.

Опираясь в своем докладе правительству на цифры о том, как много у нас лесов, г-н министр почему-то умолчал, что большая часть лесов России (впрочем, также как и Канады) вообще не представляет интереса для лесопромышленной деятельности, что уже давно усиленная эксплуатация лесов идет не где-то на холодных сибирских равнинах и горах, а в обжитой европейской части лесной зоны России, на Урале и, в меньшей мере, в расположенных к востоку от Урала южных регионах страны. Та «Концепция развития лесного хозяйства ... на 2003-2010 годы», о которой с таким оптимизмом упоминал министр, предусматривает усиление рубок леса именно там, где его рубили и рубят, поскольку больше рубить просто негде. На долю этих регионов приходится не более 20-30% лесопокрытой площади России. Леса здесь сильнее всего истощены чрезмерными (т.е. хищническими) рубками прошлых лет, о чем свидетельствуют уже не эксперты, а вполне официальные данные, приведенные в справочниках по лесному фонду России. Об этом я уже неоднократно говорил и ... остался не услышанным. Поэтому повторяю еще раз.

При установленном теперь для большей части эксплуатируемых лесов России (и явно заниженном!) возрасте спелости хвойных древостоев, равном 80 годам, в типично «лесных» субъектах Российской Федерации (а именно: в Архангельской, Вологодской, Калининградской, Пермской областях, Башкортостане, Карелии, Коми, Республики Марий

ЭЛ) средние запасы древесины в спелых ельниках и сосняках уже оказались опущенными руками человека ниже уровня приспевающих, а в двух субъектах Федерации (в Свердловской и Челябинской областях) — даже ниже уровня средневозрастных древостоев. Названный факт не может не бросить лесоводов и всех тех, кто всерьез озабочен будущим страны, буквально в дрожь. Для нелесоводов поясню, что происшедшее вполне сопоставимо с тем, как если бы крестьянин вдруг стал косить принадлежащую ему пшеницу, в колосьях которой еще не налилось зерно. Наверное многие могли бы подумать о том, что такой фермер, поступающий вопреки собственным финансовым интересам, очевидно страдает некими отклонениями от нормы.

В нашем случае таким фермером является собственник лесов, т.е. государство, не пресекающее всеми имеющимися у него силами и авторитетом практику истощительного лесопользования, которая автоматически ведет ко многим негативным следствиям, к числу которых относится и многократное недополучение государством своего лесного дохода.

До какого количества и в какие сроки будет расширен приведенный выше перечень из 10-ти субъектов Федерации, в которых их упитанные «лесные коровы» окажутся низведенными до уровня тощих телят?

Почему не дают ответа на этот актуальнейший вопрос авторы утвержденной правительством «Концепции развития лесного хозяйства РФ на 2003-2010 годы»?

Или, может быть, это и не концепция вовсе, а всего лишь ее имитация, в которой динамика характеристик эксплуатируемых лесов в конкретных регионах и субъектах РФ подменена благодушными рассуждениями и намерениями, которые могли бы быть восприняты Госдумой и правительством как признак деловой активности?

Почему на фоне приведенных сведений министр природных ресурсов выступает теперь с призывом не экономить еще остающиеся в России запасы древесины в доступных для эксплуатации лесах?

Предположительный ответ на последний вопрос можно найти в информации, приведенной агентством «Росбалт». В этой информации не сообщается о том, что на заседании

правительства РФ 24.11.2005 г. получили возможность выступить с изложением своей позиции наиболее авторитетные лесоводы страны, например, действительный член РАН А.С. Исаев (быв. Председатель Государственного комитета по лесному хозяйству СССР, а ныне один из соруководителей Международного института леса), действительный член РАН С.Э. Вомперский, президент Общества лесоводов РФ, действительный член Россельхозакадемии А.И. Писаренко, бывший ранее Главным лесничим России. Однако такая возможность была предоставлена президенту Союза лесопромышленников и лесозэкспортеров М.В. Тацону, который давно и настойчиво защищает свое предложение о создании единого органа исполнительной власти для управления всем лесным сектором экономики страны. По сути дела, это означает давно лоббируемое в разных структурах власти подчинение государственного лесного хозяйства интересам более мощных и богатых частных лесопромышленных структур.

По поводу данного предложения М.В. Тацона напомним о том, что административное подчинение лесного хозяйства лесной промышленности было широко испытано в советский период в виде организованных в ряде областей комплексных предприятий (леспромхозов) в системе Минлесбумпрома. Освобожденные от контроля независимого лесного хозяйства, такие леспромхозы быстро вырубали лучшие леса в своих обширных лесосырьевых базах, что превратило их в экономические пустыни. Потом десятки таких предприятий были просто закрыты, люди остались без работы, инфраструктура — разрушена. Брошенными оказались и благоустроенные лесные поселки, в которых — при организации работы леспромхозов в режиме постоянства лесопользования — могли бы жить и растить детей многие поколения наших людей. Тем, кто бывал в таких вымороченных лесных поселках, наверное, не раз приходило в голову их сравнение с последствиями эпидемий чумы.

После происшедшего правительство СССР поняло, что лесное хозяйство и лесная промышленность есть «заклятые друзья», которые не могут обойтись друг без друга. Вместе с тем, жизнь уверенно показала, что их продуктивный тандем обречен на самоликвидацию, если лесоводы оказываются в административной зависимости от лесозаготовителей. Тогда

это поняли, потом забыли, а теперь снова начинают организовывать новый виток того же самого. Только вот берусь утверждать, что результаты будут много хуже, чем тогда, по крайней мере, по следующим основным причинам:

* существующая возможность того, что данная «новация» теперь приобретет всероссийский характер;

* уже произошедшее обеднение наших лесов запасами ценной крупномерной древесины хвойных пород;

* начатая ликвидация главной опоры государства в принадлежащих ему лесах — его лесхозов, лесничеств и лесной охраны, а также опубликованные намерения провести приватизацию государственных лесоустроительных предприятий, которые, потеряв свое значение «государева ока», впредь должны будут, разрабатывать проекты ведения лесного хозяйства не по заказам собственника лесов (государства), а по заказам временщиков — арендаторов;

* четко проявившийся опасный крен в формируемой Министерством природных ресурсов лесной политике в пользу интересов лесозаготовителей, а не защищающего стратегические интересы государства его лесного хозяйства.

Последнее мне представляется особенно опасным, поскольку раньше, и при довлеющей роли Минлесбумпрома, в стране всегда оставались те или иные централизованные и периферийные структуры лесного хозяйства, имевшие возможность доводить по разным каналам до сведения руководства страны объективную картину того, что происходило в наших лесах.

Символичным мне представляется также умолчание министра о том, что могло бы быть понятно как призыв к планированию акций, имеющих цель повысить продуктивность лесов, к сохранению их биологического разнообразия, к проведению экономических (рыночных) реформ в лесном хозяйстве, к увеличению формируемого в лесхозах лесного дохода, как это они снова начали делать в последние годы прошлого столетия, когда им разрешили — после многолетнего запрета — продавать на аукционах отведенный в рубку лес как свой основной товар.

Для тех, кто забыл, напомним, что указанный хорошо проверенный в условиях России в течение очень многих лет и

вновь разрешенный Лесным кодексом (1997 г.) путь, позволяющий нашему лесному хозяйству вернуться в рыночную экономику, был тогда взорван самим правительством М.М. Касьянова. Сделано это было по рецепту, заимствованному из арсенала продразверсток времен военного коммунизма. А именно: правительство заставило лесхозы отдавать ему буквально все, что они получали от продажи леса на аукционах. На развитие лесхозов и на оплату нелегкого труда их персонала не оставляли ничего. Это не могло не привести к неизбежному: объемы продаж леса на аукционах перестали расти, а сами работники лесхозов, чтобы не умереть с голода, снова взялись за топоры, превращая затратные рубки ухода за лесом в так называемые рубки дохода. В глазах массы наших граждан, это уронило престиж лесхозов, сделало его таким, при котором уже их ликвидация стала представляться многим в виде как бы обоснованного решения. Только вот не ведает подавляющее большинство людей о том, каковы были истинные причины происшедшего и того, что будет с нашими лесами потом, после ликвидации государственных лесхозов, лесничеств и лесоустроительных предприятий.

Вместо обозначения вышеназванных и иных актуальных для нашей отрасли задач, в докладе министра присутствует еще то, что вообще находится далеко за пределами логики и здравого смысла. Это — намерение не усовершенствовать (!), а просто ликвидировать существующее деление лесов на группы в зависимости от их значения для страны и выполняемых основных функций. Как можно понять из текста пресск-релиза, речь идет о том, чтобы в России впредь вообще не было лесов I-й группы (водоохранных, защитных, рекреационных, курортных и пр.) с жестким режимом лесопользования.

За высказанным намерением г-на министра очевидно последует то, чего, казалось бы, в наше время в России просто не может быть ни при каких обстоятельствах, а именно: укореняющееся в официальных кругах власти представление о наших лесах всего лишь как о сырьевой базе лесной промышленности.

В связи с объявленным намерением г-на Трутнева Ю.П. хочу напомнить читателям о том, что в России водоохранные и защитные леса стали выделять в соответствии с Указом,

изданным Александром III в 1888 г. в ответ на обмеление рек, участвовавшие наводнения, рост оврагов и другие виды эрозии почвы и, конечно, на снижение урожаев с.-х. культур и вызванные этим голодные годы в обжитых губерниях России. Такие категории лесов тогда выделяли независимо от формы их собственности. В них были запрещены все виды рубок живых деревьев, если это не было разрешено в лесоустроительных проектах.

В 1917 г. и послереволюционные годы в России вспыхнула вакханалия рубок леса. Рубили все, до чего дотягивались руки — не только водоохранные леса, но даже деревья на кладбищах. Упомянутый указ Александра III, оборонявший защитные леса от вырубки, и установленные Лесным департаментом регламенты по определению мест, объемов и способов рубок леса были, вместе со многими другими, отправлены в небытие.

Всплеск надежды на возвращение лесного хозяйства в русло нормальной (рыночной) экономики имел место в годы НЭПа. В то время, осуществленный руководством страны и ее Центральным управлением лесов (ЦУЛ при НКЗ) переход от распределения лесосек чиновниками к продаже их на открытых аукционах позволил за один год удвоить лесной доход страны. Однако очень скоро все это было пресечено действовавшими в стране другими политическими силами. Бывший начальник ЦУЛа А.И. Шульц, тогда даже пообещал вырубить парк Лесного института, если прикажет партия. Но и это обещание, надо сказать, не спасло ему жизнь.

В последующие годы почти не контролируемые рубки леса и их типичные следствия в сфере экологии перемежались с предпринимаемыми правительством мерами к тому, чтобы ввести этот процесс в какое-то русло хотя бы на части территории страны. О таких «качелях» рассказывали многие лесоводы.

В период после 1917 г. и до наших дней Россия не реорганизовала свое государственное лесное хозяйство в соответствии с принципами, изложенными в учениях наших классиков лесоустройства и лесоводства — проф. М.М. Орлова и проф. Г.Ф. Морозова. Важнейшим элементом этого учения

является, как известно, правило постоянства неубывающего пользования лесом в границах каждой отдельно взятой хозчасти (хоздачи) лесного фонда с однородными природными и социально-экономическими условиями. Именно это требование лесоводов вызывало у лесозаготовителей самые бурные протесты. При всем том нельзя не сказать, что руководящие структуры лесного хозяйства и его лесхозы в течение многих лет предпринимали и преуспели осуществить многие крупномасштабные действия в интересах сохранения и восстановления «лесной шубы» страны как важнейшей части ее экологического и сырьевого потенциала.

Обо всем том, что в указанных целях было сделано, рассказано во многих публикациях — статьях, книгах, учебниках. В повторении того, что широко известно нашим специалистам, необходимости нет. Однако об одном реализованном правительством страны особо важном решении умолчать просто нельзя. Это решение было принято в самые тяжелые годы Отечественной войны — весной 1943 г. и заключалось оно в том, что все наши леса тогда были разделены на три группы по их народнохозяйственному значению и по допускаемым технологическим нормативам лесопользования. Как известно, к I-й группе отнесли леса, несырьевые функции которых (водоохранные, защитные, рекреационные, заповедные и пр.) были признаны правительством более важными, чем сырьевые. При всем том, рубки деревьев в лесах I-й группы конечно допускались и допускаются теперь (кроме заповедников), но сам процесс получения здесь древесины как сырья вводился в жесткие рамки технологических ограничений, при которых не были бы ослаблены или уничтожены признаваемые особо важными в данных условиях несырьевые функции леса.

В течение многих лет заданные лесоводами технологические ограничения на заготовку древесины в лесах I-й группы вызвали непрекращающиеся «наезды» со стороны лесозаготовителей. И это, надо сказать, привело — в ряде случаев — к ослаблению таких ограничений, что, конечно, плохо уже само по себе. Но, при всем том, у нас никогда еще не доходило дело не только до разрешенной властями вырубки

лесов I-й группы, но и до серьезных изменений их биологического разнообразия.

Теперь, как было заявлено публично, г-н Трутнев Ю.П., министр природных ресурсов РФ, намерен сделать вышеуказанное самым кардинальным способом — путем ликвидации самого деления лесов на группы по их доминирующему предназначению для населения страны и для всего того, что раньше называли ее народным хозяйством.

Может спросить у лесоводов, а еще лучше — у миллионов граждан страны о том, что они думают по поводу данного замысла руководства МПР? И еще: можно ли вообще доверять леса России этому министерству?

Закончу статью следующим резюме.

17 мая 2000 г. Президент России В.В. Путин совершил ошибку, подписав очевидно подготовленный правительством М.М. Касьянова Указ №867 о ликвидации имевшейся в структуре правительства самостоятельной и профессиональной Федеральной службы лесного хозяйства России. Из-за каких объективных или субъективных причин это произошло? Лесоводы до сих пор не знают. Ошибка была усугублена тем, что лесное хозяйство страны оказалось, в конечном счете, в МПР, доминирующие интересы руководителей которого связаны не с живым лесом, а с косной (неживой) природой полезных ископаемых.

Совершенную ошибку надо исправить. Если не теперь, то это придется сделать потом, когда уже сама Природа и экономика страны накажут нас за легкомысленное и непрофессиональное обращение с лесом. Наказание будет тем тяжелее, чем позже будет исправлена ошибка. А пока ... молодым лесоводам, не продавшим свои шпаги, как говорил М.Ю. Лермонтов, остается ждать, а тем, кто постарше, — вспоминать слова из гимна крейсеру «Варяг» и сохранять надежду на то, что их потомки увидят лесное хозяйство и сами леса России в восстановленной силе и красоте.

«Лесная газета», 2006, № 8, 28 января.

21. ПОЧЕМУ ПРИ ПЕРЕСКАЗЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В.В. ПУТИНА ГЛАВНЫЕ КАНАЛЫ ТВ ОПУСТИЛИ ПОЧТИ ВСЕ, ЧТО ОН СКАЗАЛ О ЛЕСНОМ ХОЗЯЙСТВЕ?

Совещание с участием Президента состоялось 6.04.06 г. в Сыктывкаре. Оно было посвящено развитию двух отраслей лесного комплекса — приватизированной лесной промышленности и государственному лесному хозяйству. Президент выступил там дважды и говорил об обеих отраслях.

Президент отметил некоторые позитивные перемены, имеющие место в первичной обработке и переработке древесины. Вместе с тем он высказал жесткий упрек в адрес лесозаготовителей, которые «гонят» большую часть полученной древесины за границу в виде непереработанного дешевого кругляка, что ежегодно наносит стране ущерб, измеряемый миллиардами долларов.

Примечание. Позволю себе заметить, что указанное очень выгодно для тех, кто организует только вырубку леса и торговлю кругляком. Для этого не нужно иметь высшее специальное образование, не нужны серьезные инвестиции. А получаемую выгоду можно иметь и впредь, если пролоббировать в Госдуме и правительстве вопросы о сохранении административно заданных (не рыночных!) низких корневых цен на лес и низких вывозных таможенных пошлин на кругляк.

Заявление Президента о том, что лесной экспорт России должен быть переориентирован на торговлю переработанной древесиной, имеет не только экономическое, но и важное политическое значение. В нашем прошлом именно такой вектор развития лесной промышленности вывел лесной экспорт России на первое место в мире. Чтобы реализовать сказанное, в России есть не только сырьевые и трудовые, но и валютные ресурсы. Однако в сложившейся ситуации остается не ясным ответ на вопрос о наличии политической воли у Госдумы и действующего правительства, чтобы приступить к незамедлительному выполнению директивы Президента. Сомневаться в указанном заставляют услышанные неотчетливые реплики г-на Грефа Г.О., а также имеющаяся неясность по вопросу о подготовке прави-

тельством заданной Президентом целевой программы по развитию мощностей по глубокой переработке древесины. Ожидалось, что это программа должна быть готова к марту с.г.

О лесах и лесном хозяйстве России Президент В.В.Путин сказал в Сыктывкаре то, что волнует миллионы людей. Однако главные каналы ТВ о сказанном умолчали. Поэтому ниже пересказываю информацию, полученную через интернет (сообщение 1436, Лесной форум Гринпис России, просмотр тем: «Путин о лес ...» и «О совещании ...»).

1. Российский лес — экологический щит не только нашей страны, но и всей планеты.

2. Практически все народы России на протяжении всей своей истории самым тесным образом были связаны с лесом. Лес всегда защищал, кормил, поил, обогревал, давал материалы для жилища. В сознании любого российского гражданина лес, также как вода и воздух, является общенациональным достоянием. Это надо не забывать, но постоянно помнить и учесть в новом Лесном кодексе.

3. Лес — наше национальное богатство. К нему нужно относиться рачительно, внимательно, осторожно, не забывая также о том, что он еще является сырьевой базой крупной отрасли, которую нужно развивать. Принимаемые в данной сфере народного хозяйства решения, должны быть надежно проверенными, взвешенными и зрелыми. Эти решения не должны ущемлять интересы рядовых граждан.

4. Леса России используются расточительно. Имеет место факт истощения хвойных лесов и недостаточность, а то и отсутствие мер по их воспроизводству. Невозможно в одночасье восстановить хвойные леса, форсированно вырубавшиеся в течение семи десятков лет. Но мы даже и не пытаемся как следует решать эту задачу. Она, эта задача, до сих пор не входит в разряд первостепенных, хотя, по сути, таковой является.

5. В передовых странах теперь эффективно развиваются новые технологии восстановления лесов. Не только у них, но и у нас в этом важном деле нужно то, что принято называть хайтек. Полагаю, что здесь надо принимать срочные и конкретные меры.

6. Нужен четкий план действий по ликвидации незаконных, в прямом смысле слова варварских рубок леса. Наши

действия должны жестко перекрывать нелегальные рубки леса и такую же торговлю им.

Примечание. Как я уже сообщал (см. Лесная газета, 2005 г., № 18), практикуемые в стране силовые и юридические меры борьбы с лесными браконьерами построены не на базе Уголовного кодекса. Вместо него Госдума и правительство ввели в широкую практику нормативные документы, являющиеся, по сути, всеобщей индульгенцией для лесных воров. Этот факт не может быть компенсирован расходами миллионов долларов на съёмку лесов из космоса и верхних слоев атмосферы.

В заключение предлагаю свой вариант ответа на вопрос, поставленный в названии статьи.

Совещание на высшем уровне было посвящено развитию двух отраслей. Однако на видеокадрах, показанных по ТВ, в числе тех, кто был рядом с Президентом, не оказалось ни одного из известных в стране лесоводов, являющихся общепризнанными авторитетами в нашей отрасли. Вместо них там были лесоводы г-да Трутнев Ю.П. и Рощупкин В.П., утверждающие — в отличие от Президента — что «Лесное хозяйство является (всего — навсего!) обеспечивающей отраслью для последующей переработки леса и его экспорта». Чтобы не ошибиться в формулировке данной нелепости, приведенную цитату я взял из доклада г-на Трутнева Ю.П., в котором эта мысль не только присутствует, но и подчеркнута.

Большинство моих коллег сохраняет уверенность в том, что для решения очень сложных задач по восстановлению нашего лесного хозяйства и превращению его в высокодоходную отрасль обязательно нужны не чиновники широкого профиля, которым — в нашем случае — ближе и понятнее относительно более простые задачи лесозаготовителей и лесных коммерсантов, а профессионалы самой высокой квалификации. Когда партия «Единой России» шла на выборы, она обещала в своей программе реализовать данный тезис в интересах обустройства управления страной. Может быть, теперь забыла об обещанном? Или заявила тогда о своем намерении только для того, чтобы привлечь голоса избирателей?

«Лесная газета», №32, 2006 г.

22. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

ВСЕМ, КОГО КАСАЕТСЯ ЛЕСНОЙ КОДЕКС (ПАМФЛЕТ)

Нет и не может быть в лесу слаще и правильнее нашей власти, власти тех, кто его рубит и продает. Только мы точно знаем, что и почему нужно и что не нужно делать в лесу.

300 лет государство держало лесной бизнес в изобретенных царскими лесоводами кандалах ограничений ради неких национальных интересов. Теперь перед лицом моих подельников торжественно заявляю: кончилась эта каторга. Мы — часть того целого, в чьих руках находятся деньги. Мы помогли ЕБН и Ко стать верховными правителями России и получили от них волю. И теперь никто не сможет заставить нас, богатых и сильных, поступиться своими правами. Именно это гарантирует лесному бизнесу новый Лесной кодекс, вызывающий ярость и протест у противостоящей нам толпы бедных, слабых и тех, кому еще за державу обидно.

Крики, вопли и разные письма несогласных достигли уже другой стороны Земли. Но не испугали. Нет у наших врагов средств, чтобы разрушить уже созревшие планы и вывести из строя построенные автоматы, обязанные в нашем случае дружно сказать «за».

Однако шум надоел. Отвлекает от радостей жизни, да еще заставляет тратить свои кровные на поддержание имиджа. Поэтому заявляю всем, кто против: «иду на вы». Как и вас, не в пробирке меня родители сделали. Не слабые пружины поддержали и ввели во власть. Читал я и Маркса, и Морозова, и Ельцина, и еще многих. Знаю я цену вашей жиденькой солидарности и охмурительной науки и готов побить любого по всем статьям обвинения, с которыми остатки еще выживших лесоводов выступают против нас.

1. О лесных пожарах. Зачем их тушить? Спрашивал академиков и профессоров: какая от того прибыль? В ответ — нечто не отчетливое. Не могут они назвать цену сгорающих лесов. Однако дожал вопросами и узнал точно: чем меньше тратим денег на борьбу с лесными пожарами, тем больший имеем экономический эффект от экономии разной валюты.

Что, не так? Именно так! Поэтому не надо давать лесоводам валюту на их пожарную мутотень. Нечего им и рот разевать на подачки из бюджета!

Конечно, вред от лесных пожаров бывает. Но ведь не такой, как пишут разные «зеленые». Было, например, когда мы в Москве чихали от дыма. Противно, конечно. Но вот, что оказалось: дым этот шел не из леса, а от горевших торфяников. Покончить с ними — проще пареной репы. Затопить, и все. Тем более, что наш главный счетовод обещал подкинуть денег на инфраструктуру. Конечно, тут тоже не обойдется без общественного писка со стороны жлобов-пролетариев, которым когда-то даром (!) дали по 6 соток торфяных болот. В этих своих загончиках они не только растят питающие их овощи, но и построили из разного хлама фазенды и сараюшки с обитающими там древними и вновь народившимися родичами. Однако это препятствие — не Китайская стена. Знаем, как преодолеть его без больших затрат. И дыма потом точно не будет.

А вот о самих пожарах в лесу ответственно скажу: они были, есть и будут. Поэтому нечего и деньги тратить на горючку и зарплату для тех, кто с ними борется, да еще, тем более, там, где нас нет.

2. О вредителях. Такая же история, как с пожарами. Вид у этих червяков — не из приятных, это точно. Однако зачем тратить миллионы валюты на борьбу с каким — то шелко-прядом в глухой тайге, куда наши элитарии даже на охоту не ездят? Все эти и подобные расходы мы процедим через мелкое сито с позиции своих, а не каких-то общенациональных интересов. О них у нас голова не болела и болеть не будет!

3. Об осине. Которая гнилая, и которая вместе с полуделовой березой уже заняла почти все лучшие земли в вырубленных хвойных лесах. Кто только из лесоводов не «давил» этой осинкой на психику нашим бизнесменам. Иные дон-кихоты даже требовали, чтобы мы — по неотмененному Закону об охране природы — платили государству за нанесенный лесам ущерб. Однако не все. Были и такие, кто называл осину нянькой ели. И это так! Ель сама поселяется под осинкой. А когда та падает от старости, занимает ее место. Кто скажет нет? Поэтому в зарастании вырубок осинкой заключен надеж-

нейший инструмент экономии многих миллионов валюты, которую без толку и без моржи тратили и тратят на лесоправление, лесохозяйственное образование и науку, на лесоустройство, ну и, конечно, на возобновление леса, уход за ним и т.д. Зачем все это, если гнилая осина, как надежный раб, работает вместо нас?

Против указанного, однако, возражают. Говорят, что эту осину надо продавать, рубить и перерабатывать. Спрашиваю, зачем? А потому, говорят, что на хороших почвах осина ликвидирует сосну как класс, а ель «сидит» под ней более 100 лет в виде мало чего стоящего подтоварника. Отвечаю оппонентам так:

* Нам все равно, будет или не будет сосна в лесах, которые когда-то станут рубить чьи-то потомки. Да и не вся сосна вымрет, как говорят знающие люди. Что-то останется на болотах, песках и горах. Поэтому нечего пугать нас «Красной книгой». И еще.

* Нам все равно, когда ель вырвется из-под осины — через 100 лет или через 500. В любом случае за это время мы уйдем на кладбища и в крематории. Поэтому сегодня мы не будем ужимать свои доходы ради чьих-то будущих благ. Деньги — большие — нужны нам сейчас!

Спросите, зачем? Отвечаю: как концентрат силы, власти, превосходства над другими и самой возможности жить в режиме «как хочу» и «все позволено». К этому толкает нас реальная, а не чья-то виртуальная природа. Мы хотим жить именно так и мы уйдем любого (любых), кто будет нам мешать.

Еще об осине. Нет среди нас дураков, готовых вложить свои деньги в бизнес на гнилой осине. Установленные чиновниками по нашей наводке низкие корневые цены на хвою позволяют нам перепродавать кругляк ели и сосны многократно дороже. Кто не знает, что недополученная прибыль есть убыток? На убытки мы не пойдем и менять соотношение цен не позволим. Для этого у нас есть надежные агенты влияния, и не только внизу, но и в верхних эшелонах. Коротко говоря, все давно под контролем.

4. О кругляке. Это главный предмет, на котором теперь стоит наш лесной бизнес и наша лесная торговля. Это о нем, кругляке, непочтительно говорил недавно Президент России

в Коми. Только, видать, не знает он, что для нас (и не только для нас) значит этот кругляк, и на чьи мозоли он случайно наступил. Поэтому поясню.

Давно, еще при последнем Романове, в нашем экспорте кругляка было меньше, чем переработанной древесины. Тогда власть могла заставить бизнесменов действовать в ее интересах. То время прошло. Теперь мы — довлеющая сила, которая и обеспечивает капиталу (т.е. себе) возможность делать именно то, что выгодно нам, а не кому-то еще. В частности, скажу прямо, нам выгоднее торговать именно кругляком. А чтобы было понятно, отвечаю на вопросы «почему»:

1) Короткие обороты капитала при мизерных потребностях в исходных кредитах.

2) Заданный нами через правительство один из самых низких в мире уровень цен на лес на корню.

Примечание: Именно о таком бескровном способе убийства остатков нашего государственного лесного хозяйства сообщил 6.06.06г. в СПб во время «встречи за круглым столом» сам руководитель государственного Агентства лесного хозяйства МПР (ЛГ, №50 от 24.06.2006 г, статья М.Ершовой).

3) Отсутствие необходимости вкладывать («замораживать») свой капитал в строительство обремененных разными проблемами объектов недвижимости по промышленной переработке древесины.

4) Реализуемая в разных формах межличностных и иных отношений «железная» заинтересованность скандинавских, китайских и других лесопромышленных холдингов в том, чтобы навсегда удержать Россию в состоянии их лесосырьевого придатка.

Не считаться со сказанным в пункте 4 и в других не может ни Правительство, ни сам Президент России.

Мы хорошо отблагодарим всех, кто поможет ввести в действие новый Лесной кодекс, поскольку для нас он не просто бумага, а законное основание для нового прыжка вперед к превращению государственных лесов в закрытую для всех нашу частную собственность. Сначала это будет сделано де-факто (под видом так называемой долгосрочной псевдоаренды,

одобренной — запомните! — самим Президентом), а потом и де-юре.

Когда новый Кодекс будет принят, мы на законном основании завершим превращение Агентства государственного лесного хозяйства в государственное Агентство приватизированной лесной промышленности.

Мы навсегда исключим саму возможность воскрешения созданного при Павле I Лесного департамента России. Это его казенные лесничества, еще до I-ой Мировой войны лишили лесопромышленников сверхприбылей и максимизировали государственный лесной доход.

Чтобы решить вышеназванную актуальную задачу, мы вообще ликвидируем не нужную нам профессию лесоводов и осуществим такую ликвидацию с помощью своих людей в правительстве. Для этого оно доделает то, что начало по нашей наводке. А именно: продолжит выгрывать из лесхозов все деньги, которые им выплачивают покупщики отведенных в рубку лесосек на аукционах. Взамен правительство будет давать (и дает!) лесхозам деньги из бюджета страны в количестве ... 10-20% от действительно необходимых сумм. Результат? Очень многие лесоводы стали делать то же, что и мы, т.е. рубить и продавать лес. Сейчас мы уже стоим на пороге завершения эпохальной задачи по превращению лесоводов-государственников в частных предпринимателей, озабоченных только личными материальными интересами.

Мы будем подкармливать чиновников из нового Агентства и его структур на местах за счет своих доходов, а они будут подыскивать нам (и себе тоже!!!) новые лесные массивы для вырубки, а так же направлять нам субсидии из госбюджета на строительство наших лесовозных дорог. Все это, взятое вместе, не может не обеспечить нам — пока есть в России товарный лес — быстрый рост доходов и прибылей.

Обозначенная лесная политика есть политика реального лесного бизнеса. Мы открываем свои карты, чтобы другие поняли: нашим бизнесменам есть, что поиметь, и мы не поступимся своими принципами. Время работает на нас. Мы пришли и останемся собственниками и хозяевами своих лесов.

И еще. Мы знаем, как наводили порядок в России в годы военного коммунизма, а также в Германии в 30-е годы. Мы

используем эти эффективные решения, чтобы быстро покончить с разными браконьерами в НАШИХ лесах и на НАШИХ землях. Не сомневайтесь.

Игемон Гегемонов

«Лесная газета», 2006, № 57, 13 июля

23. О ДЕЗИНТЕГРАЦИИ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА И ЛЕСОВ СТРАНЫ МЕЖДУ СУБЪЕКТАМИ РФ*

Проведение реформ в лесном хозяйстве России требует наличия надежных данных по всесторонней оценке последствий предлагаемых решений. Это обусловлено чрезвычайной «пестротой» наших природных и социально-экономический условий и, конечно, тем, что деревья растут медленно. Оттого допущенные ошибки в лесовыращивании и лесопользовании исправить гораздо труднее, чем в других сферах хозяйственной деятельности. В силу вышеуказанного, когда в 1888 г. император Александр III подписал подготовленный его правительством Закон — «Положение о сбережении лесов» (см. Полное собрание законов Российской империи, т. VIII. — СПб., 1890. — С.150-155), его реализация происходила не по принципу «вдруг», не сразу во всей стране, но постепенно, от губернии к губернии, по мере накопления опыта, увеличения числа подготовленных специалистов лесного хозяйства, создания системы дееспособных губернских и уездных лесоохранительных комитетов, подготовки нескольких вариантов новой лесоустроительной инструкции, разработки и введения в действие общегосударственных и местных подзаконных нормативных документов Лесного департамента и других ведомств, так или иначе связанных с лесом. На все это ушло около 10 лет. Иные знающие лесоводы считают, что и побольше, подчеркивая, вместе с тем, что в те годы был

* Дезинтеграция – расчленение целого на составные части (Словарь современного русского литературного языка, т.3. - М.-Л.: Изд. АН СССР, 1954. – С. 647).

выполнен рекордный объем работ по усовершенствованию разных аспектов организации и ведения лесного хозяйства страны. Тогда же Лесной департамент разработал и новый Лесной устав России, проект которого издали и представили в 1913 г. в Государственную Думу.

Примечание. С названным документом можно познакомиться, т.к. он, как книга, сохранился в некоторых библиотеках. Его точное название: «Проект Устава Лесного в сравнительном изложении с действующим Уставом Лесным и заключения об изменениях в законах, связанных с этим проектом». Документ объемом 459 страниц подписали: директор Лесного департамента А. Кублицкий-Пиотух и и. о. начальника отделения Т. Нехорошев (СПб.: Типолитография «Якорь», 1913).

Самое интересное во всей той давней истории было, по моему мнению, происходившее мощное накопление опыта, который не оставался втуне, но был использован теми, кто шел следом за первыми. Такой эволюционный путь в строительстве крупных функционирующих государственных структур дает возможность сравнивать результаты разных вариантов решений, выбирать для последующей реализации лучшие и обоснованно отбрасывать худшие.

Следуя названным путем, в конце XVIII — начале XIX в. Россия, в отличие от США, не только сберегла леса и их исходное биологическое разнообразие на большей части своей лесной площади, но и свой «лесной» экономический потенциал. Это позволило государственному лесному хозяйству России резко, почти в 5 раз, увеличить в те годы свой лесной доход и помочь стране занять 1-е место в мире в качестве экспортера переработанной древесины.

Из других важных результатов «лесных» реформ того времени полезно также знать:

* что действие Закона — «Положение о сбережении лесов» распространялось на леса всех видов собственности;

* что и в лесах, не признанных защитными, Закон воспрещал проведение «опустошительных рубок», в результате которых был бы истощен древесный запас данной лесной дачи, что могло бы сделать невозможной реализацию там принципа постоянства лесопользования;

* что в состав созданных тогда лесоохранительных комитетов (губернских и уездных) входили лица, возглавляющие администрацию конкретных территорий (в губерниях — губернаторы), судебные органы, полицию, органы местного самоуправления, а также ведущие чиновники других важных для данной территории ведомств, представители частных лесовладельцев и, конечно, местные чины Корпуса лесничих, например, в уездах — уездный лесничий, в губерниях — лесные ревизоры;

* что лесоохранительные комитеты имели широкие полномочия: в частности, именно они выносили решения о немедленном запрете противозаконных и истощительных рубок леса на конкретных участках, устанавливали сроки и сметы на проведение лесокультурных работ (за счет лесовладельцев!) на участках, где не могло быть обеспечено полноценное возобновление леса естественным путем, выносили решения о привлечении к судебной ответственности виновных в нарушении закона.

Напоминая о вышеизложенном, автор, вместе с тем, считает нужным сказать, что в работе структур Лесного департамента Российской Федерации имелись не только достижения, но и незамалчиваемые недостатки. Это уже потом, после революции 1917 г., в оценках деятельности Корпуса лесничих России возобладали негативные мнения людей, объединенных писателем Л.Леоновым под именем грацианских, андрейчиков и др.

Перед I-й мировой войной Лесной департамент России приносил государству два рубля чистого дохода в год на каждый вложенный в него рубль. В состав Департамента входили: около 1,5 тыс. лесничеств с 12,6 тыс. лесных дач, лесоустроительные партии, ряд лесных школ, Лесной учебный институт в СПб (ныне ЛТА), Постоянная комиссия по лесному опытному делу с 15 опытными лесничествами и одной опытной таксационной партией. Активно работали в этой комиссии также сотрудники лесных кафедр вузов. В период с 1906 по 1915 г. ассигнования на лесохозяйственную науку возросли с 38,6 до 85 тыс. золотых рублей в год, соотносившихся тогда с долларами США как 1:10. Большое влияние на развитие нашей лесохозяйственной науки оказала деятельность проф. М.М.Орлова и его книга «Очерки по

организации лесного опытного дела в России», изданная Лесным департаментом в 1915 г.

Помимо вышеизложенного, нужно напомнить еще о том, что в Лесном департаменте проводили систематическую работу по сбору и анализу сведений о лесах и о хозяйственно-финансовой деятельности самого ведомства и его структур. Эту информацию регулярно публиковали в «Ежегодниках Лесного департамента» (как правило, в двух томах). Кроме «Ежегодников ...», Департамент регулярно издавал «Груды по лесному опытному делу». Ежемесячно выходил также «Лесной журнал» Общества лесоводов, бессменным редактором которого с 1904 по 1918 г. был проф. Г.Ф.Морозов.

Естественно, у читателей может возникнуть вопрос, зачем о вышеизложенном надо говорить в настоящей статье? По мнению автора, это сейчас крайне необходимо, поскольку те, кто взяли на себя смелость осуществить перестройку лесного хозяйства страны, просто обязаны прежде узнать из имеющихся доступных источников информации то положительное (и отрицательное тоже!), что имело место, когда государственное лесное хозяйство России функционировало в условиях социально-ориентированной рыночной экономики.

Особенно интересную информацию по этим вопросам можно найти в книге «Результаты бывшего казенного лесного хозяйства к 1914 г.». Книга была подготовлена группой специалистов под руководством проф. В.В. Фааса и издана в Петрограде в 1919 г.

Имея перед глазами названные материалы, нельзя не задаться вопросом: почему сегодня, в итоге рыночных реформ в стране, в нашей отрасли дела в лесхозах и состояние доступных для эксплуатации лесов России изменяются, мягко говоря, не в лучшую сторону?

Может быть, это происходит оттого, что воспитанные в духе довлеющего значения не эволюционных, а революционных преобразований, мы отвыкли от многовариантных экспериментов и расчетов и продолжаем надеяться на то, что те или иные гипотезы позволят нам сразу угадать единственно правильное решение?

Похожее на вышесказанное случилось в нашей отрасли буквально только что: Закон о дезинтеграции лесов и лесного

хозяйства России между субъектами РФ «прошел» Государственную Думу 23.12.2005 г. и был одобрен Советом Федерации уже 27.12.2005 г. Данный раздел лесов, надо подчеркнуть, будет иметь место в условиях сохранения в Законе еще одного ранее предложенного чиновниками, документа, а именно — организации лесопользования (главным образом, рубок леса) путем сдачи лесов в псевдоаренду.

Примечание. По общепринятым определениям, аренда не может быть безвозвратной. Если имущество не возвращают, сделку называют иначе. В нашем случае термин «аренда» используют неправомерно, т.к. вырубленные древостои невозможно вернуть собственнику.

Происшедшее в Федеральном собрании вызывает желание задать парламентариям вопрос: почему превращенные ими в федеральный закон очень непростые новации в лесном комплексе страны не были заранее проверены в экономико-управленческих экспериментах, проведенных на примере нескольких субъектов федерации? Кто или что помешало Федеральному собранию обязать правительство провести эту очень нужную работу, без результатов которой депутаты вынуждены действовать как бы вслепую?

Если не сейчас, то очень скоро крупномасштабные опытно-производственные эксперименты в лесном комплексе страны все равно придется проводить, поскольку не опираясь на их результаты, просто нельзя сделать то, что мы все хотим, а именно: обоснованно определить наиболее эффективные пути развития этого, очень непростого комплекса не только в масштабе всей России, но и ее отдельных регионов.

В нашем случае имеет смысл говорить в первую очередь об экспериментах, имеющих своей целью оптимизацию экономических и организационных отношений между лесоводами и лесозаготовителями. Из них первые представляют интересы государства как собственника лесов, вторые — интересы частного бизнеса. При этом, надо сказать, что в обоих случаях объемы этих интересов определяются не только размерами получаемой сегодня прибыли, но и многими другими, в том числе долговременными составляющими.

По моему мнению, в процессе экспериментов могли бы быть испытаны и сравнены перечисленные ниже варианты

организации хозяйственной деятельности в лесах со следующими условными названиями.

«Старо-русский». Его суть: только лесничий несет ответственность за состояние своих лесов, величину извлекаемого из них лесного дохода и выполнение мероприятий, указанных в лесоустроительном проекте. В соответствии с последним, лесничий отводит лес в рубку для анонимных лесопользователей и организует продажу отведенных делянок на открытых торгах-аукционах. Величину исходных стартовых корневых цен на лес на конкретных делянках определяет государственное лесоустройство. Оно же задает и другие условия реализации леса в рубку, в том числе: сроки и способы ее проведения, требование к возобновлению леса на вырубках и пр. Проданный лес становится собственностью лесозаготовителей. Однако на лесосеке они могут распорядиться заготовленной древесиной только так, как это обусловлено в документах купли-продажи.

«Германо-прибалтийский». И в этом случае лесничий отвечает в лесу за все. Он же (с помощью своих сотрудников, а также нанятых и оплачиваемых им подрядных организаций) выполняет в лесу все работы — от сбора семян до заключительных рубок леса. Полученные круглые сортименты древесины остаются во владении лесничества до момента их продажи потребителям на открытых аукционах, организуемых непосредственно в лесу или на временных складах.

«Вариант лесной концессии». В этом случае лес передается в возмездное владение крупным комплексным лесопромышленным предприятиям (КЛП) или комплексным агролесопромышленным предприятиям (КАЛП) на условиях, оговоренных в договорах, заключаемых с полномочным представителем собственника леса. Названные предприятия (КЛП и КАЛП) несут ответственность перед собственником за состояние полученного леса, выполняют в лесу весь цикл хозяйственных работ (от сбора семян до реализации заготовленной древесины и (или) продуктов ее переработки), для чего они могут нанимать специалистов лесного хозяйства и других профессий, образуя из них в необходимых случаях свои внутренние структуры. Хозяйственная деятельность КЛП и КАЛП должна контролироваться собственником леса. Функ-

ции «лесных контролеров» могли бы быть поручены государственным лесоустроительным предприятиям или специально организованным независимым структурам.

Перечень приведенных выше предложений может быть существенно расширен. Но в нашем случае более важной представляется показанная необходимость испытаний в экспериментах того, что потом может получить свое обоснованное «место» в Лесном кодексе РФ.

Возвращаясь от будущего к настоящему, а именно к предновогодним поправкам, внесенным Федеральным собранием в 47-ю статью Лесного кодекса (1997 г.) нельзя не заметить, что эти поправки (в единственную статью!) превратили действующий кодекс в документ с принципиально иным содержанием. Это обстоятельство не может не вызвать следующие вопросы.

1) Почему наши парламент и правительство, еще совсем недавно взявшие курс на построение в стране четкой вертикали власти, теперь поступили с лесным хозяйством России с точностью до наоборот?

2) В какой мере принятые Федеральным собранием документы согласуются (или не согласуются) с действующим Лесным кодексом РФ (1997) и поправками к нему, принятыми 22.08.2004 г. и 29.12.2004 г. В частности, как в свете прошедшего надо понимать смысл следующих статей действующего Лесного кодекса:

Ст. 18, ч. 2. «Собственник (лесов) несет бремя затрат на охрану, защиту, воспроизводство и организацию рационального использования принадлежащих ему объектов лесных отношений... и имеет право на получение доходов...». Ранее считалось, заметим, что перечисленные права и обязанности относятся (в целом или в основном) к прерогативам федерального центра, выступающего в качестве собственника всех лесов страны. А как это будет выглядеть теперь, после того как приняв решение об дезинтеграции лесов и лесного хозяйства страны, Федеральное собрание тут же постановило, что охрана, защита, воспроизводство лесов и другие лесохозяйственные действия, перепорученные теперь субъектам РФ, должны впредь почему-то выполняться за счет субвенций (т.е. субсидий) из федерального центра?

Ст. 44, ч.4. Здесь сказано, что «лесные ресурсы на лесной аукцион выставляет территориальный орган федерального органа исполнительной власти в области лесного хозяйства». Статья эта не отменена. Но в новом законе (поправки к ст. 47) сказано другое, а именно, что проведение лесных конкурсов и аукционов есть полномочие субъектов РФ. Чему в данной ситуации следует верить?

Ст. 46. «К полномочиям Российской Федерации ... относятся (см. ч. 4): владение, пользование и распоряжение лесным фондом», т.е. та триада юридических прав, которая, в совокупности, и наполняет собой право собственности на предметы материального мира. Данная статья Лесного кодекса не отменена. Однако в новом законе (поправки к ст. 47) почему-то сказано, что к полномочиям субъектов РФ относится осуществление только прав распоряжения и пользования лесами (см. с. 75, 1-й абзац). Почему в перечне прав субъектов РФ опущено право «владения»? По этому поводу можно вспомнить, что примерно год тому назад в принятом Федеральным собранием законе о передаче субъектам РФ так наз. сельских лесов были упомянуты все три элемента понятия «собственность». А теперь только два. По распространенному мнению (см. <http://glossary.ru>), «владение» есть фактическое обладание вещью, создающее для обладателя возможность непосредственного воздействия на нее. «Владение» может иметь место на правах собственности (для собственника вещи) и без права собственности, если оно осуществляется лицом, не являющимся собственником вещи. Как в вышеуказанном случае надо понимать отсутствие слова «владение»? Как событие случайное или преднамеренное?

Перечень подобных вопросов может быть расширен, но в нашем случае важнее назвать переданные субъектам Федерации от Федерального центра наиболее существенные права и обязанности. К таковым, в частности, отнесены:

* самостоятельное назначение и освобождение от должности руководителя, возглавляющего службу лесного хозяйства субъекта Федерации;

* формирование и утверждение (по согласованию с федеральным центром) структуры органа управления своим лесным хозяйством;

- * профилактика и тушение лесных пожаров;
- * воспроизводство лесов;
- * защита их от вредителей и болезней;
- * обеспечение проведения лесоустройства;
- * предоставление участков лесного фонда в аренду;
- * организация и проведение лесных конкурсов и аукционов;
- * определение ставок лесных податей (т.е. цен на продаваемый на корню лес);
- * выдача разрешительных документов на рубку леса и пр.

Особое беспокойство вызывает первое из делегированных на места вышеназванных полномочий. Как четко сказано в законе (с. 78, верхние два абзаца), назначение (и увольнение) первых лиц, управляющих лесным хозяйством в субъектах РФ, теперь будет производиться их губернаторами (президентами) без согласования с федеральным центром или даже со своим законодательным собранием. По моему мнению, это в принципе неправильно. Более того, это даже опасно, поскольку сопряжено с умножением числа случаев появления на постах руководителей лесного хозяйства обширных территорий некомпетентных людей, не имеющих высшего лесохозяйственного образования, а также персон, озабоченных не государственными, а своими личными или клановыми интересами. Подобные прецеденты в стране уже были.

Естественен вопрос о том, как сейчас — после принятого в декабре 2005 г. закона — выглядят полномочия федерального центра по лесному хозяйству. Перечень этих полномочий оказался резко суженным. Наиболее значительными из них являются:

- * ведение лесного хозяйства на особоохраняемых территориях и в субъектах РФ, где численность населения в три раза превышает среднюю плотность населения в стране. Вопросы о том, почему именно в 3 раза и как определять этот показатель в областях с расположенными там, наши парламентарии оставили без ответа;
- * формирование государственной политики России в области ее лесного хозяйства;
- * разработка нормативно-правовых документов и методических указаний, относящихся к сфере полномочий, переданных субъектам РФ;

* осуществление контрольных функций в отношении того, как ведут свое лесное хозяйство и осуществляют лесопользование субъекты РФ.

По моему мнению, именно контрольные функции федерального центра имеют первостепенное значение. Однако мало было о них сказать в ФЗ. Здесь же надо было еще определить, кому и как это сделать. К сожалению, в отношении данного самого трудного для решения вопроса наши парламентарии умыли свои руки подобно Понтию Пилату.

Может быть, правительство поручит осуществлять контроль тем, кого в наших лесхозах традиционно называли лесной охраной? Так уже успели уволить очень многих из числа тех, кто входил в ее состав, а теперь наши макроэкономисты всерьез взялись за ликвидацию самих лесхозов.

Может быть вышеуказанное будет поручено органам Росприроднадзора в составе МПР? Так ведь они уже не один год существуют лишь в Москве и еще в виде почти виртуальных структур в субъектах РФ. А на местах они, как поручик Кижэ у Ю.Тынянова: в списках есть, а в наличии нет. Лучше других о том, что есть Росприроднадзор на местах (на примере Кемеровской обл.), рассказала в «Лесной газете» от 21.01.2006 г. Людмила Маркова. Очень советую всем, кто сможет, прочесть ее рассказ. А сам скажу то, что должно было бы уже давно и много раз прозвучать во всех российских СМИ: наши леса, как всенародная собственность и величайшая национальная ценность, превращены в объекты без замков, дверей и даже без сторожей.

С чем можно сравнить вышеуказанное? Может быть, с тем, как в V веке жители Рима отдали свой город на разграбление вандалам, призванным туда для участия в политической разборке? По-моему, у нас — хуже, поскольку там действовали чужаки, интервенты, а у нас — свои же люди, почему-то уже не воспринимающие общегосударственные интересы России как своей Родины.

Принятые Федеральным собранием в декабре 2005 г. поправки в действующий Лесной кодекс почти вывернули его, образно говоря, наизнанку.

Однозначной оценки у разных людей эта внезапная новация получить, естественно, не может.

Те, кто считают себя гражданами единой России, очевидно, увидят в происшедшем новый этап предложенного Б. Ельциным растаскивания суверенитета страны по отдельным территориям.

Позитивно отнесутся к «новогоднему подарку», наверное, многие губернаторы и президенты автономных республик, получившие таким образом дополнительные властные полномочия. Об этом, в частности, с совершенной ясностью уже высказался в «Лесной газете» (от 24.01.2006 г. №7) В.В. Грачев, являющийся заместителем губернатора Вологодской обл. и, одновременно, начальником Департамента лесного комплекса.

Безусловное «да» новому закону скажут те лесозаготовители, а также их общественные и административные структуры, которые хотят построить свою деятельность в лесу по принципу: «своя рука — владыка». И тут не может не возникнуть архиважный вопрос: смогут ли руководители субъектов РФ оказать сдерживающее влияние на аппетиты лесозаготовителей, которые правят у них свой «лесной бал»? Задумаются ли руководители субъектов Федерации над тем, во что превращаются их лесные ландшафты, где вели и ведут истощительные рубки леса? Увлечет ли президентов и губернаторов субъектов РФ идея государственного масштаба по организации правильного лесного хозяйства в границах управляемых ими территорий на основе признаков постоянного пользования лесом и сохранения его биологического разнообразия? Или все будет развиваться по правилу: «после нас — хоть потоп»?

О возможной реакции лесоводов на декабрьские события уверенно могу сказать следующее.

Вокруг еще имеющихся в лесах страны доступных запасов древесины продолжается игра в азартной преферанс, в которой нам, лесоводам, отведена роль символических «болванов». В преферансе, как известно, игроки не спрашивают их мнения. То же и на этот раз произошло в нашем Федеральном собрании.

Боль за состояние и будущее наших лесов волнует не только лесоводов, озабоченных стратегическими интересами государства, но и подавляющее большинство граждан России.

Горьчайшая из горьких статей о судьбе лесов России, написанная академиком РАСХН проф. Н.А. Моисеевым и опубликованная в «Лесной газете» от 21.01.2006 г. №6, называется «Лесные реформы в России, это что: глупость, некомпетентность, безответственность или ...?» Со своей стороны, очень хотел бы надеяться на то, что эта статья попадет на стол Президенту и что его помощник выделит в ней слово «или?».

В заключение позволю себе напомнить читателям слова, произнесенные в начале XIX века германским лесоводом Генрихом Коттой: «Лесоводство — дитя нужды». Они известны многим моим коллегам. Однако до сих пор мы всерьез не примеряли их к своей стране. А выходит — зря. Через несколько десятков лет нужда в лесе многих миллионов людей России может достичь предела, вызывающего политические потрясения. Жаль, если только это заставит правящие структуры всерьез заняться лесным хозяйством страны. Плохо жить по пословице: «пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Грустно о таком говорить. Но именно это, к сожалению, становится нашей реальностью.

«Деградация лесного хозяйства России».
2006. СПб, сс. 78-85

24. ПРОИГРАННАЯ ВОЙНА?

Речь не о войне 1941-1945 гг., а о текущей, которую есть основание тоже называть отечественной, поскольку от ее исхода зависит будущее лесов Отечества и многих миллионов ныне живущих и будущих его граждан.

«Лесная» война началась не вчера. В течение сотен лет выдающиеся деятели нашего государства строили его лесную политику, сообразуясь с политическими и экономическими интересами страны, а не частных лиц. Не все и не всегда получалось на этом пути как должно. Однако никогда еще в России не было такого, как теперь, опасного столкновения противоречивых мнений в сфере формирования ее лесной политики.

Если «очистить» от многих важных и второстепенных деталей суть проектов нового Лесного кодекса и множества опубликованных на них рецензий, можно увидеть главную причину нынешнего обострения «лесной» войны. Это — принципиально два разных варианта законодательного решения архиважного для страны вопроса о том, чьи и какие интересы возобладают в лесной политике России, а именно:

* стратегические общенациональные интересы России, в защиту которых еще в 1917-1918 гг. выступали корифеи науки о лесе и лесном хозяйстве проф. Г.Ф.Морозов и проф. М.М. Орлов, чью позицию и теперь занимают многие тысячи людей, в том числе не изменившие своей профессии лесоводы-государственники, экологи и все те граждане страны, кто озабочен бедственным положением дел в наших лесах, или

* лишенные стратегической цели коммерческие интересы частного бизнеса, озабоченного главным образом тем, чтобы быстрее вырубить и продать (или перепродать) так или иначе полученный у чиновников или захваченный у государства лес.

Попробуем проанализировать важнейшие отличительные особенности обоих вариантов лесной политики, условно названных как «первый» и «второй».

1. Чьим интересам отвечает данный вариант лесной политики?

Первый вариант: Интересам большинства ныне живущих и будущих граждан России, а также жителей других стран, чьи условия среды в той или иной степени зависят от состояния наших лесных ландшафтов.

Второй вариант: Интересам коммерческих структур, занятых заготовкой древесины и торговлей древесиной, людям из их ближайшего окружения, а также лоббируемых ими чиновников и депутатов в разных органах власти.

2. Формы собственности и владения.

Первый вариант: Все леса — собственность государства. Они — общее достояние граждан России. От их имени Федеральное собрание делегирует право владения лесами специальной государственной структуре, низовыми звеньями которой являются лесхозы и (или) лесничества.

Второй вариант: Леса, представляющие коммерческую ценность, находятся в собственности и владении негосудар-

ственных структур. То и другое может иметь место де-юре и(или) де-факто. В последнем случае органы законодательной и исполнительной власти легализуют (оформляют) фактическую приватизацию лесов под видом их сдачи в долгосрочную аренду.

3. Кто должен быть реальным хозяином лесных угодий? Государственный лесничий с лесохозяйственным образованием.

Первый вариант: Руководитель коммерческой структуры с официальным или неофициальным статусом, организующий легальную или псевдолегальную вырубку лесов и продажу (перепродажу) круглого леса.

Второй вариант: Вопрос о наличии лесохозяйственного образования не возникает.

4. Наличие возглавляемого высококвалифицированными лесоводами полномочного министерства и его структур (лесхозов, лесничеств) на местах, ответственных за ведение в стране правильного лесного хозяйства.

Первый вариант: Обязательно.

Второй вариант: Не нужно.

5. Отношение к основным элементам правильного лесного хозяйства:

5.1. Организация и ведение неистощительного (постоянного) пользования лесом в границах каждой хозяйственной дачи (хозчасти лесничества) с однородными природно-растительными и социально-экономическими условиями.

Первый вариант: Обязательно.

Это — главное условие, позволяющее остановить и не допускать впредь истощительные рубки в лесах, имеющих высокую коммерческую ценность.

Второй вариант: Не нужно.

В интересах успеха PR-акций можно декларировать необходимость постоянства лесопользования при том, однако, условии, чтобы расчетные лесосеки определялись для возможно более обширных территорий с включением в расчеты запасов древесины в лесах явно непригодных и недоступных для эксплуатации. В этом случае не возникают помехи для проведения опустошительных рубок в наиболее ценных и доступных лесах.

5.2. Проведение лесохозяйственных акций, направленных на получение в просматриваемой перспективе экономического и экологического эффектов, в том числе в виде повышения продуктивности и коммерческой ценности лесов, усиления их средообразующей роли и сохранения (улучшения) их биологического разнообразия.

Первый вариант: Обязательно.

Затраченные на проведение таких акций средства (например, на эффективный уход за молодняками, на ремонт лесосушительных канав и пр.) не дают немедленной финансовой отдачи. Но они с лихвой окупают себя в будущем.

Второй вариант: То, что не дает немедленной финансовой отдачи, делать не надо.

5.3. Проведение экономической реформы, призванной увеличить лесной доход страны и превратить ее лесное хозяйство из постоянно убыточной отрасли в самокупаемую, а затем — и в высокодоходную.

Первый вариант: Экономическая реформа лесного хозяйства совершенно необходима.

Второй вариант: Реформа не нужна. Ее результаты могут уменьшить прибыль, получаемую теперь частными коммерческими структурами, а также объемы их реальной власти.

5.4. О необходимости в законодательном порядке: а) разделять все леса на группы и категории по их доминирующему значению для страны в качестве источников древесины и несырьевых благ; б) жестко дифференцировать технологические нормативы рубок древостоев в лесах разных групп и категорий.

Первый вариант: То и другое совершенно необходимо. Действующее в стране в течение уже многих лет деление лесов на группы и категории нуждается в совершенствовании. Однако сама необходимость такого деления лесов не может быть взята под сомнение.

Второй вариант: Не надо.

Достаточно оставлять на лесосеках в неудобных местах не имеющие коммерческой ценности недорубы, трактуя это как спланированную акцию по сохранению видового разнообразия лесных территорий.

5.5. Установление в законодательном порядке дифференцированных по условиям жестких сроков для полноценного возобновления леса на вырубках и финансовой ответственности тех, кто рубит лес, за сроки и качество его воспроизводства на каждой лесосеке.

Первый вариант: Обязательно.

Именно так поступают теперь в развитых странах (например, в Финляндии), а еще раньше — в лесах Лесного департамента Российской империи.

Второй вариант: Не нужно.

Прибыли «лесных» коммерсантов не должны зависеть от того, что вырастет или не вырастет на месте вырубленных ими лесов. Жить по правилу: «После нас — хоть потоп».

5.6. О том, какой должна быть процедура реализации древостоев в рубку.

Первый вариант: Максимально соответствовать принципам социально-ориентированной рыночной экономики. В частности, при оптовых продажах — на открытых аукционах, при глубоко дифференцированных стартовых (расчетных) ценах и сроках проведения лесосечных работ, устанавливаемых независимым лесоустройством, при определенных в законе долях сумм за проданный лес, которые должны поступать в распоряжение лесхозов и местных органов власти, и, обязательно, при четком изложении покупателям леса сведений о перечне возлагаемых на них в каждом конкретном случае дополнительных обременений (условий).

Второй вариант: По задаваемым чиновниками исполнительных органов власти усредненным минимальным ценам или вообще даром, без аукционов, путем проведения закрытых от посторонних глаз так называемых конкурсов, в итоге которых оформляются достигнутые соглашения между зависимыми от своего начальства чиновниками и определенными «лесными» бизнесменами.

5.7. Установление в законодательном порядке дифференцированных по территориям и характеристикам лесов возрастов и способов рубок древостоев, при которых могут быть максимизированы объемы получаемого страной ее лесного дохода и других лесных благ.

Первый вариант: Обязательно.

Именно так поступают теперь в развитых странах, например, в лесах разных форм собственности в уже упоминавшейся Финляндии.

Второй вариант: Не нужно.

Рубить лес под разными предложениями в таком возрасте и такими способами, которые дают незамедлительно желаемую прибыль. Другие обстоятельства в расчет не принимаются.

6. Статус государственного лесоустройства; значение и содержание работы лесоустроительных предприятий.

Первый вариант: В условиях социально-ориентированной рыночной экономики лесоустройство должно остаться подчиненной федеральному центру структурой, при помощи которой государство обеспечивает ведение в лесах правильного лесного хозяйства (в понимании проф. М.М.Орлова). Основные функции лесоустройства в новых условиях:

* периодическая инвентаризация лесов;

* разработка для лесхозов, лесничеств и других лесовладельцев обязательных для исполнения долгосрочных проектов ведения правильного лесного хозяйства, неизменными элементами которого являются: а) незамедлительное и полноценное возобновление вырубленных лесов и б) организация постоянного (неубывающего) пользования лесом в границах выделяемых лесоустройством хозяйственных дач (хозчастей лесничеств) с однородными лесорастительными и социально-экономическими условиями;

* установление для конкретных территорий расчетных (стартовых) корневых цен на древесину, используемых при проведении аукционов;

* осуществление контрольных функций по оценке результатов предшествующей и текущей хозяйственной деятельности в конкретных лесхозах, лесничествах и на территориях других лесовладельцев.

Чтобы успешно выполнять названные обязанности, государственные лесоустроительные предприятия должны иметь свой единый управляющий ими федеральный центр.

Второй вариант: Приватизация лесоустроительных предприятий и перестройка их деятельности в соответствии с заказами от частных коммерческих структур и, естественно, в соответствии с их интересами.

Известны опубликованные высказывания власть имущих чиновников Агентства лесного хозяйства МПР о том, что впредь государственные заказы будут предоставляться лесоустроителям только (!) на проведение работ по инвентаризации лесов.

7. Роль и значение лесохозяйственной науки

Первый вариант: Эффективная работа лесохозяйственной науки есть необходимое условие позитивного развития лесохозяйственного производства в стране в целом и в каждом субъекте РФ.

Второй вариант: За исключением отдельных случаев, результаты НИОКР, выполненных в НИУ лесного хозяйства, теперь востребовать некому.

Примечание. Подмена стратегических и тактических интересов лесного хозяйства интересами лесозаготовителей уже привела к резкому сокращению вкладываемых в лесохозяйственную науку средств и даже к осуществленной Агентством лесного хозяйства МПР противозаконной ликвидации экспериментальных баз НИУ. В таких сфабрикованных условиях утрата ранее накопленного научного багажа, самих его носителей, ранее созданных опытных хозяйств и опытных объектов есть вопрос всего нескольких лет.

8. Что есть лесное хозяйство?

Первый вариант: Лесное хозяйство есть производство несырьевых и сырьевых лесных благ.

В интересах страны и самого лесного хозяйства те, кто его ведет, должны обеспечивать:

* сохранение (увеличение) продуктивности и площади лесов, улучшение их состояния и коммерческой ценности;

* сохранение (восстановление) биологического (видового и генетического) разнообразия, присущего коренным типам леса данного региона;

* неубывающие во времени объемы использования сырьевых и несырьевых лесных благ в границах каждой хозяйственной дачи (хоз. части лесничества);

* максимизацию лесного дохода, получаемого от реализации древесины и иных лесных благ.

Второй вариант: Лесное хозяйство это не производство, а всего лишь абстрактное понятие, используемое для обозна-

чения предпринимаемых в лесу тех или иных действий, каждое из которых может совпадать или идти в разрез с финансовыми интересами «лесных» бизнесменов.

Приведенное выше сравнение двух вариантов лесной политики показывает, что они соотносятся друг с другом как день и ночь.

Первый вариант — это путь эволюционных преобразований, отвечающих стратегическим интересам страны, второй ведет нас к разрушению до основания того, что было ранее создано в лесном хозяйстве России.

Характерно еще и то, что в высказываниях тех, кто защищает и пропагандирует второй вариант лесной политики, нет даже намек на то, каким (т.е. при каких таксационных характеристиках) они видят «светлое будущее» лесов в тех субъектах РФ, где велись и продолжаются истощительные рубки.

Если бы вопрос о выборе того или иного варианта лесной политики был вынесен на общий референдум населения страны, я уверен, что уже на следующий день у правительства не осталось бы другого варианта, кроме первого. Однако, к сожалению, теперь на проведение референдума можно надеяться примерно в той же мере, как на чудо.

За вторым вариантом лесной политики стоят консолидированные силы, располагающие мощными административными и финансовыми ресурсами. Эти ресурсы находятся в руках ангажированного большинства депутатов Государственной Думы (тех, кто проголосовал за отринутый Президентом проект Лесного кодекса), правительства (в лице двух его министерств и Агентства лесного хозяйства), Союза лесопромышленников и лесозэкспортеров РФ и многих других власть имущих людей в федеральном центре и в субъектах Российской Федерации.

Особую опасность для настоящего и будущего лесов страны представляет уже сам факт присутствия в рядах активных проводников второго варианта лесной политики возглавляемого нелесоведами Агентства лесного хозяйства МПР. Уверен, что в нашем будущем причины и механизм подмены в былых и ныне действующих госструктурах общенациональных интересов интересами частного лесного

бизнеса не могут не стать предметом специальных исследований, результаты которых привлекут внимание не только историков. Но это — потом. А сейчас почти с полной уверенностью можно сказать, что последние годы XX-го и начало XXI века будут памятны в истории России, кроме многих событий, еще разрушением ее лесного хозяйства и лесохозяйственной науки.

Видимо, лишь после того как усилятся экологические катастрофы, вызванные сокращением площади хвойных лесов в обжитой части страны, а дефицит ценной и доступной древесины и других лесных благ достигнет критического уровня, в России вспомнят о былой организации ее высокоэффективного (и высокодоходного!) государственного лесного хозяйства и примут меры по их воссозданию. А нынче, в укор тем, кто организует текущую и будущую лесную политику России, остается напомнить — уже не в первый раз — нашу давнюю поговорку: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». И еще — финал в известном рассказе Рея Бредбери «И грянул гром».

«Деградация лесного хозяйства России».
2006. СПб, сс. 85-92

25. ГОД МИНУВШИЙ И ГОД БУДУЩИЙ

2005 год

Вопрос 1. Чем запомнился уходящий год?

Ответ. Несбывшимися надеждами на то, что созданное при МПР Агентство лесного хозяйства окажется таким же профессиональным и дееспособным органом, какими были его предшественники — Лесной департамент России, Министерство и Федеральная служба лесного хозяйства России и Гослесхоз СССР.

Названные руководящие органы лесного хозяйства работали — и раньше и потом — в нелегких по разным причинам условиях. Тем не менее, в отличие от Агентства при МПР, они контролировали ситуацию в наших лесах, несли за них ответственность перед первыми лицами страны, активно

защищали интересы государства как собственника лесов и своих лесничих от браконьеров и «наездов» чрезмерно «крутых» лесозаготовителей, способствовали развитию профессионального образования, лесохозяйственной науки и научно-технического прогресса нашей отрасли.

Вопрос 2. Что я хотел бы перенести в следующий год?

Ответ. Надежду на то, что Государственная Дума снимет с обсуждения смертельно опасный для лесов России своими порочными постулатами проект нового Лесного кодекса, передающий — де-факто — реальную власть над лесами из рук профессиональных государственных лесничих в руки коммерсантов (временщиков-арендаторов), озабоченных не благосостоянием лесов, а главным образом возможностью быстрого обогащения путем организации ускоренной их вырубки и продажи за рубеж непереработанной древесины.

И еще: надежду на то, что вместо упомянутого, враждебного интересам России проекта названного кодекса Федеральное собрание РФ примет «Закон о лесах, лесном хозяйстве и лесной промышленности России», в котором — в виде целостной «Национальной комплексной лесной программы страны» — будут, как в рамочном документе, сформулированы важнейшие определения типа «что есть что», названы долговременные приоритеты ведения лесного хозяйства в лесах разного назначения, развития всех отраслей лесного комплекса, а также оговорены их права, обязанности и сбалансированный механизм экономического взаимодействия. По моему мнению, только после выхода в свет такого «рамочного» закона имеет смысл вести разработку нового Лесного кодекса, наполняя его многими уже непротиворечивыми и действительно нужными деталями.

Вопрос 3. С чем я бы хотел расстаться без сожаления?

Ответ. С результатами и практикой работы МПР и его Агентства по разрушению лесохозяйственной науки, у которой они отняли экспериментальные базы, финансовую поддержку для проведения реальных, а не бумажно-фиктивных, НИОКР, для подготовки молодых ученых, а также средства на проведение экспедиционных работ и на обновление лабораторного оборудования. Никогда ранее, за всю свою 200-летнюю историю, лесохозяйственная наука России

и ее ученые не находились в таком, как теперь, состоянии своей ненужности тем, кому правительство поручило заботиться о состоянии наших лесов.

Вопрос 4. За что я подниму первый бокал за новогодним столом?

Ответ. За Россию. За своих родных и близких мне по духу людей. За то, чтобы Россия, как наш общий корабль, тяжело раненный в разных боях, поврежденный необученными капитанами и обманутой ими командой, смог остаться на плаву и продолжить движение по курсу эволюционных реформ, проложенному в начале XIX века Петром Аркадьевичем Столыпиным. На данном этапе нашей истории особенно важными мне представляются следующие цели и приоритеты:

* политическая независимость и экономическая самодостаточность,

* рост экономической и оборонительной мощи и самой численности государство-образующего населения,

* повышение материального благополучия и уровня образования основной массы наших людей,

* уравновешенный баланс сил и прав в управлении страной на основе сочетания традиционной для России и ряда стран Европы монархии с демократическими институтами и органами земского самоуправления,

Мой тост будет также за то:

* чтобы с помощью детей и внуков граждан, выброшенных революцией 1917 г. за пределы России, к нам в повседневную жизнь миллионов россиян вернулись бы в полном объеме понятия совести, чести, долга и самодисциплины, знание собственной истории и культуры, очищенный от разных «новаций» русский язык и безграничная преданность России,

* чтобы не было в наших лесах созданных в былые годы кочующих леспромхозов-временщиков и их современных аналогов, превращающих лесные ландшафты России в экономические и экологические пустыни,

* чтобы современные правители Росси поняли, что лес — в отличие от полезных ископаемых — позволительно не только заготавливать, но еще надо выращивать, опекать и что объемы рубок леса не должны выходить за пределы, при которых обеспечивается постоянство лесопользования в

границах каждой лесной дачи с однородными природными и социально-экономическими условиями. Так было раньше в государственных лесах Российской империи и так должно быть впредь в лесах новой России.

2006 год

Вопрос 1. Свидетелем чего хотел бы я быть в Новом году?

Ответ. Мечтаю дожить до создания Министерства лесного хозяйства России, возглавляемого не просто должностным мундиром, как в истории, рассказанной М.А. Булгаковым, а лесоводом высочайшей квалификации и честным человеком, а также его такими же товарищами, способными возродить государственное лесное хозяйство России как наинужнейшую и высокодоходную отрасль народного хозяйства.

Вопрос 2. Чего я более всего опасюсь в наступающем 2006 году?

Ответ. Избыточного числа присутствующих в органах власти безответственных и малообразованных людей, эгоцентристов с гипертрофированным представлением о собственной значимости и людей с трансформированным менталитетом, легко путающих свои карманы с государственным.

Вопрос 2-а. На что надеюсь в Новом году?

Ответ. На то, что кто-то из знающих людей расскажет руководителям России о том, какое значение для страны имеет ее лесное хозяйство и что, узнав это, они перестанут путать лесоводов с лесозаготовителями и предпримут действенные меры к восстановлению государственного лесного хозяйства России, его Корпуса лесничих и лесохозяйственной науки.

Вопрос 3. Чему бы я приказал свершиться в Новом году, если бы мог?

Ответ. Очень многому. В том числе:

* чтобы наш парламент и правительство часто и регулярно информировали о своих делах тех, кто послал их во власть. Чтобы не повторялась имевшая место в правительстве и Госдуме закрытая от лесоводов и вообще от населения страны «игра в темную» по написанию и обсуждению проекта Лесного кодекса, а также других законов, затрагивающих интересы миллионов людей России,

* чтобы в стране появился быстродействующий механизм

обратной связи («блиц-референдум»), позволяющий миллионам людей незамедлительно оценивать дела тех, кто по нашей воле оказался в структурах власти, и еще, чтобы эта оценка могла бы оперативно и почти автоматически влиять на сроки пребывания тех или иных лиц в органах законодательной и исполнительной власти,

* чтобы люди, их дети, дома, дела и имущество были в полной мере защищены от воров, бандитов, крупных и мелких мошенников, нечестных чиновников и от торговцев наркотиками. Чтобы названные перерожденцы теряли покой и сон при одном слове «прокурор». Чтобы при решении названной задачи правительство в первую очередь учитывало опыт стремительно развивающегося Китая, а не других стран, далеких от нас по многим характеристикам,

* чтобы в наших судах решения выносились по совести — судом неангажированных присяжных заседателей, а не по принципу дышла, которое юристу-судье нетрудно повернуть в любую сторону,

* чтобы наши СМИ, школы, родители детей прониклись необходимостью воспитывать новое поколение россиян в русле евангельских императивов, в том числе таких, как «падающего поддержи» и «человек человеку друг, товарищ и брат», а не в такой широко пропагандируемой теперь разрушительной манере, как «падающего подтолкни» и «человек человеку волк»,

* чтобы большинство людей на Земле поняло, что лес — не безразмерная кладовая с приготовленными для нас дарами, но еще и мастерская лесоводов и созданный Природой бесконечно сложный и прекрасный живой храм, что, разрушив его, мы окажемся на пепелище, лишенные привычных нам ценностей, радости общения с существами живого леса и самой уверенности в выживании на Земле наших потомков.

*Ответы на вопросы главного редактора
«Лесной газеты» Г.М. Надарейшвили, в
сокращенном виде опубликованные в
названной газете № 104 за 2005 г. и № 1 за
2006 г.*

26. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ В.В. ПУТИНУ «ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ЛЕСОВ РОССИИ»

Президенту России
В.В.Путину

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович!

Это письмо — отклик на Ваше выступление в апреле с.г. в республике Коми, а именно на высказанную Вами тогда мысль о необходимости использования при воспроизводстве лесов новых высокоэффективных решений, т.е. всего того, о чем ныне говорят как о «высоких технологиях».

Ваше предложение одновременно обрадовало и удивило.

Обрадовало потому, что наши лесоводы-ученые впервые за ряд лет услышали о том, что результаты работы лесохозяйственной науки и они сами могут быть востребованы страной и ее лесным хозяйством, о чем для всеобщего сведения сказал именно Президент России.

А удивило потому, что мои коллеги и я лучше многих знаем о том, в каком бедственном состоянии находится теперь лесное хозяйство и лесохозяйственная наука России; и как много надо сделать, чтобы изменить положение в нашей отрасли, чтобы она стала восприимчивой к самому понятию хайтек.

При всем указанном, уже сам факт и тема Вашего выступления очень важны. Для нашей существующей уже более 200 лет отрасли они могли бы означать начало ее действительно капитального ремонта взамен происходящего до сих пор дикого растаскивания еще сохранившихся ветхозаветных камней.

I. О высоких технологиях

В недавнем прошлом наша лесохозяйственная наука имела возможности для продуктивной работы. Перечни результатов проведенных НИОКР и предложений для

инновации в лесохозяйственное производство занимали тогда в отраслевых «планах внедрения» многие десятки страниц. Не перечисляя предложенного (поскольку это просто невозможно), напомним только о той главной формуле цели работы ученых растениеводов (и, конечно, лесоводов), какой ее определил еще в XVII веке известный Джонатан Свифт: получать два колоса (или два дерева) там, где их до этого было вдвое меньше.

С моей точки зрения, наибольший интерес как объект для реализации высоких технологий лесовыращивания в России может иметь Восточно-Европейская равнина. По условиям климата, это, конечно, не субтропики. Лес (и не только он) растет на этой равнине не быстро. При всем том, наш не очень теплый климат в значительной мере компенсирован здесь подаренной нам судьбой и пращурами обширной территорией. И именно на этой территории над решением задачи Свифта трудились многие поколения наших лесоводов. Благодаря им, еще и сейчас в России есть участки рукотворных лесов, которые обоснованно называют образцовыми. Один из них, по-видимому, лучший, находится в Порецком лесничестве Можайского района, почти рядом с Центром Москвы. Это произведенные в XIX в. лесные культуры (посадки) лесничего Карла Францевича Тюрмера, в которых накопленный запас и средний прирост высокоценной древесины хвойных пород намного больше, чем в окрестных лесах естественного происхождения.

Культуры одного из достойнейших русских немцев К.Ф.Тюрмера — как запечатленная в телах деревьев музыка Бетховена. Если Вы, Владимир Владимирович, сумеете выкроить время, чтобы побывать там, Вы получите, пожалуй, самое яркое представление об одном из лучших образцов русского леса и о самом смысле служения лесоводов своей профессии. На полет из Кремля на этот объект и обратно потребуется около 30 мин. Лучше других этот объект знает и может буквально все рассказать Вам о нем и о самом К.Ф.Тюрмере профессор и академик РАСХН М.В.Рубцов.

То, что сделали раньше К.Ф.Тюрмер и многие его коллеги в разных частях России, невозможно переоценить. Однако наше время требует большего, в том числе:

1) Нужно в относительно короткий срок и при нечрезмерных затратах денежных средств исправить то зло, которое лесозаготовители уже нанесли нашим лесам, а именно — надо заменить возникшие примерно на 50% площади сплошных вырубок малоценные осинники и полуделовые березняки полноценными хвойными древостоями, в которых мелколиственные породы были бы уже не доминантами, а полезной примесью хвойных.

2) Организовать массовое (и доходное!) производство древесины как ценного сырья на современной технико-технологической и организационно-экономической основе на специально создаваемых лесосырьевых плантациях, чтобы получать здесь нужную древесину быстрее и в больших количествах, чем в обычных лесах.

По названному выше пункту 1 Вы, господин Президент, тогда в Коми огорченно сказали о невозможности восстановления добротных ельников и сосняков там, где на бывших сплошных концентрированных рубках «засели» мелколиственные древостои. В данном случае считаю своим приятным долгом возразить Вам: указанное возможно, что и было широко проверено в условиях нашей тайги на площади свыше 3 млн. га. Над решением названной задачи СПбНИИЛХ работал вместе с четырьмя другими НИУ. Начали мы этот труд в середине прошлого столетия в своей экспериментальной базе «Сиверский лес». Добились, что ель и сосна стали в нашем хозяйстве господствующими древесными породами. А потом всерьез и на больших площадях занялись инновацией сформулированного know-how во многих десятках рядовых лесхозов. В итоге мы получили желаемый результат. Подробнее об этом рассказано в двух монографиях, трех докторских диссертациях, в статье «Смена пород и уход за молодняками: 30 лет спустя», жур. «Лесное хозяйство», 1998, №2, с. 29-31), в практических рекомендациях для производства, одобренных руководством быв. Федеральной службы лесного хозяйства России и в ряде других публикаций.

Теперь мы располагаем всеми нужными техническими средствами, технологическими и экономическими нормативами и официально разрешенными для широкого использования биологически активными веществами, чтобы можно

было быстро и именно в условиях России широко (на миллионах га!) внедрить в лесохозяйственную практику результаты данной НИР.

По названному выше второму пункту (по лесосырьевым плантациям) не могу не сказать об особой актуальности проблемы их создания и эксплуатации. Теперь в России имеются многие миллионы гектаров непокрытых лесом старых и новых вырубок и еще — около 40 млн. га заброшенных пашен, на которых сейчас растет то, что, по сути, не имеет коммерческой ценности. Если бы только на этих заброшенных пашнях (т.е. в обжитых районах России!) создать целевые лесосырьевые или комплексные агролесопромышленные плантации, страна смогла бы уже через 40-60 лет получать здесь ежегодно примерно вдвое больше древесины, чем ее собирают в настоящее время все лесозаготовители во всех имеющихся лесах России.

Примечание. Вышесказанное не фантазия. Это результаты наших НИОКР, опирающиеся на отечественный опыт, о котором лучше других рассказали еще наши корифеи — К.Ф.Тюрмер в книге «Пятьдесят лет лесохозяйственной практики» (М., 1891 г., 186 с.), проф. М.М.Орлов в книге «Лесное хозяйство в Харьковских имениях ...» (СПб., 1913 г., 185 с.), проф. К.Б.Лосицкий и В.С.Чуенков в книге «Эталонные леса» (М., 1980, 191 с.) и многие другие.

По проблеме производства древесины на лесосырьевых плантациях СПбНИИЛХ, Гипролесхоз и еще 15 других НИУ приступили к крупномасштабным НИОКР в соответствии с постановлением Госплана СССР №95 от 30.04.80 г. и постановлением Коллегии Гослесхоза СССР от 13.03.1981 г.

Все вышеупомянутое началось с того, что уже тогда Лесной отдел Госплана СССР (С.Г.Синицын) пришел к выводу о приближающемся дефиците доступной древесины хвойных пород в европейско-уральской части страны.

Наш Институт, начавший эту работу раньше других, был определен ее головным исполнителем. Данную НИР мы ведем около 50 лет. Без ложной скромности могу сказать Вам, г-н Президент, что это работа была и остается одной из наиболее интересных в нашей жизни, а главное — одной из самых актуальных для лесного комплекса России.

В числе полученных результатов были: фундаментальные научные положения о влиянии на рост лесных культур сочетаний разных факторов и условий, технологические нормативы, ряд новых (оригинальных!) машин и орудий, две изданные в России и Беларуси монографии, утвержденный ОСТ на плантации и площади для их закладки, многие статьи, а также рекомендации для производства, реализованные во многих проектах и в разных лесхозах на общей площади, равной примерно 30 тыс. га.

Потом, уже в 90-х гг., произошло то, что почти перечеркнуло всю эту нашу общую с лесхозами страны работу. За плантациями надо было вести уход, а денег для этого у лесхозов просто не было. На мое обращение за помощью в МПР я даже не получил ответа. И только на наших опытных объектах в Ленинградской и Псковской областях и в Карелии сами научные работники за счет собственных крох или даже без них, довели эту работу почти до финала. Ее основной практический результат: показанная возможность получать на плантациях ели и сосны, выращиваемых в определенных технологических режимах и на широко распространенных в условиях южной тайги и смешанных лесов почвах, следующее количество древесины ели и сосны:

- в возрасте 50 лет — не менее 300 м³/га балансов для ЦБК;

- в возрасте 70 лет — не менее 400 м³/га пиловочных бревен.

По объему продуцируемой деловой древесины лесосырьевые плантации примерно вдвое превосходят окрестные леса естественного происхождения. Подробнее об этом рассказано в наших монографиях и в журнале «Лесное хозяйство», 1997 г., № 6, стр. 4-7.

Рассказанное выше — всего лишь малая толика того, в чем ранее преуспела лесохозяйственная наука России. Я же в этом письме позволил себе рассказать Вам только о двух позициях, которые могли бы занять престижное место в планах инновации высоких технологий в нашей отрасли. Рассказав именно о них, я решаюсь обратиться к Вам, Владимир Владимирович, с необычной и, очевидно, слишком смелой просьбой, а именно: выкроить из своего расписания

толику времени, чтобы этим летом Вы смогли увидеть в природе, вблизи Санкт-Петербурга, хотя бы два наших опытных объекта (пока они еще не уничтожены!): 30-летнюю лесосырьевую плантацию ели и сосны и уже полученный в готовом виде результат форсированного превращения мелколистственного древостоя в полноценный хвойных лес.

То и другое можно увидеть с вертолета. Объекты находятся рядом с пос. Дружная Горка. Чтобы долететь туда, осмотреть объекты и вернуться в Константиновский дворец потребует не более часа. Если же сделать посадку и посмотреть на объекты еще с земли, надо будет потратить еще S часа.

II. О лесной политике и экономической реформе в лесном хозяйстве России

Чтобы всерьез заниматься инновацией уже имеющихся прогрессивных технологий в воспроизводство лесов, надо иметь отраслевой план данной работы. Кто у нас должен курировать (опекать, контролировать и планировать) процесс инновации всего того, что может быть отнесено к числу хотя бы наиболее актуальных? Очевидно федеральный центр в лице его МПР и его Агентства лесного хозяйства. Однако вынужден сказать Вам, Владимир Владимирович, что это совершенно невозможно, поскольку лесная политика названных структур и уровень знаний тех, кто их возглавляет, имеет не созидательную, а разрушительную ориентацию, фокус которой сконцентрирован не в воссоздании и выращивании лесов, а в слове «рубить».

В обоснование такого вектора своей политики руководители названных структур используют главным образом следующий ход, нуждающейся в нелицеприятных комментариях.

Это — широкое распространение среди граждан России и других стран сообщений о том, что в наших лесах якобы имеется очень большое количество высокоценной и доступной древесины, от которого мы теперь берем лишь малую толику.

Такие сообщения далеки от правды. По сути, это черный PR, построенный по рецепту известной колбасы на основе «честного» сочетания одного рябчика с одним конем. Только в

нашем «лесном» случае, в отличие от упомянутой колбасы для смешения используют другие компоненты, а именно: сравнительно небольшую часть оставшихся доступных лесов, имеющих реальную коммерческую ценность, и очень большую часть малопродуктивных лесов, эксплуатация которых (как почти экономической пустыни) сопряжена с неизбежной отрицательной величиной показателя рентабельности.

Неправомерность указанных действий, казалось бы, нельзя долго скрывать. Но такая «метода» как ни странно, «срабатывает» в течение уже многих лет. В итоге производимого сложения того, что в принципе складывать нельзя, заинтересованные фигуранты получают почти космической цифры о величине так называемых расчетных лесосек России. Эти цифры в виде многих сотен миллионов кубометров древесины часто и с пафосом повторяют многие СМИ. Однако надо сказать, что на этом самом месте «веселое кино» заканчивается, а объявленные цифры получают совсем другую жизнь. Их просто используют в качестве «обоснования» для наращивания объемов рубок леса, которые вели и ведут не где-нибудь при Полярном круге, на горах и болотах Восточной и Западной Сибири (т.е. на экономически недоступных территориях), а там, где из государственного леса, поближе к дорогам и рекам, еще можно взять и с выгодой продать или перепродать остающуюся там ценную древесину.

Вышесказанное не может не породить вопроса, кому все это нужно?

Отвечаю следующим предположением: тем, кто желает и впредь не покупать у государства принадлежащий ему сохраненный и выращенный им лес общепринятым способом (на открытых торгах-аукционах), а получать его в рубку почти даром, на удобных и доступных площадях, под предлогом — «леса у нас видимо-невидимо». И все это — подчеркну — без существенных вложений средств в само лесное хозяйство, а именно: в устройство лесов, их возобновление, разведение и выращивание, в охрану и защиту леса, а также в лесохозяйственную науку и в учебные процессы по подготовке профессиональных лесоводов.

Если смотреть на состояние наших лесов не через широко распространяемые розовые очки, легко заметить, что происхо-

дящее там имеет отнюдь не розовый цвет. Так по данным официального справочника «Лесной фонд России» (1999 г.), в восьми субъектах Федерации (а именно в Архангельской, Башкортостане, Вологодской, Калининградской, Карелии, Коми, Марий Эл и Пермской обл.), где вели и продолжают вести интенсивные рубки леса, запасы древесины в спелых сосняках и ельниках уже упали на уровень приспевающих, а в двух областях (в Свердловской и Челябинской) они даже оказались ниже, чем в средневозрастных. О происшедшем я уже сообщал в нескольких статьях и только раз мне задали вопрос: почему указанное плохо?

Полагая, что названный вопрос может интересовать многих, отвечаю на это «почему».

Еще недавно страна жила по правилу: выполнение планов (например, по лесозаготовкам) — долг и обязанность. Планы задавались в натуральных единицах (в куб. м. древесины). И мы привыкли к этому. Некоторые, кто постарше, наверное еще помнят тезис: «при социализме экономика действует в преобразованном виде». Это и привело тогда к созданию системы «твердых» нормативных цен.

То время — в нашем прошлом. Теперь, в условиях рыночных отношений, государственное лесное хозяйство, чтобы не быть перманентным банкротом, просто не имеет иной альтернативы кроме ведения такой хозяйственной (товарно-денежной!) деятельности, в итоге которой оно (государственное лесное хозяйство!) получало бы доход и прибыль. Естественно, что величины того и другого не могут быть полновесными, если в рубку отпускают, как часто делают теперь, древостои с заниженными запасами древесины и, по сути, в виде маломерных деревьев.

Основным (хотя и не единственным) путем формирования стабильного лесного дохода и прибыли лесного хозяйства является реализация в рубку только определенной части выращенных древостоев. Как должно быть понятно всем, в условиях нормальных рыночных отношений, реализация отведенных в рубку участков леса должна происходить на открытых лесных торгах-аукционах с заданными для всех его участников равными условиями и обременениями. Этот нормальный путь роста лесного дохода страны элементарно

торпедуют МПР и его Агентство путем использования четырех основных способов:

а) Энергичным развитием — по разными предложениями — бесплатного отпуска древостоев в рубку.

б) Подменой лесных торгов-аукционов массовой сдачей лесов в безвозвратную псевдоаренду, а также передачей лесов определенным структурам в рубку на основании так называемых конкурсов; и все это — по многократно заниженным ценам по сравнению с ценами на аукционах.

в) Полным лишением лесхозов разумной доли дохода от продажи леса на аукционах, что ликвидировало у них имевшийся интерес к проведению нелегкой работы по организации аукционов.

г) Преувеличением в своих публикациях отчетных сумм о якобы полученном лесном доходе путем его неправомерного сложения с налогами, взысканными Федеральной таможенной службой за перевоз через границу лесных грузов.

О тупиковом направлении лесной политики, проводимой МПР и его Агентством, отчетливо говорят данные о происшедших изменениях в лесах Карельского перешейка, которые, я уверен, Вы, Владимир Владимирович, неоднократно навещали.

Общая площадь лесов Карельского перешейка около 1 млн. га. Из них 0,8 млн. га находится в ведении МПР. На этой территории в 1993 и 2004 гг. состоялось два тура лесостроительства, сопровождавшиеся инвентаризацией лесов. Эту нелегкую работу выполнили сотрудники государственного лесостроительного предприятия. В итоге были получены данные, позволяющие увидеть следующую нерадостную картину.

* За прошедшее время общая площадь курируемых МПР лесов уменьшилась на 2,2 тыс. га. При этом, как оказалось, площадь земель под древостоями сосны («царицы» Карельского перешейка) была сокращена на 19,7 тыс. га (на 5,9%!). Зато возросли площади осинников и березняков всего на 17,5 тыс. га.

* Непокрытая лесом площадь старых и свежих вырубок увеличилась с 2,7 тыс. га до 8,6 тыс. га, т.е. в 3,2 раза (!).

* Объемы заготовленной древесины в сосняках и ельниках оказались равны:

а) по рубкам главного пользования, т.е. при платном лесоотпуске, — 5,4 млн. м³,

б) по разным видам рубок неглавного пользования, т.е. при бесплатном лесоотпуске, — 6,9 млн. м³.

* Уровень использования расчетной лесосеки в сосняках и ельниках при рубках главного (платного) лесопользования — 93%.

* Тоже при бесплатном отпуске древесины при рубках неглавного пользования — 115%, и это только по ликвидной древесине, имеющей коммерческую ценность.

* Объемы нелегальных (воровских) рубок леса за ревизионный период достигли 0,4-0,5 млн. м³ в год, что составляет около 25% всей изъятой из леса древесины.

* Площадь лесов (тыс. га), переданных в так называемую аренду: в 1993 г. — 0 га, в 2004 г. — 737 тыс. га, что соответствует 95% общей площади лесхозов.

Приведенные данные лесоустройства свидетельствуют о том, что на Карельском перешейке велась (и продолжается!) контрпродуктивная «хозяйственная» деятельность. Ее главной «пружиной», как можно видеть, стала массовая сдача лучших лесов в безвозвратную (и дешевую!) псевдоаренду. В том, что это — худший из возможных способов ведения лесного хозяйства, Министерство Государственных имуществ России убедилось более 150 лет тому назад. Тогда было не только сказано, но записано: к вопросу о сдаче казенных лесов в аренду более не возвращаться. В наше время о сделанном тогда выводе почему-то забыли. Противоестественная аренда лесов стала квинт-эссенцией порочной лесной политики, которую ведут МПР и его Агентства лесного хозяйства. Это дает вполне ожидаемый результат: показанное на примере Карельского перешейка существенное снижение сырьевой (коммерческой) и несырьевой ценности лесов.

То, о чем было рассказано выше, не могло не нанести Государству финансовый ущерб в особо крупном размере. Величину ущерба и его составные элементы можно определить, если пересчитать полученные лесоустройством натуральные величины в их валютные эквиваленты. Кто это сделает? Сами лесостроители? Счетная палата России? Или, может быть, Генеральная прокуратура? Если Генпрокуратура

займется этим делом, то, очевидно, она сумеет найти десятки «стрелочников». Только вот достанет ли у прокуроров смелости назвать в числе главных виновников происходящего тех, кто удобно расположился в Госдуме, в МПР, в Росприроднадзоре, в кабинетах домов, расположенных в Смольном монастыре, и в иных престижных местах, где находящиеся там чиновники и общественные деятели подменяют приоритет порученных им опеке государственных интересов интересами собственных и родственных фирм, успешно превращающих все тот же дешевый кругляк, о котором говорил Президент, в свои личные накопления?

Леса Карельского перешейка — не только источник ценнейшего древесного сырья и немалого лесного дохода Государства. Раньше об этих лесах уважительно говорили еще как о легких Санкт-Петербурга и о главной территории для оздоровительной рекреации горожан. Однако в настоящее время, опираясь на полученные лесоустройством сведения (в том числе о происшедшем сокращении площади сосняков и об увеличении площади непокрытых лесом лесных земель) есть все основания констатировать имеющее место ослабление очень важных несырьевых функций лесов Карельского перешейка.

Кто-то, возможно, воспримет происшедшее в лесах Карельского перешейка спокойнее, чем я. Например, так: подумаешь, не так уж и велики происшедшие изменения.

Отвечаю. То, о чем рассказали лесостроители, «реформаторы» сделали всего за 10 лет. Продленный во времени вектор такого «хозяйствования» позволит увидеть тем, кто недавно стал взрослым, результаты уже происшедшего опустошения одного из красивейших ландшафтов Северо-Запада. Это надо России? И что по данному поводу скажут наши соседи?

В связи с вышеизложенным не могут не возникнуть по меньшей мере два серьезных вопроса:

а) К нашим лесостроителям — о том, что происходит в других лесах Карельского перешейка, находящихся в ведении других лесофондодержателей, и почему эта часть Карельского перешейка вообще оказалась как бы вне поля внимания лесостроителей?

б) К губернаторам В.И.Матвиенко и В.П.Сердюкову — о том, что они полагают нужным предпринять в лесах Карельского перешейка в связи с тем, что там уже произошло и происходит?

На совещании в Коми выступали не только Вы, наш Президент, но и другие приглашенные лица. Был среди них и глава МПР. В своей речи, бегло перечислив то, что в лесах, по его мнению, надо делать, Министр свел основную задачу государственного лесного хозяйства России к следующему минимуму, просто поражающему воображение, а именно: быть для частного бизнеса обеспечивающей отраслью для последующей переработки леса и его экспорта.

Названная установка Министра имеет, я думаю, логическую связь с проявляемым пиететом со стороны Министерства и его Агентства ко всему, что связано с рубками леса.

Чтобы не сбавить темп в поставках по разным адресам все того же кругляка, г-дам Трутневу Ю.П. и Рощупкину В.П. приходится даже взывать к тем, кто от них зависит: рубите больше. Со своей стороны замечу, что слово «больше» в данном контексте означает не столько, сколько нужно для деревоперерабатывающей промышленности России, а главным образом то, что идет в другие страны в виде дешевого кругляка и для вполне очевидных меркантильных целей.

В обоснование лозунга «рубите больше» в ход идет даже «страшная сказочка» для журналистов о том, что невырубленный переспелый, по мнению чиновников, лес может, якобы, испортить воздух как если бы он был чем-то вроде плохо вымытого унитаза или забытой на кухне селедкой.

От такого «профессионального» детского лепета легко перейти к более опасному, например, «пропустить» через наше достойное правительство и такую же Госдуму уникальное решение, позволяющее под неким «сладким» предлогом вообще скосить и продать все леса России не только сырьевого, но и несырьевого назначения (например, опытные, учебные, защитные, курортные, рекреационные и, наконец, просто заповедные). Возможно дело дойдет и до деревьев на сельских кладбищах. Только вот должен предупредить инициаторов подобных решений, что и эти меры, почерпнутые из арсенала

«Дикого Запада» с его известным девизом «Срубил? — Руби дальше» не спасут лесной комплекс страны от банкротства, если наше лесное хозяйство, как фундамент названного комплекса, останется в положении «разбитого корыта», управляемого уже упоминавшимися выше дилетантами, которым почему-то теперь вверена ответственность перед Президентом и народом за состояние живых лесов России и ведение в них правильного (и доходного!) лесного хозяйства.

При существующем сумбуре в сфере лесного законодательства и действующих в наших лесах подзаконных актов, России крайне нужен «рамочный» закон в виде «Национальной лесной политики России», обеспечивающий обоснованный баланс социально-экономических и экологических интересов для всех участников лесных отношений: государственного лесного хозяйства, частных лесозаготовителей, перерабатывающих древесину структур и всех физических лиц, чья жизнь так или иначе связана с лесом.

Примерно два года тому назад данную идею выдвинул Председатель Совета Федерации С.М.Миронов. Его предложение — это выход из тупика, в котором оказались законодатели и правительство при многократно повторяемых ими попытках ввести в действие новый Лесной кодекс. О проекте этого кодекса нельзя не сказать, что он не только «сырой», но еще и наполнен непроверенными (опасными!) новациями и многими нелепостями.

Если новый Лесной кодекс выйдет раньше вышеназванного «рамочного» закона, в котором были бы четко определены «правила игры» для всех групп участников лесных отношений, существующие и новые беды для лесов России и всего ее лесного комплекса станут не меньше, а больше.

О том, какие понятийные положения и формулировки должны присутствовать в «рамочном» законе «Национальная лесная политика России», можно будет обсудить позже. Однако, как лесовод, я просто не могу сейчас не сказать о наиболее важном, что должно быть отражено в нем. Это:

1. Признание того, что ведение в стране государственного лесного хозяйства имеет своей главной задачей производство сырьевых и несырьевых благ, что эти блага являются товаром, на основе реализации которого в каждом лесхозе (лесничестве)

и формируется основная сумма лесного дохода государства и прибыль лесхозов.

2. Признание постоянства лесопользования одним из главных и непререкаемых условий ведения правильного лесного хозяйства, а также необходимости соблюдения этого условия в отношении каждой отдельно взятой лесной дачи с однородными природными и социально-экономическими условиями.

3. Укрепить в мыслях и действиях правительства и крупнейших лесопромышленников известные аксиомы о том, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке и еще о том, что скупой платит дважды. То и другое уже давно имеет место в их лесной политике. Ее генеральная суть: взять у леса и у лесоводов побольше и ничего (почти ничего!) не отдавать им взамен. Опаснейшие последствия указанного маскируются существующей социально-политической незащищенностью лесоводов, далеко не всегда серьезным отношением государства к своему лесному хозяйству и еще тем обстоятельством, что лес растет медленно. Однако сколько бы веревочка не вилась, а конец у нее все равно будет. Продолжающееся в течение почти 90 лет лишение государственного лесного хозяйства России его товарно-денежной сути в интересах почти бесплатного отъема древесин в рубку лесозаготовителями уже поставило наше государственное лесное хозяйство на грань жизни и смерти. Однако на указанном деле конечно не закончится. За развалом лесного хозяйства (когда в лесах уже не останется высокоценных и доступных древесин) с неизбежностью сменой времени суток последуют банкротства частных лесопромышленных компаний. Возможно, их хозяйства не будут слишком огорчены таким оборотом их бизнеса. А вот что будет с теми людьми, кто там работает, кого лес кормит и помогает вырастить детей? Уверен, что руководство страны не допустит пренебрежения их жизненными интересами. Известный ход мыслей азартного Германа в опере П.И.Чайковского — «сегодня ты, а завтра я» — может обернуться в наших условиях не только разными экологическими бедами, но и дорогой к «русскому бунту», о чем администрации и профсоюзам нельзя не помнить.

Примечание. В Лесном департаменте Российской империи в свое время нашли решение задачи о том, как сберечь овец (в нашем случае государственный лес) и не

оставить голодными лесопромышленников. Лес тогда продавали в рубку в объемах, не противоречащих принципу постоянства лесопользования в границах каждой лесной дачи с однородными лесорастительными и социально-экономическими условиями. Перерубы лесосек в одной даче за счет другой (или других), как это делают теперь, категорически не разрешались. За восстановление вырубленного леса платили лесозаготовители (еще до выдачи лесорубочных билетов с них взымали лесокультурный залог). Сам продаваемый в рубку лес (а это делали обязательно на открытых торгах!) дешевым не был. Перепродать его в виде дешевого кругляка, да еще за границу было не выгодно. Поэтому лесопромышленники всерьез занимались переработкой круглого леса в более ценные сортименты. И все это, подчеркну, не было чем-то похожим на «мечтания» известного Манилова, но приносило четкий позитивный результат: по величине своего лесного экспорта страна тогда уверенно занимала первое место в мире не только по массе продаваемой переработанной древесины, но и по ее валютной стоимости. И еще. Как собственник примерно 50% лесов России, ее правительство (точнее, его Лесной департамент) получало от реализации леса в рубку весьма приличный лесной доход, а именно около 100 млн. золотых руб. в год. Треть названной суммы оставалась в распоряжении Лесного департамента. Это обеспечивало возможность его персоналу успешно и ответственно выполнять свои служебные обязанности, вести достойный образ жизни, финансировать лесохозяйственную науку, крупнейший лесной ВУЗ страны (ныне — это ЛТА), множество лесных школ и даже устанавливать именные стипендии для лучших студентов.

4. Положить предел дорогостоящим и неоправданным стремлениям различных фигурантов к тому, чтобы за счет государства продвинуть лесозаготовки к широтам Полярного круга, а именно на бедные вечномерзлотные почвы, где у нас еще остались крайне низкопродуктивные, как правило, разновозрастные девственные хвойные леса, представляющие неисчислимую ценность не для спекулятивной торговли кругляком, а в качестве экологического банка оставшегося биологического разнообразия бореальной тайги. Если

пролоббированные депутаты Госдумы выделяют кредиты определенным чиновникам и коммерсантам, последние очевидно преуспеют в своем намерении вырубить названные леса и продать полученную там древесину. Однако они никогда не смогут восстановить их генетическое и видовое разнообразие даже если правительство выделит на это весь золотой запас России.

5. Подвинуть идеологию и экономику лесозаготовок от древнего как сам мир собирательства якобы бесплатного древесного сырья (а на самом деле — очень дорого и добываемого в труднейших условиях!) к его интенсивному производству в виде наиболее нужных и наиболее выгодных в коммерческом плане сортиментов и именно там (только там!), где для этого имеются приемлемые природные и социально-экономические предпосылки.

III. О лесохозяйственной науке

Высокие технологии в сфере воспроизводства лесов нельзя создать на асфальте. Для этого ученые должны работать в лесу, часто в грязи и пыли и в окружении многих кровососущих существ. Работать надо долго, иногда десятки лет, со сменой поколений исполнителей, при сохранении исходной постановки задач на проведение НИР и, естественно, при уверенности в том, что создаваемые опытные объекты не будут уничтожены в результате воровства или вандализма.

В настоящее время условия проведения НИОКР в интересах создания и инновации высоких технологий в воспроизводство лесов страны оказались значительно хуже, чем они были, например, в первые послевоенные годы.

По себе знаю, что трудно прожить без хлеба и совсем нельзя без надежды.

Не только уверенность, но и надежду на то, что высокообразованные лесоводы нужны своей стране и ее лесному хозяйству у большинства моих коллег уже отняли. Произошло это вследствие разных причин и, не в последнюю очередь, в результате деятельности тех, кто теперь возглавляет нашу отрасль.

То, чему лесоводы учились у своих профессоров, сейчас подменено широко афишируемой возможностью личного

обогащения за счет вырубки и продажи государственных лесов. Подробнее об этом я рассказал в брошюре «Деградация лесного хозяйства России» (2006 г.), которую посылаю Вам в том же конверте. Поэтому ниже я позволил себе очень сжато рассказать только о той беде, в которую ввергли упомянутые выше господа наш Институт (СПбНИИЛХ) и его экспериментальную базу ОЛХ «Сиверский лес».

Институт и совершенно необходимая ему экспериментальная база работали как единое целое с 1927 г. База находилась в административном подчинении Института, а вместе мы постоянно замыкались на центральный исполнительный орган лесного хозяйства страны. Таким образом, мы всегда оставались внутри своей отрасли и совместно работали на нее. При всем том наша дирекция и ученый совет практически всегда располагали реальными рычагами влияния на выполнение внутри границ своей базы нужных нам опытных и инновационных работ.

За ряд лет показатели продуктивности, инфраструктуры и коммерческой ценности лесов нашей экспериментальной базы оказались на голову выше, чем в соседних лесхозах. В 1966 г. этот факт был отмечен орденом Трудового Красного знамени. А в более близкое время (в 2000 г.) Институт даже выступил с инициативой о проведении в ОЛХ «Сиверский лес» экономического эксперимента, в результате которого мы надеялись не только отказаться от государственных дотаций, но и превратить свой «Сиверский лес» в самоокупаемое, а затем и в высокодоходное хозяйство.

МПР поддержало названное предложение. Однако затем, с появлением нелесоведа Роцупкина В.П. в роли главного лесничего России, данному делу было дано направление, представляющее, по моему мнению, очевидный интерес для Генеральной прокуратуры. Руководитель нового Рослесхоза просто отнял у Института его экспериментальную базу и сделал это при демонстративном нарушении двух действующих федеральных законов России, а именно: Указа Президента РФ от 27.04.1992 г. №426, который запрещал отбирать у научно-исследовательских учреждений их экспериментальные базы, и действующего Лесного кодекса РФ (1997 г.), в котором (в ст. 128) четко определено, что НИУ лесного

хозяйства могут иметь экспериментальные базы и вести в них лесное хозяйство.

Указанным нарушением федеральных законов дело не закончилось. Чтобы иметь возможность распорядиться немалым запасом древесины, выращенным коллективом Института и его экспериментальной базы, все то же лицо решило сдать наши леса в так называемую аренду.

Для нас данное требование смерти подобно, поскольку внедряемые в наше ОЛХ посторонние и необразованные люди просто не могут не поломать там то, что было ранее создано. С нескрываемой гордостью скажу: не кто-нибудь, а именно наши ученые вместе с нашими лесничими своим умом, руками и многолетним трудом создали свое ОЛХ и буквально напипоговали его опытными объектами, наблюдаемыми уже в течение десятков лет. Поэтому ни директор Института, ни его Ученый совет не дали согласия на то, чтобы передоверить свой опытный лес неким псевдоарендаторам, абсолютно чуждым лесной науке. Ответом на указанное было: смена директора Института, изменение его Устава и переподчинения ОЛХ «Сиверский лес» местному Агентству, которым командует г-н Рощупкин В.П., и которое тут же провело так называемый конкурс (при плотно закрытых для научных работников дверях), в итоге которого наши лучшие леса оказались переданными невесть откуда взявшейся фирме «Лемо-Планери» в так называемую аренду аж на 49 лет (т.е., по сути, навсегда).

Наши протесты по поводу учиненного произвола, направленные в разные СМИ и органы власти, последствий не имели.

Такие же письма, направленные в администрацию Президента страны и в канцелярию С.М.Миронова, почему-то пересылались тем, на чьи действия я жаловался.

Обращался я (и не один раз) в Генеральную прокуратуру. Но и она не защитила нашу экспериментальную базу. Поэтому приходится заканчивать это письмо к Вам, Владимир Владимирович, всем понятным словом SOS.

Если оно будет Вами услышано, не только у нас, научных работников, но и у всех лесоводов страны возродиться надежда на то, что мы нужны России и еще — уверенность в том, что наши буквально бесценные опытные объекты не будут

в ближайшее время превращены в доходный для кого-то кругляк и не уедут за границу для укрепления экономики сопредельных стран.

В заключение вынужден еще сказать о плохом.

В связи с протестами по поводу изъятия у нас экспериментальной базы «Сиверский лес» институт уже подвергнут экономическим санкциям со стороны МПР и его федерального Агентства. В январе-марте с.г. моя зарплата оказалась равной 3360 руб. в месяц. У моих коллег — еще меньше. И это без выделения средств для оплаты командировок на опытные объекты в лес и многого другого, без чего просто нельзя заниматься научной работой. Образно говоря, нам элементарно перекрыли кислород.

Если существующую ситуацию в лесном хозяйстве сейчас не переломить, о крупномасштабной инновации высоких технологий в воспроизводство лесов России можно будет надолго забыть.

*Заслуженный лесовод России,
чл.-корр. РАСХН, главный научный
сотрудник СПбНИИЛХ, профессор
И.В.Шутов*

23.05.2006 г.

P.S. При прочтении опубликованных выступлений участников совещания в Коми («Лесная газета», 2006 г., №30) бросилась в глаза следующая его особенность. Официальное название совещания — «О развитии лесного хозяйства и лесной промышленности России», т.е. о настоящем и будущем двух главных отраслей лесного комплекса страны и, конечно, об их взаимодействии. Однако этот замысел был реализован как-то странно. Обоснованную озабоченность состоянием дел в нашем лесном хозяйстве на совещании высказал только один человек, Президент России. Он же говорил о многогранном значении наших лесов и о том, как улучшить их воспроизводство. Для лесоводов эти слова Президента — как целебный бальзам на раны. Тем не менее, как у меня, так и у других заинтересованных лиц просто не может не возникнуть вопрос к организаторам совещания: почему среди его участников

имел место именно вышеуказанный расклад лиц и профессиональных интересов?

И. Шутов

27. МОЖНО ЛИ ЖИВЫМ ПРИСУТСТВОВАТЬ НА СОБСТВЕННЫХ ПОХОРОНАХ?

Известна давняя сказка о стойком оловянном солдатике, который, имея только одну ногу, устойчиво стоял там, куда его поставили.

Это — в сказке. В жизни — не так. В жизни плохо приходится человеку, если у него только одна нога. Плохо в таких случаях приходится не только человеку, но и тем производствам, в которых для получения конечной продукции должны быть задействованы принципиально разные технологии, люди очень несхожих специальностей и разного менталитета. Именно поэтому, например, в сельскохозяйственном производстве есть агрономы и виноградари, мукомолы и скотоводы, пчеловоды и мастера колбасного производства и пр. и пр. То же и в лесном комплексе страны. Он не может выжить, если не стоит на двух ногах, одна из которых — это лесоводы, имеющие дело с живым лесом, и вторая — лесопромышленники, имеющие дело с мертвой древесиной. Они всегда были «заклятыми друзьями», поскольку не могли обходиться друг без друга. Те и другие понимали это, хотя и постоянно спорили, защищая свои интересы. Теперь дело дошло до развода.

9-го октября 2006 г. в СПб состоялись публичные думские чтения, в процессе которых депутат Н.В.Комарова задалась целью получить хотя бы вожделенную тройку за разработанный правительством нелепый и враждебный интересам России проект нового Лесного кодекса. И, наверное, получит, несмотря на протесты многих и многих тысяч граждан страны. В зале, где все это происходило, выступали почти одни союзники г-жи Комаровой. Другим специалистам, даже объявленным в программе, слова не предоставили, якобы из-за «дефицита времени».

В большой аудитории, где было организовано обсуждение проекта Кодекса, явно доминировали люди в зеленых мундирах, которых мы по привычке называем своей лесной охраной. Каждому из них вручили при входе проект нового Лесного кодекса. И вот тут нельзя было не увидеть недоумение на лицах моих коллег, кто успел развернуть документ. В нем (документе) просто не оказалось даже упоминания о том, что есть лесное хозяйство России, служению которому многие из присутствующих отдали, по существу, всю свою сознательную жизнь.

Был при обсуждении проекта Кодекса и Президент Общества лесоводов России академик А.И.Писаренко. Однако и он был оставлен безгласным. Так, судя по тому, как все шло, уже в ближайшем будущем останется наш ЛПК в положении одноногого солдата, чего наши лесопромышленники давно и настойчиво добиваются.

Со своей стороны, не могу не высказать им соболезнования по поводу того, что очень скоро (или даже уже) им придется пилить, перерабатывать и продавать не золотоносную хвойную древесину, а некий грошевый дрянник.

Чтобы выжить, его придется заготавливать и перерабатывать в гораздо большем количестве. Сейчас некоторые губернаторы этим даже хвастают, видимо по вине тех своих помощников, которые не знают, что такое постоянство лесопользования, не привыкли считать доходы, расходы и прибыли, не озабочены проблемами изменения характеристик своих лесов в их динамике и вообще не думают о завтрашнем дне ЛПК.

По данному поводу не грех и напомнить нашим партнерам по ЛПК старую поговорку: за что боролись, на то и напоролись.

В заключение позволю себе отметить несколько псевдорадостных мыслей, высказанных на «публичных чтениях».

Первая. Мы наконец-то подошли к тому, чтобы покончить с государственной производственной деятельностью в лесах, которая еще имеет место в некоторых лесхозах.

Вторая. Мы войдем в число цивилизованных стран, где указанной деятельностью государство вообще не занимается.

Как первая, так и вторая мысли порождены элементарным незнанием того, что происходит у наших более умных

соседей — в Литве, Беларуси, Финляндии и других странах. Чтобы сказанное не показалось голословным, приведу следующие цитаты из доклада Пертти Вейёла, советника по вопросам лесного сектора Посольства Финляндии. Доклад называется «Развитие государственного управления лесами Финляндии и оценка Российского опыта». Доклад опубликован в Трудах конференции «Лесопромышленные компании России ...», 14 марта, 2003 г., СПб.

Стр. 27. *«В начале 1990-х гг. в Финляндии госорганы, связанные с коммерческой деятельностью, в т.ч. Лесная служба, преобразованы в государственные коммерческие предприятия, действующие на основании общего Закона о государственных коммерческих предприятиях, а также законодательного акта о каждом из них. Главными видами деятельности Лесной службы Финляндии являются лесное хозяйство, охрана природы и услуги рекреации. Ведение лесного хозяйства признается коммерческой деятельностью, охрана природы общественной функцией, услуги отдыха — и тем, и другим. Коммерческая деятельность финансируется собственными доходами предприятий, общественные функции — из государственного бюджета».*

Там же. «При переходе России к рыночной экономике лесная промышленность, в отличие от лесного хозяйства, была приватизирована достаточно быстро. Теперь ее лесное хозяйство вынуждено за несколько лет решить вопросы, на которые в Скандинавии ушло 30-40 лет. Главные задачи: реформа управления; модернизация лесоустройства, лесоводства, лесозаготовки, экологические вопросы лесного хозяйства».

Там же. «Отношения между лесным хозяйством и лесной промышленностью часто проблематичны. В СССР лесное хозяйство было подчинено лесной промышленности. В России ситуация пока остается такой же. Лесозаготовительная промышленность, как один из секторов лесной промышленности, по-прежнему имеет право лесопользования на основе выплаты небольших лесных податей или арендной платы. Было бы логично признать лесное хозяйство коммерческой деятельностью, охватывающей всю цепь работ от восстановления леса до рубок главного пользования...»

Стр. 28. «Опыт Скандинавии показывает, что эффективность и производительность лесного хозяйства как вида коммерческой деятельности можно повысить тем, что заготовку и другие работы здесь должны осуществлять в основном предприятия-подрядчики, специализирующиеся в области решения этих задач. Также как в других странах, в России нужно развивать рынок подрядных услуг, особенно в сфере лесозаготовок».

Еще о Канаде. На разных слушаниях и в выступлениях весьма ответственных лиц (вплоть до министров) нас, лесоводов России, многократно укоряли в том, что «расчетная лесосека» (в виде определяемой по запасу древесины и площади лесов для страны в целом, от лесотундры до Сочи) у нас больше чем в Канаде, а рубим мы меньше. Чтобы покончить с подобного рода фальсификациями (да еще на высшем уровне!), приведу данные из официального источника «The State of Canada's Forest, 1993», издание Canadian Forest Service, Ottawa-Ontario, 1993.

Все нижесказанное соответствует этому источнику, а именно.

Общая площадь лесов Канады 416 млн. га. Из них только 119 млн. га (28,6%) с запасами древесины в спелых древостоях более 207 м³/га канадцы рассматривают в качестве площади, пригодной для систематической лесопромышленной деятельности. Только в отношении именно этой части своих лесов они рассчитывают возможный размер ежегодного неистощительного (постоянного) лесоотпуска и определяют уровни освоения расчетной лесосеки. Почему? Да просто потому, что другие варианты решений они считают невыгодными для экономики своей страны.

В отличие от нас, канадцы не сваливают в один «общий куль» и не выравнивают как новобранцев под «0» все свои леса от I (высшего) до V классов бонитета, понимая, что это не только не выгодно, но и опасно для ее северных территорий и обитающих там малочисленных коренных этносов Канады.

Когда наше правительство поймет необходимость «занять» «ума» у своих канадских, китайских, финских, литовских и иных коллег и перестанет готовить для своего народа лесную крошку из смеси неподобающих ингредиентов?

В заключение считаю себя обязанным сказать о строительстве лесовозных дорог в высоких широтах страны.

Из разных источников поступает информация о том, что лоббирующие силы ЛПК будут (могут) просить у Госудумы большие деньги из бюджета страны на строительство лесовозных дорог в самых северных регионах страны, что позволит лесному бизнесу вырубить и продать остающиеся там девственные леса. Можно предполагать, что современное большинство депутатов Думы и само правительство на это пойдет. В связи с этим считаю необходимым сообщить читателям о том, что наши северо-таежные леса имеют крайне низкую производительность (продуктивность) и очень ранимы как экологические системы. Это обусловлено многими причинами, в том числе вечной мерзлотой почвы, крайне редким плодоношением деревьев, частым невызреванием семян и гибелью всходов. Некоторые мои коллеги бывали в тех высоких широтах, где имевшиеся девственные леса были вырублены еще в 1930-ые годы. Теперь на месте этих вырубок образовались заросшие мхами сырые (заболоченные) безлесные пустыри. Мы что, хотим увеличить их площадь? И ради чего или кого?

Если лесовозные дороги на севере все же будут построены, это будут дороги «на один раз». Очень прошу Администрацию Президента и наше Федеральное собрание тщательно взвесить все и вся, прежде чем принять подобное решение.

И еще. Приближаются выборы в Федеральное собрание. Хотелось бы узнать, что думают о проекте нового Лесного кодекса и об организуемом состоянии дел в намеченном к упразднению лесном хозяйстве России лидеры тех ее партий, которые надеются провести своих людей на парламентские кресла.

В дополнение к сказанному мой совет: при обсуждении состояния дел в наших лесах лучше применять независимые, а не ангажированные источники информации, при формировании которых продолжается использование принципа вышеупомянутой окрошки.

11.10.2006 г.

28. БЕЗ ОТКРЫТЫХ ЛЕСНЫХ АУКЦИОНОВ НЕЛЬЗЯ ВОЙТИ В ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ ЛЕСНОЙ РЫНОК

В период до 1917 г. руководители России и ее лесного хозяйства не страдали комплексом непонимания того, что лес на корню имеет не только потребительскую, но и рыночную стоимость. Отведенный в рубку лес тогда продавали на открытых лесных торгах — аукционах; продавали как товар, для создания и сохранения которого государство расходовало немалые силы и средства. Продавали не дешево, а именно по реальным рыночным ценам. Это обстоятельство заставляло покупателей — лесопромышленников не бросать деньги на ветер, но с должной ответственностью относиться к своим приобретениям. Вместе с тем это же обязывало лесничих ответственно относиться к выполнению всей гаммы своих непростых обязанностей, гарантировало им материальный достаток и высокий социальный статус в обществе.

В годы, предшествующие первой мировой войне, благодаря принятому тогда порядку реализации леса в рубку на открытых торгах (аукционах), казенные лесничества Лесного департамента России, в чьем ведении находилось около 50% ее лесов, в итоге своей совокупной деятельности обеспечивали:

1. Полноценное возобновление леса на вырубках (в результате задаваемых жестких лесоводственных требований к организации лесосечных работ, а также благодаря взиманию с покупателей леса на сруб лесокультурного залога);

2. Получение трех рублей валового лесного дохода в год на каждый вложенный в лесное хозяйство рубль;

3. Финансирование за счет собственных накапливаемых в Лесном департаменте средств всей системы средних и низших лесных школ, Лесного института в СПб, лесохозяйственной науки и даже лесоустроительных работ.

И еще. В те же годы Россия превосходила взятые вместе США и Канаду по массе и валюте своего экспорта пиломатериалов. Тогда же переработанный лес и круглый лес соотносились в нашем лесном экспорте так: по массе — как 1:1, а по вырубленной валюте — как 1:0,6.

За исключением непродолжительного периода НЭПа (в середине 1920-х гг.) и второго, тоже непродолжительного периода в начале 1990-х гг., наша страна, в течение примерно 85 лет, живет без своего лесного рынка. Нормальная процедура купли-продажи леса на сруб оказалась замененной административными действиями: лес начали и продолжают распределять между лесозаготовителями бесплатно или на основании заданных из центра неких усредненных символических цен. Делалось такое распределение разными способами, в том числе: по распоряжениям местной администрации, по «нарядам» из центра, а в последние годы — еще и на основании решений так называемых конкурсных (административных!) комиссий. Как ранее, так и теперь, все это ведет к одному и тому же итогу: невключению нашего лесного хозяйства в сферу товарно-денежных экономических отношений.

В числе главных накопленных результатов подмены нормальных экономических отношений административно-бюрократическими акциями лесное хозяйство России получило:

1. Продолжающиеся в течение многих лет истощительные рубки в наиболее ценных и доступных хвойных лесах, и это — при параллельных потерях примерно 50% отведенной для заготовки древесины на самих лесосеках, при ее водном и наземном транспорте и в процессе переработки. Сказанное, замечу, не выдумка, но опубликованные слова таких известных деятелей лесного хозяйства и лесной промышленности как В.И.Рубцов, Г.М.Орлов.

2. Вместо полноценного восстановления вырубленных хвойных лесов — непрекращающийся «зеленый пожар», в виде вызванной «хозяйственной» деятельностью массовой (на 50-60% площади старых и новых вырубок) смены сосны, ели и кедра мелколиственными древесными породами, главным образом березой и гнилой осинкой.

Осина уже заняла в России многие миллионы гектаров лучших и доступных для хозяйственной деятельности лесных земель. От таких осинников покупщики леса на корню обоснованно шарахаются как от навязываемого ненужного им товара.

Еще недавно на месте этих осинников росли самые высокобонитетные (т.е. самые ценные в прямом смысле этого

слова) хвойные древостои. Теперь, вместо них, для латания дыр в лесной статистике обжитых регионов страны, в зачет идут неперспективные для промышленной эксплуатации леса на северо-востоке страны, древостои с низкой коммерческой ценностью (например, сосняки на болотах и заболоченных землях), а также все то, что как-то само по себе поселяется на месте уничтоженных хвойных лесов.

Как показали недавно проведенные лесоинвентаризационные работы, даже на Карельском перешейке, леса которого находятся под пристальным вниманием властных и общественных структур, существующий административно-бюрократический порядок организации лесопользования и лесовосстановления привел к тому, что в период с 1993 по 2004 гг. (т.е. всего за половину одного класса возраста нашей сосны) площадь сосняков там уменьшилась на 20 тыс. га, непокрытые лесом территории в составе лесной площади увеличились в 2,3 раза, а вся сумма изъятый древесины превысила ее прирост на 23%.

Положение дел с возобновлением коренных хвойных лесов на вырубках в обжитых регионах России имеет удручающую динамику, что, подчеркну, происходит на фоне официального ажюра в отчетах лесных органов власти. Так, в «Государственном докладе о состоянии и использовании лесных ресурсов Российской Федерации в 2002 г.» (издан в Москве, в 2003 г.) приведены, в частности, следующие цифры, касающиеся рубок и возобновления леса на вырубках в период с 2000 по 2002 гг. (стр. 35, табл. 17):

- площадь сплошных вырубок 1,8 млн. га,
- проведено лесовосстановление на площади ... 2,6 млн. га,
- введено молодняков в категорию хозяйственно-ценных насаждений на площади..... 4,7 млн. га.

И все это — при жесточайшей нехватке в лесхозах средств на проведение лесовосстановительных работ.

Объяснить величины и соотношение вышеназванных цифр очевидно можно только одним: особым качеством использованных нормативных и отчетных данных, а так же способом их обобщенной подачи, при помощи которых заведомо черное состояние дел по возобновлению наших коренных хвойных лесов на вырубках оказалось трансформировано в ультрарозовый цвет.

Чтобы остановить указанный «зеленый пожар», наши лесхозы, ценою неимоверных усилий, в недавнем прошлом проводили посадки и посевы леса на миллионах гектаров вырубок лесной зоны. Там, где лесхозы еще живы, они это делают и теперь. На некоторых площадях это дает позитивный результат. Но далеко не везде. В подавляющем большинстве случаев (главным образом на относительно более ценных землях, где ранее росли хвойные древостои I-III кл. бонитета), из-за непроведения по причине отсутствия средств своевременных осветлений и прочисток, заложенные лесные культуры в короткое время превращаются во все те же вторичные мелколиственные древостои. В итоге, не отвернувшись от своей профессии лесоводы, продолжают нести одно из тяжелейших наказаний безрезультатным трудом, которым, по древней легенде, Олимпийские боги наказали согрешившего Сизифа.

3. Также как все другие виды растениеводства, наше лесное хозяйство, чтобы нормально функционировать и развиваться, не только может, но и обязано быть товаропроизводящей отраслью, формирующей лесной доход страны и отвечающей за состояние ее лесов. К сожалению, уже давно в России произошло прямо противоположное. По настоянию заинтересованных лесопромышленников и политиков, нашу отрасль в командно-административном порядке лишили названного статуса. Лишь в годы НЭПа и в начале 90-х гг., когда лес на корню в течение короткого времени стали продавать как товар, имело место увеличение лесного дохода и повышение уровня материального благополучия работников лесхозов и лесничеств. Но все это были лишь кратковременные эпизоды. В остальные года наше лесное хозяйство (целая отрасль!) было загнано в положение перманентного банкрота, который не приносит доход, а расходует больше, чем зарабатывает.

В отличие от былых казенных лесничеств Лесного Департамента, наша отрасль стала обузой для государства, что и определило его отношение к лесоводам. Данная ситуация не случайна. Она была создана теми лесопромышленными структурами их мощным лобби в правительстве, Федеральном собрании и в других органах государственной власти, жела-

ющими и впредь, как это было в СССР, получать лес в рубку, минуя нормальную рыночную процедуру, и уж конечно не по свободным рыночным ценам. В качестве иллюстрации результатов того, к чему это привело всего 5 лет тому назад, можно использовать следующие официальные цифры о суммах средств за проданный лес на корню, поступивших в кассы лесхозов:

в 2000 г. — 1 млрд. 910 млн. руб.,

в 2001 г. — 1 млрд. 893 млн. руб.,

в 2002 г. — 0 руб.,

в 2003 г. — 0 руб.

Цифры позволяют четко определить время, когда был включен красный свет на нашем пути в общегосударственную систему рыночных отношений. Это произошло, когда правительством руководил М.М.Касьянов, о чем лесоведам не следует забывать. По-сути, именно тогда нам еще раз убедительно объяснили: хотите жить — занимайтесь не уходом за лесом, а «рубками дохода», и не думайте о том, что будет с лесами России после нас.

Перечисляя главные «достижения» бестоварного административно-бюрократического способа управления лесным хозяйством России, нельзя не сказать еще о том, что стало с нашим лесным экспортом. Если в 1913 г. Россия твердо занимала первое место в мире по экспорту переработанной древесины, о чем уже было сказано в начале статьи, то теперь мы оказались тоже на первом месте, но уже с другого конца списка. В частности, в 2002 г. наша доля в объеме мирового экспорта дешевого круглого леса оказалась равна 26,2%, тогда как вместе взятые доли США, Канады, Швеции, Финляндии, Германии и Франции составили только 21,3%. И все это при средних экспортных ценах за 1 м³ круглого леса: в США — 111, в Канаде — 89, в России — 44 долл. США за 1 м³ (цифры взяты из вышеназванного Государственного доклада, стр. 87 и 88).

Практика последних лет уверенно показала, что одним из наиболее хорошо замаскированных способов, имеющих как бы рыночный вид, позволяющих, вместе с тем, не пустить лесное хозяйство России в рыночные отношения, является псевдопродажа, а на самом деле раздача лесов в рубку (в так

называемую аренду) на основании заранее сфабрикованных решений административных конкурсных комиссий.

Указанный порядок у нас действовал до 01.01.2007 г., т.е. до того, как вошел в силу новый Лесной кодекс. Проведение конкурсов обставлялось видимой гласностью, а именно публикацией объявления в какой-нибудь нешироко читаемой или вообще нечитаемой газете. Проводили конкурсы при закрытых дверях. Заинтересованные сторонние лица не приглашались, а если они приходили, их просили покинуть помещение. Перечень чиновников, включаемых в состав конкурсных комиссий и принимаемые решения (кому, где и на каких условиях передать лес в рубку) — все это, так или иначе, заранее задавалось главными чиновниками, что и оформлялось чиновниками пониже рангом в виде соответствующих решений.

Следуя английской пословице, практически в каждом таком конкурсе прокуроры могут легко определить (если, конечно, захотят!), чьи именно пальцы оказались в лесном пироге. Другие аргументы, в частности такие, как наличие лесного образования, умение хорошо работать и пр., — все это в известных мне случаях проведения конкурсов решающего значения не имело.

С 01.01.2007 г. названное псевдорыночное неприличие как бы замерло. О том, что потом будет не так, как раньше, чиновники конечно знали. Поэтому, в частности, один из них даже преуспел 28 декабря 2006 г. заполучить через «конкурсную» процедуру в свое владение уже не часть, а всю площадь старейшей в России экспериментальной базы СПбНИИЛХ «Сиверский лес» со всеми опытными объектами и, конечно, с немалым количеством накопленных там запасов ценной древесины. И все это, замечу, произошло при наличии неотмененной гарантии со стороны Президента России (Указ № 127-ФЗ от 23.08.1992 г.) о сохранении в НИИ их экспериментальных баз.

Новый Лесной кодекс положил конец процедуре передачи леса в рубку на условиях, ранее действовавших в стране закрытых распределителей различных благ.

В Кодексе четко сказано следующее.

В ст. 50:

П.1 «Запрещается монополистическая деятельность и недобросовестная конкуренция в области использования лесов»;

П.2 «Федеральным органам исполнительной власти, органам государственной власти субъектов РФ ... запрещается принимать акты ... или осуществлять ... действия ..., которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции».

В ст. 74:

П.1 «Договор аренды (лесов — И.Ш.) ... заключается по результатам аукциона ...». Статья допускает исключения только в случаях отвода лесов для проведения геолого-разведочных работ, а также при строительстве гидросооружений и линейных объектов.

В ст. 77:

П.1 «Договор купли-продажи лесных насаждений (на сруб — И.Ш.) заключается по результатам аукциона ...».

П.2 «... изменение условий аукциона на основании соглашения сторон ... не допускается».

В ст. 79:

П.9 «Отказ в допуске к участию в аукционе ... не допускается» (за исключением формальных причин, перечисленных в п.8 этой же статьи).

Сказанное в лесном законе не оставляет места для кривотолков. Тем не менее, они накапливаются, поскольку очень не хочется чиновникам и тем предпринимателям, кто привык работать по-старинке, а действовать — по договоренности, упускать возможность для решения вопросов лесоотпуска выгодным для них административным способом.

Далее цитирую строки, опубликованные в газете «Лесной вестник», № 6, 23.03.07, статья «Основная задача — не допустить сбоев».

«Над чем наш комитет (Союз лесопромышленников Ленинградской области) работает в настоящее время? Мы обращаемся в Правительство РФ, в Федеральное агентство лесного хозяйства с предложениями о внесении некоторых изменений в существующие нормы закона (т.е. в Лесной кодекс — И.Ш.). В частности, мы являемся сторонниками проведения аукционов с предварительной классификацией

лиц, принимающих в них участие... Вышли мы с таким предложением, как и целый ряд других субъектов...».

С таким же предложением недавно выступила в печати директор Архангельского ЦБК по взаимодействию с государственными органами власти Н.Пинягина («Лесная газета», № 29, 14.04.07 г., статья «Работа над подзаконными актами вызывает тревогу»). Суть названного предложения такова: хотим, чтобы нам (т.е. чиновникам и тем, кто от нас зависит), в нарушение вышеназванных принципиально важных статей Лесного кодекса, было предоставлено право заранее, на так называемых «квалификационных комиссиях» (читай: на тех же закрытых от посторонних глаз конкурсах), решать вопросы о том, каким именно предпринимателям предоставлять лес в рубку, и уже потом, определив избранных фигурантов, оформлять их через процедуру псевдоаукционов, закрытых для прочих лиц.

В связи с приведенной выше цитатой из «Лесного вестника» и объявленной позицией Н. Пинягиной, вспомнилась книга «Хроника времен Карла XII». В ней есть эпизод о том, как после Варфоломеевской ночи, когда в Париже было убито 30 тыс. человек, группа католиков собралась хорошо пообедать. Этому, однако, мешал продолжавшийся пост. И вот, чтобы преодолеть запрет на употребление мясных блюд, молодые люди обязали присутствующего священника перекрестить жареного поросенка в жареного карася.

Эпизод — давний. Однако суть его не канула в Лету. Как понятно, в нашем случае речь идет о том, чтобы получить от федерального центра разрешение на продолжение на местах практики закрытых лесных конкурсов хотя бы и под названием аукционов.

И вот ведь что говорят в обоснование: дескать, нельзя доверять вырубку лесов тем, кто победил на аукционе.

Естественен вопрос: «Почему?»

Ведь этот победитель не только заплатит больше других, но и примет на себя выполнение одинаковых для всех участников аукциона условий и обременений. Без тех и других лесные аукционы в России раньше не проводились, и, я уверен, не будут проводиться и в будущем. В числе условий и обременений могут быть самые разные пункты, в том числе,

например, по срокам и способам рубки приобретаемого леса, по срокам и способам вывозки древесины, по ее переработке, по ремонту и строительству дорог, по возобновлению леса на вырубках, по изменению условий жизни людей на данной территории и т.д. Но все эти условия и обременения, как в нашем прошлом, так и в нашем будущем, обязательно должны (!) быть одинаковыми для всех участников любого аукциона.

Нельзя, конечно, исключать возможность того, что некий победитель аукциона впоследствии станет манкировать официально принятыми обязательствами. Пресечение таких случаев было и должно остаться неременной обязанностью чиновников исполнительных органов власти, что они, если захотят, конечно сумеют успешно сделать.

Как созданный средневековыми алхимиками гомункулус, новый Лесной кодекс страдает многочисленными дефектами. О них я говорил и писал, наверное, не меньше других лесоводов. Тем не менее, считаю своим долгом сказать о том, что заданный в новом ЛК порядок реализации леса в рубку не на закрытых «междусобойчиках», а на открытых для всех наших граждан гласных торгах (аукционах) в полной мере соответствует духу и букве того надежного фундамента, на основе которого успешно работали казенные лесничества Лесного департамента России и ее весьма успешные лесопромышленники.

Меня часто упрекают в приверженности к высокой оценке того, что и как делал в свое время Лесной департамент России в подведомственных ему государственных лесах. Но где взять лучший пример ведения лесного хозяйства, да еще в похожих на наши условиях? Может, кто-то подскажет?

Намеченный в ЛК шаг в направлении включения лесного хозяйства России в сферу уже действующих в стране товарно-денежных (рыночных) отношений совершенно необходим.

За названным шагом не должен последовать алогичный и противозаконный шаг назад.

25.04.2007 г.

*Статья принята к публикации в журнал
«Лесное хозяйство» в июне 2007 г.*

29. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ МИНИСТРА Ю.П. ТРУТНЕВА В ЛЕСНОЙ ПОЛИТИКЕ

Сказанное ниже — ответ на опубликованную в «Российской газете» от 14.06.2007 г., № 124, статью «Лес и пряник. Впервые в новейшей истории государство формирует политику эффективного лесопользования».

Название этой статьи, опубликованной в главной газете России, вызывает удивление. Для тех, кто знаком с реальным положением дел в наших лесах, более точным показалось бы название «Лес и слезы». Однако статья привлекла внимание не названием, а тем, что в ней приведено интервью с Министром природных ресурсов Ю.П. Трутневым, в чьем ведении находятся федеральные структуры, отвечающие перед Президентом и Федеральным собранием за состояние, использование лесов и за величину лесного дохода России.

В самых кратких словах о двух китах из названных трех, определяющих уровень жизнеспособности лесного комплекса страны, ее граждане должны быть информированы о следующем.

1. Состояние лесов. В широком перечне наших типично «лесных» субъектов федерации, находящихся в европейско-уральской части страны, где велись и продолжают интенсивные заготовки древесины, леса уже сильнее всего истощены вследствие безответственной хозяйственной деятельности. Главный результат этого: а) произошедшее массовое снижение (падение!) запасов древесины в наиболее ценных спелых хвойных древостоях до уровня приспевающих и даже средневозрастных; б) имеющая распространение на многих миллионах гектаров смена самых ценных хвойных высокопродуктивных древостоев осинниками и березняками, что уже вызвало резкое снижение коммерческой ценности лесов и выполняемой ими водорегулирующей функции; в) прогрессирующие трудности в заготовке наиболее ценной древесины хвойных пород по причине созданного людьми ее вполне реального дефицита в лесах не только средней полосы европейской части России, но и на Севере, Северо-Западе и на

Урале. Об этом громко говорят уже не только лесоводы, но сами лесопромышленники и ответственные люди в органах власти на местах. Так, не где-нибудь, а в Архангельской области ее губернатор Н. Киселев (см. «Лесную газету» №50 от 26.06.2007 г.) и заместитель главы администрации А. Давитиашвили (ЛГ, №36 от 08.05.2007 г.) в своих выступлениях перед депутатами Областного собрания с обоснованной тревогой сообщили: о наличии серьезного лесосырьевого кризиса; о том, в частности, что плохая организация лесного хозяйства и лесопользования вызвали дефицит хвойной древесины; что восполнять этот дефицит теперь придется за счет рубок ухода (т.е. за счет более дорогой и сложной вырубке части деревьев в еще не спелых древостоях); что по причине дефицита полноценного древесного сырья область недополучила в 2006 году 1,2 млрд. рублей. И это все — подчеркну — имеет место в той самой области, которую еще недавно по имевшимся там запасам высокоценной хвойной древесины обоснованно сравнивали с сокровищами волшебной пещеры Алладина.

2. *Использование сырьевых ресурсов.* Средняя и глубокая переработка древесины позволяет увеличить рыночную цену исходной единицы ее объема («кругляка») в разы и даже в десятки раз и, вместе с тем, создать множество дополнительных рабочих мест не в больших городах(!). Это всем известная истина. Повторять ее — смысла нет. Мало кто в стране не радовался, узнав о данном Президентом указании Правительству свести к минимуму экспорт «кругляка» — разорительный для страны, но весьма выгодный для тех лесных бизнесменов, кто не умеет или не желает заниматься переработкой древесины. Президент сказал, что это надо сделать, в апреле 2006 года на совещании в Коми. После названного события, по визуальным наблюдениям, уходящий из страны поток «круглого» леса резко оскудел. Однако не надолго. Достаточно выехать из Санкт-Петербурга и понаблюдать за тем, что теперь перемещается по разным дорогам в сторону сопредельных стран, чтобы понять: все или почти все «вернулось на круги своя». И это — при уже возникшем или при уверенно прогнозируемом дефиците деловой древесины для своей деревоперерабатывающей промышленности.

В защиту продолжения экспорта «кругляка» в разных СМИ организована подача следующих «аргументов», которые не могут не удивлять.

Эстонские лесозаготовители жалуются на то, что им для вывозки «кругляка» не подают достаточное количество вагонов. Это сообщение, замечу, недавно прошло в ЛГ без параллельной информации о том, что руководство Эстонии, заботясь о будущем своих граждан, сократило объемы заготовки древесины в своих лесах и что, очевидно, в силу названной причины какое-то число лесных бизнесменов Эстонии переместилось по нашу сторону границы. Интересно отметить, что и до этого для Эстонии были характерны следующие цифры: население — 1,4 млн. человек; общая площадь — 4,2 млн. га, площадь лесных земель — 2,1 млн. га, общий запас древесины 307 млн. м³, средний объем заготовки древесины (annual fellings) 4 млн. м³ в год, объем производства круглых сортиментов (roundwood total) 8,9 млн. м³ в год (Metsbõtilastollinen Jnuosikirja, 2002). Последние две цифры различаются в 2,2 раза. Объяснить это можно очевидно тем, что и ранее Эстония берегла свои леса и получала нужный «кругляк» от соседей (для себя или, может быть, для перепродажи?).

Финские лесопромышленники жалуются на то, что увеличение таможенных пошлин на получаемый ими из России «кругляк» ударит их по карману и что это, дескать, не по-соседски. Однако при этом они не вспоминают о том, что около полувека тому назад в Финляндии экспорт круглого леса был вообще запрещен, и что эта акция во многом помогла финнам поднять благосостояние своей страны.

Наши лесозаготовители и те, кто защищает их интересы в органах власти, пугают эту власть и прочих граждан изобретенными ими же нелепыми страшилками о том, что не вырубленный в «спелом возрасте» древостой вызывает чуть ли не отравление нашей атмосферы и почвы. При этом они возможно не знают (или не хотят знать), что лес ни в каком возрасте не вызывает и не может вызвать то, чем пугают страну. Не хотят они знать и о том, что, опираясь на экономические обоснования еще недавно возраст спелости и возраст главной рубки хвойных древостоев в России считали равным

120–140 годам. И что понизили этот предел до нынешних 80 лет главным образом по причине, объясненной некогда Госпланом СССР, чтобы не уменьшать планы лесозаготовок в условиях, когда уже были вырублены действительно спелые и доступные высокопродуктивные древостои.

Исходящие из разных источников «утешения» по поводу исчезновения доступных для хозяйственных акций боров, ельников и кедрачей такого толка: когда вырубим и продадим хвойные древостои, на тех же территориях останутся осинники и березняки. Соответственно указанный процесс (рубка и продажа древесины) не остановится. Предлагаемое утешение, на мой взгляд, плохое, уже потому, что 1 м³ древесины сосны на корню стоит на лесном рынке в 10 раз дороже, чем 1 м³ древесины осины. И это не чья-то фантазия, а реальность, уже имеющая место быть в Ленинградской области.

Особую тревогу вызывают приведенные в упомянутом интервью следующие слова Ю.П. Трутнева: «Все эти годы МПР пыталось доказать, что (существующая в России — И.Ш.) диспропорция между 25% мировых запасов леса (очевидно древесины) и 2% (нашего участия — И.Ш.) в мировом обороте (древесины) совершенно ненормальна». Подчеркнутая «ненормальность» имеющихся различий в названных двух цифрах присутствует и в других выступлениях Ю.П. Трутнева, например, на упомянутом совещании в республике Коми, перед Президентом России В.В. Путиным. И тогда и сейчас суть вытекающего из различия названных цифр предложения Министра сводится к одному и тому же — надо извлекать из наших лесов путем их вырубки гораздо больше древесины, чем может переработать наша лесная промышленность. В связи с этим возникает вопрос: зачем? Чтобы развивать колониальную торговлю дешевым «кругляком» в интересах подъема благосостояния соседних стран? И все это предлагается делать — обратим внимание читателей — в условиях, когда на получение других результатов при проводимой лесной политике стране рассчитывать просто нельзя, поскольку, как сказал сам Министр, за последние 20 лет по неназванной причине в России не был построен ни один новый ЦБК, выполняющий глубокую и наиболее выгодную переработку древесины.

Согласно данным, приведенным в «Государственном докладе о состоянии и использовании лесных ресурсов Российской Федерации в 2002 году» (доклад подготовлен МПР и его государственной лесной службой), вся покрытая лесом площадь России равна 776 млн. га при совокупном количестве древесины на всей этой площади равном 82,1 млрд. м³.

В 2002 году всеми видами рубок в России было заготовлено 130 млн. м³ древесины. Это примерно в 4 раза меньше того максимального объема лесозаготовок, который имел место в СССР в «лучшие» для лесной промышленности годы. Очевидно именно различие в указанных цифрах (82 млрд. м³, ? 500 млн. м³ и 130 млн. м³) и определили заданный ныне в МПР вектор развития лесопромышленного комплекса России.

Не забывая о приведенных цифрах, далее переместимся в виртуальную сферу и предположим, что в просматриваемой перспективе в России произойдет резкое (многократное) увеличение числа и мощности предприятий по глубокой переработке древесины. Если это произойдет, можно ли будет незамедлительно увеличить объемы заготовки древесины, чтобы ее поставка таким предприятиям возросла, например, в 4-5 раз?

Опираясь на приведенные данные о валовых запасах древесины в лесах России, МПР отвечает на этот вопрос «да». Со своей стороны, я говорю: «отчасти, главным образом, за счет того «кругляка», который перестанет уходить за границу, и еще за счет увеличения поставок не хвойной (!), а добытой в наших лесах древесины березы и осины».

Для многих мой ответ может показаться непонятным — ведь площадь лесов (в том числе хвойных) такая большая, и еще напомним о «зеленом море тайги», которую наблюдают под крылом самолета.

Объяснить не лесоводу противоречивый феномен нашего богатства лесами и, одновременно, бедности страны древесиной, непросто. Поэтому прибегну к примеру с угольной шахтой.

В шахте в пластах разной мощности могут быть сосредоточены гигантские запасы угля. В познавательных целях очевидно полезно располагать данными об имеющемся валовом количестве угля. Однако для организации его промышленной добычи нужно знать не валовые цифры, а то

количество угля, которое находится в пластах определенной мощности и глубины залегания, разработка которых может принести предприятию не только доход, но и прибыль.

Как в приведенном примере с углем, в наших лесах мы имеем аналогичную ситуацию с запасами древесины.

Названный выше огромный запас древесины в лесах России — это валовая цифра. В ее состав включено практически все, в том числе: а) то, что у нас еще осталось на сравнительной небольшой площади лесов с высокопродуктивными (и высокоценными!) древостоями, в которых возможно ведение доходного лесного хозяйства и такой же лесопромышленной деятельности, и б) то, что мы имеем на обширнейших территориях, расположенных к северо-востоку от Уральских гор и на Севере европейской части страны, в горных, заболоченных и равнинных лесах на вечно мерзлотных почвах с мизерными удельными запасами сырья и приростом древесины около 1 м³/га. Наглядное представление о площади таких лесов с древостоями IV-V-Va и Vб классов бонитета дает карта и сопровождающая ее таблица, приведенные на 16-ой стр. уже упоминавшегося «Государственного доклада о состоянии...лесных ресурсов... в 2002 г.».

Вышесказанное — не миф, а реальность. Если даже безосновательно отбросить в сторону накопившиеся актуальные экологические проблемы ландшафтов лесной зоны, мы, тем не менее, ни в коем случае не должны рассматривать все или даже большую часть наших лесов, обозначенных выше символом «б», в качестве реальных источников сырья, доступного для добычи по экономическим и другим показателям.

К сожалению, руководитель МПР, не учитывая названное обстоятельство, намеревается, как сказано в интервью, просто уменьшить разрыв между валовым количеством древесины в наших лесах и теми ее доступными объемами, которые теперь извлекают из уже истощенных лесов в результате их вырубки. На более понятном языке это означает резкое увеличение масштабов рубок леса, например, до 550 млн. м³ в год, которые в силу неких соображений уже давно рассматриваются в официальных документах в качестве странного эталона абсолютно нереальной расчетной лесосеки России. Естест-

венно, что те, кто ссылаются на названную цифру, не могут не знать о том, что предприниматели умеют считать деньги. Поэтому среди рассудительных бизнесменов скорее всего не окажется никого, кто бы захотел вкладывать деньги в организацию и строительство предприятий лесной промышленности на вечной мерзлоте, а именно на территориях и в условиях, где эти предприятия окажутся убыточными или будут приносить меньше прибыли по сравнению с той, которую выплачивают за вложенные деньги солидные банки или, например, инвестиционные фонды.

Зная то, о чем сказано выше, нельзя не задать вопрос: зачем в наших СМИ кто-то пропагандирует заведомо ложное представление о якобы имеющемся в России бесконечно большом количестве высоко ценной и доступной для вырубки и продажи древесины?

Предположительный ответ: в качестве дымовой завесы, под прикрытием которой не где-то очень далеко, а именно на доступных территориях будут вырублены и проданы оставшиеся леса, что не может не привести лесной комплекс России в состояние устойчивого ступора, при котором будет исключена уже сама возможность его позитивного развития.

Далее коротко о том, что можно сделать, чтобы не оказаться в названной «черной дыре».

В близкой нам по лесорастительным условиям Канаде, при общей площади лесов 416 млн. га, к проблеме обоснованной регламентации объемов лесопользования подошли следующим образом. Из названной общей площади лесов там выделили:

* 156 млн. га «открытых лесов» (очевидно это малопродуктивные и низкополнотные древостои в северной части страны), которые могут сохраниться лишь в их естественном состоянии;

* 50 млн. га лесов, защищенных от вырубки не по воле чиновников исполнительной власти, а по закону в качестве имеющих особое (несырьевое) назначение;

* 119 млн. га (т.е. 29%) являющихся объектами хозяйственных акций, имеющих своей задачей получение древесины для промышленных нужд.

Именно к последней из названных цифр (а не к валовым показателям площади лесов и таким же валовым запасам

древесины!), в Канаде «привязаны» рассчитываемые параметры лесопользования.

Приведенные цифры даны по состоянию на 1993 год (*The state of Canada's forests, 1993, p. 4*). Возможно, что они несколько устарели, но для нас важны даже не они, а используемый принцип определения целесообразных объемов заготовки древесины.

Россия могла бы использовать опыт Канады и даже сделать больше, а именно определить площади с определенными запасами древесины и иными характеристиками лесов, при использовании которых предприятия лесного хозяйства и лесной промышленности могут иметь рентабельность на уровне, например, 5, 10, 20...100% и т.д. Такие данные крайне необходимы не только для исчисления обоснованных параметров лесопользования, но и стартовых «корневых» цен на лес при его реализации на аукционах в рубку. К сожалению, таких данных нет, что вынуждает прибегать к услугам экспертов.

Опираясь на имеющуюся информацию о величине прироста древесины в Канадских лесах, предназначенных для систематической (доходной) эксплуатации, можно сказать о том, что площадь лесов России, отвечающих тем же требованиям, равна примерно 120 млн. га и что ее суммарная расчетная лесосека (в хвойном и лиственном хозяйствах) не может быть больше 250 млн. м³ древесины в год.

С учетом приведенных выше и иных соображений, нужно со всей определенностью сказать о том, что основной вектор лесной стратегии России должен быть направлен не на ускоренную вырубку доступных лесов, что чревато их превращением в экономическую пустыню.

Главными целями этой стратегии должны быть:

- * экономное расходование остающихся доступных запасов древесины для обеспечения сырьем своих (т.е. действующих и вновь построенных на территории России) деревоперерабатывающих предприятий;

- * создание и энергичное развитие высокодоходных предприятий по «глубокой» переработке древесного сырья;

- * параллельное и не менее энергичное развитие доходного лесохозяйственного производства, направленного на то, чтобы

не только компенсировать нанесенный в прошлом ущерб лесам в тех областях и республиках, где они подвергались и подвергаются интенсивной вырубке, но и на увеличение их продуктивности (т.е. реальной стоимости производимой древесины на лесных рынках).

В заключение считаю себя обязанным сказать еще о том, что указанная в статье «Лес и пряник» доля «кругляка» в нашем лесном экспорте, якобы равная «грубо, 25%» сильно приуменьшена. Зачем это сделано — неясно.

В принципе эту долю (%) можно считать по-разному: по массе (или объему), по величине полученной валюты, в % от всей суммы заготовленной древесины, по величине доли нашего участия в объемах мирового экспорта «кругляка». Но, как не считай, именно она, очень высокая — по сравнению с развитыми странами — доля круглых сортиментов древесины в составе нашего лесного экспорта является неподкупным свидетелем плохого положения дел в лесном комплексе России.

И еще. В интервью Министра сказано, что «обязательность (лесных — И.Ш.) торгов в той или иной форме — это социализм. Ни к чему хорошему, как мы помним, это не приводило».

То, о чем сказал Ю.П. Трутнев, помнить нельзя, поскольку при социализме (в СССР) лесных торгов (аукционов) вообще не было. А была простая (внерыночная!) передача лесозаготовителям лесов в рубку, организуемая в административно-плановом порядке, которая, в конечном счете, и привела лесной комплекс страны к его современному рубежу. Это, замечу, во времена Лесного департамента Российской империи, т.е. при хорошо отлаженной социально ориентированной рыночной экономике лесные торги являлись единственным узаконенным способом приобретения лесопромышленниками отведенных в рубку древостоев. Результатом указанного было:

* очень высокий уровень получаемого государством лесного дохода и той его части, которая поступала в распоряжение лесничих и других структур Лесного департамента;

* реализуемые в порядке открытой конкуренции возможности приобретения леса в рубку именно теми лесопромышленниками, кто умел работать лучше;

* бережное отношение лесопользователей к приобретенным запасам древесины;

* минимизация объема коррупционного пространства для разного рода «закрытых» сделок с лесами и древесиной.

В новом Лесном кодексе РФ (также как в последнем Лесном Уставе Российской Империи) не предусмотрены иные, кроме открытых торгов (аукционов), пути реализации государственных лесов в рубку лесопромышленникам. Может быть, руководство МПР забыло об этом?

05.07.2007

«Лесная газета», №56 от 17.07.2007

30. ГОСУДАРСТВЕННАЯ И (ИЛИ) ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЛЕС

В поисках ответа на поставленный архиважный вопрос нельзя не учитывать имевшие место в нашей истории факты. Из их числа назову следующие.

Первый. В начале XIX века государственные и частные леса России соотносились по площади почти как 1:1.

Второй. Через два месяца после Февральской революции 1917 года состоявшийся в Петрограде Делегатский съезд лесоводов и лесных техников голосованием определил: все леса России должны находиться в собственности государства.

Третий. В новом Лесном кодексе (2006 г.) четко сказано (ст. 8, п. 1): *«Лесные участки в составе земель лесного фонда находятся в федеральной собственности».*

При всем вышесказанном, у многих людей России существует неоднозначное отношение к государственной лесной собственности, обусловленное продолжающимся хаосом в нашем лесном хозяйстве. Это способствует распространению надежд на то, что в отсутствии дееспособной заинтересованности государства в ведении своего правильного и высокодоходного (!) лесного хозяйства только частные собственники смогут навести в своих лесах должный порядок.

Имеющееся разномыслие и то уничижительное положение, в которое оказалось ввергнуто государственное лесное

хозяйство России, требуют, по моему мнению, не уходить от обсуждения вопросов о лесной собственности, но аргументировано сопоставлять предлагаемые варианты решений и возможные следствия их широкомасштабной реализации.

Как известно, у собственника предполагается наличие трех элементов права в отношении своей собственности: права распоряжения, права владения и права пользования. В названной триаде определяющее значение имеет право распоряжения объектом собственности. По широко распространенному в нашем обществе представлению, тот, кто обладает правом распоряжения объектом собственности (в нашем случае — лесом), может делать с ним все, что придет ему в голову. Например, вести здесь правильное хозяйство, уничтожить или сделать лес недоступным не только для использования другими субъектами экономических отношений, но и для посещения посторонними людьми.

Указанное «абсолютистское» представление об объеме прав у частного собственника леса (типа «собственность священна и неприкосновенна») в жизни реализуется не часто. В действительности в разных странах объем прав собственника по распоряжению своими лесами не одинаков, и он, к тому же, изменялся и изменяется во времени. В нашей стране в истории этих изменений имели место несколько знаковых периодов.

В годы преобразования страны Петром Великим право распоряжения наиболее ценными лесами всех видов собственности было монополизировано государством. Другим заинтересованным субъектам лесных отношений государство тогда позволяло рубить и продавать лес только там и такой, где бы это не шло в разрез с общенациональными интересами.

Те или иные варианты проведения не менее жесткой государственной лесной политики имели место в некоторых странах и в более ранние исторические сроки. Так на рубеже первого тысячелетия н.э. в Венецианской республике ее Совет дождей (высший государственный орган), озабоченный интересами государства (необходимостью строительства военных и торговых кораблей), принял и реализовал закон, в соответствии с которым частные собственники могли использовать в

своих целях только пни, сучья и вершины срубленных в их лесах деревьев.

Чтобы заставить частных собственников поступиться личными интересами в пользу общенациональных, нужна сильная центральная власть. Такой властью располагал Петр I, решавший «кадровые вопросы» по принципу «знатным считается тот, кто более других для службы годен».

Последующие правители России, решая вопросы кадровой политики, не всегда следовали примеру Петра I. Так, чтобы обеспечить себе поддержку со стороны людей привилегированного круга, в 1785 году стареющая Екатерина II за 11 лет до своей кончины издала законодательный акт — «Грамоту о правах, вольностях и преимуществах благородного российского дворянства...». Перечисленных прав и «вольностей» в «Грамоте...» было с избытком, чего нельзя сказать об обязанностях. В итоге этот законодательный акт усугубил раскол общества на неравные в правовом и имущественном отношении классы, а впоследствии привел страну к политическому терроризму и революциям 1905 и 1917 годов.

В части, касающейся лесов и земли, «Грамота...» наделила помещиков и иных собственников лесов не контролируемым со стороны государства объемом распорядительных прав; внесла укрепившееся в сознании многих людей и их потомков представление о приоритете личных интересов перед общенациональными; ускорила вырубку лесов и увеличила объемы продаж наиболее ценных сортиментов древесины в другие страны.

Сменивший Екатерину II император Павел I управлял Россией менее пяти лет. Тем не менее, он успел получить информацию о происшедшем исчезновении многих ценных и доступных для эксплуатации лесов страны и принял меры к обузданию нарастающего лесного «беспредела». В этих целях Павел I запретил вывозить лес в Англию и другие страны и в 1798 году создал в своем правительстве специальную структуру — прообраз будущего Лесного департамента в качестве высшего государственного органа управления лесами.

Установленные ограничения распорядительных прав у частных лесовладельцев в тот период продолжались недолго. В 1801 году Павел I был убит. Запрет на вывозку леса из

страны почти сразу же был отменен (В.В. Парфенов, 2004 г.). А унаследовавший трон Александр I объявил о намерении управлять страной так, как было при бабушке.

Однако в сфере лесоправления повторение пройденного получилось не вполне. Этому мешали распространяющиеся знания о лесах как об объектах природы и хозяйственной деятельности, появившиеся лесные образовательные учреждения, публикуемая информация об отечественном и зарубежном опыте ведения лесного хозяйства. Последнему, надо сказать, во многом способствовало Общество для поощрения лесного хозяйства и начатое им в 1833 году издание «Лесного журнала», некоторые статьи которого и теперь воспринимаются как интересные и поучительные.

В общегосударственном плане названные выше прогрессивные события несли в себе важный позитивный заряд. Однако они не были достаточными. Основная масса частных собственников лесов твердо запомнила дарованные им ранее «вольности» и не желала от них отказываться. Это вело к дурному хозяйствованию в частных лесах и к неконтролируемому государством самоуправству. Совокупным результатом того и другого было истребление миллионов гектаров доступных для топора лесов в обжитых регионах России.

Справедливости ради надо сказать, что не все собственники лесов вели себя так, как сказано выше. Среди них были и такие люди, которые в своих имениях вели правильно организованное лесное хозяйство и даже занимались лесным опытным делом. Это о них писал проф. М.М. Орлов (1918 г.), требуя не лишать таких лесовладельцев возможности плодотворно и со знанием дела трудиться на благо будущих поколений наших соотечественников. Однако указанные случаи не составляли общей картины. Лучше других она показана в книге К.Ф. Тюрмера (1891 г.), который в течение 50 лет работал лесничим в имении графа А.С. Уварова, располагавшемся в центре европейской части России. Ниже, в сокращенном виде, пересказано несколько абзацев из его книги.

В частных лесовладениях *«... лесное хозяйство редко поручается специалистам-лесничим. Ведь каждый из нас, нуждаясь в стуртуке, не обратится к сапожнику, ... нуж-*

даясь в кухарке, не наймет модистку. При ... постройке избы крестьянин не обратится ... к пекарю..., а пригласит плотника. Каждый, смеем думать, согласится, что так и должно быть, и сочтет за сумасшедшего того, который поступит против этих правил...».

«А что же мы видим на деле? Лесное хозяйство поручается совершеннейшим невеждам...».

«Мне известны... случаи, что... лесное хозяйство вели и ведут лица всевозможных профессий. Так в одном имении с обширным лесом в качестве лесничего был приставлен немец, начавший свою карьеру с ухаживания за больными в ... прусском лазарете, а впоследствии его сменил бывший ямщик».

Не редкое явление, когда «...места лесничих занимают... учителя, писаря, ... лакеи, повара, кучера и т.д. Мне ... известен ... лес величиной 14 тыс. десятин, которым управляет врач, имеющий ... в своем ведении [еще] и больницы».

«Как ни дико подобные факты, но они случаются сплошь да рядом и служат свидетельством, какое ограниченное понятие имеют лесовладельцы о лесном хозяйстве».

Сознавая государственную важность того, чтобы управление частными лесами поручалось лесничим-специалистам, «... казенным лесничим было дозволено переходить на частную службу, не теряя в то же время прав государственной. [Однако]... очень немногие [лесовладельцы] стали приглашать [профессиональных] лесничих для заведывания [своими] лесами».

В своем большинстве частные и разного рода общественные леса находились в обжитых губерниях. Происходившее изменение их лесистости вызывало многие негативные последствия, грозившие социальным взрывом. В создавшейся ситуации уже просто нельзя было обойтись без того, чтобы в законодательном порядке не уменьшить объем распорядительных прав у частных собственников лесов.

В конце XIX века государство сделало серьезнейший шаг в указанном направлении. В 1888 году Александр III издал Указ «Положение о сбережении лесов», в соответствии с которым органы власти страны были обязаны:

* независимо от вида собственности, выделять защитные леса с жестко ограниченным режимом лесопользования и обеспечивать выполнение этого режима, который, подчеркнем, задавался службой государственного лесоустройства;

* создать в губерниях и уездах лесоохранные комитеты, главными задачами которых было: а) выделение защитных лесов, б) пресечение фактов проведения истощительных рубок во всех частных и общественных лесах и в) принятие мер, вынуждающих собственников своевременно проводить работы по восстановлению лесов.

В состав лесоохранных комитетов входили первые лица органов власти губерний и уездов, а также, конечно, работники Лесного департамента на местах. Именно они, профессиональные лесоводы, выполняли в лесоохранных комитетах роль основных «рабочих лошадей».

Принимаемые лесоохранными комитетами решения по обузданию эгоцентризма большого числа частных собственников лесов проводились в жизнь в судебном порядке. Ежегодно в судах рассматривались сотни «лесных дел». В конкретных случаях это давало позитивный эффект, но не решало проблему в целом. Подготовка исковых документов и участие в судебных процессах стали дополнительной головной болью многих профессионалов Лесного департамента, которая, казалось, не имела конца. Это вынуждало искать более кардинальные решения, чем введение отдельно взятых собственников лесов «в оглобли» общенациональных интересов.

В апреле-мае 1917 года на упомянутом выше съезде лесоводов и лесных техников, его участники, находившиеся, заметим, на разных политических платформах, нашли искомое решение: «...Признать леса всех категорий государственной (национальной) собственностью» («Лесной журнал», 1917, вып. 4-6, с. 145-167).

Названное очень важное политическое решение лесоводов России впоследствии было «взорвано», главным образом, двумя административными «зарядами»: а) ликвидацией у нашей высокодоходной в прошлом отрасли ее экономического фундамента в виде товарно-денежных отношений с лесопользователями и б) передачей реальной распорядительной власти в лесах от обеспечивающих долговременные интересы

страны профессиональных лесоводов к лесозаготовителям, действующим, что закономерно, в своих краткосрочных интересах.

В наше время, при наличии у государства политической воли, сложившиеся в лесах страны управленческие и экономические извращения исправить можно, хотя сделать это трудно, поскольку в противоположном заинтересованы структуры с мощными финансовыми и административными ресурсами. Люди в этих структурах не знают (или не хотят помнить!) о том, что в лесной промышленности резкое снижение объемов производства началось не в Российской Федерации, а еще в РСФСР, в 1980-е годы. Это тогда, по причине давнего и хорошо замаскированного отказа от принципа постоянства лесопользования и вызванного этим истощения сырьевых баз начали закрываться, а потом и вовсе исчезли многие леспромхозы — добротные лесные поселки с развитой социальной и производственной инфраструктурой, в условиях которой, при другой политике государства, могли бы жить и трудиться многие поколения наших людей.

Происшедшее истощение доступных и ценных лесов нельзя исправить мановением руки. Это — не тот случай. Ныне те леспромхозы, что уцелели, превратившись в частные предприятия, в своем большинстве не живут, а выживают, лелея надежду на то, что правительство позволит им вырубить расположенные на доступных территориях европейско-уральской части страны оставшиеся высокопродуктивные леса с обозначенным главным несырьевым назначением. По сути, это леса государственного резерва. Вырубить их не трудно. Только вот не хватит надолго. Поэтому считаю своим долгом во всеуслышанье сказать: заданный в МПР в интересах лесозаготовителей главный «лесной» ориентир типа «руби больше (по аналогии с нефтью — качай больше) и не думай о завтра» — есть путь в никуда.

Чтобы не попасть в названное место, необходимо:

а) отказаться от произведенной в последнем Лесном кодексе подмены наполненного гармоничным содержанием исторического понятия «лесное хозяйство России» уничижительным словосочетанием «освоение лесов», в котором нельзя не увидеть всего лишь топор лесных бизнесменов;

б) «ударить по тормозам», чтобы прекратить колониальную лесную политику, основанную на продолжении псевдообоснованного массового экспорта дешевого «кругляка»;

в) на основании объективного анализа динамики доступного по экономическим и экологическим показателям лесосырьевого потенциала России определиться с тем, куда и как лесоводам и лесопромышленникам «ехать дальше»;

г) поручить проведение такого анализа и подготовку вытекающих из него предложений не тем, кто имеет «свой интерес» и не имеет должных знаний, а авторитетным ученым — своим и приглашенным из других стран.

Чтобы лес мог служить нам и тогда, когда газа, нефти и угля не останется и в помине, в лесном хозяйстве России должны быть проведены не странно-спонтанные, а тщательно просчитанные на многие годы вперед и понятные большинству людей экономические и управленческие реформы, отвечающие основным канонам социально ориентированной рыночной экономики. Соответственно, не потом, а уже теперь мы должны определиться с тем, при каких видах собственности на лес названные реформы могут принести наибольшую пользу стране и ее лесному хозяйству.

Имеется обильная информация, свидетельствующая о позитивных результатах ведения лесного хозяйства бывшим Лесным департаментом России в тех наших лесах, что находились в собственности государства. Эта исчерпывающая по своей полноте информация содержится в книге проф. В.В. Фааса и его коллег (1919 г.), в регулярно выпускавшихся двухтомных Ежегодниках Лесного департамента и в других публикациях. Часть того, о чем там написано, пересказана и прокомментирована в моих статьях, опубликованных в разных изданиях (1998, 2003, 2006 и др.). Владеть этой бесценной и доступной исторической информацией (и непременно ссылаться на нее!) обязан каждый, кто считает себя причастным к проведению реформ в нашей отрасли и не видит себя в числе персонажей, не помнящих родства.

Многократно меньшим объемом конкретной информации мы располагаем о том, как велось лесное хозяйство в России в лесах, находившихся в частной и общественной собственности.

Наверное, поэтому в публикациях и разговорах в качестве примера у нас часто приводят Финляндию. В связи с этим напомним о следующем.

Население Финляндии — 5 млн. человек, т.е. там живет примерно столько же людей, сколько в Санкт-Петербурге. Площадь лесов — 20,3 млн. га, что примерно равно совокупной площади лесных земель в таких наших областях как Вологодская (7,4 млн. га), Ленинградская (3,6 млн. га) и Республика Карелия (9,7 млн. га). (Площади лесных земель в названных субъектах РФ соответствуют данным учета лесного фонда по состоянию на 1.05.1998 года.) Указанная площадь лесных земель Финляндии находится в собственности: частных лиц (12,3 млн. га), различных компаний (1,8 млн. га), государства (5,0 млн. га) и других юридических лиц (1,1 млн. га). Число частных лиц, имеющих лесные земли в своей собственности — около 450 тыс. человек. Из них 317 тыс. человек имеют обязательства перед государством по уплате лесных налогов. По площади и ценности лесов частные лесовладения варьируют в широких пределах. Только 10 тыс. граждан Финляндии являются собственниками лесных земель площадью более 1 тыс. га (Metsdtilastollinen. Vuosikirja, 2002, стр. 47–49).

Как система институт частной лесной собственности возник в Финляндии значительно раньше, чем она вошла (в 1809 г.) в состав Российской Империи. В течение длительного времени множество (!) собственников располагали в Финляндии исчерпывающим объемом прав по распоряжению своими лесами. В совокупности их деятельность, похожая на неупорядоченное броуновское движение, привела леса в почти катастрофическое состояние. В 1830-е годы в одной из статей издававшегося в России «Лесного журнала» был даже поставлен такой вопрос: можно ли вообще исправить леса Финляндии? По этому поводу К.Ф. Тюрмер привел в своей книге следующие слова из доклада директора Тарандской Лесной академии фон Берга Финляндскому сенату в 1857 году: *«История развития лесного дела показывает..., что ни один народ не уничтожил безнаказанно своих лесов... Безрассудность людей и хищность лесопромышленников взялись усердно за уничтожение [ваших — И.Ш.] лесов. Поэтому леса Финляндии уже дошли до такого состояния, при котором*

невольню призадумашься о том, что дурные последствия не замедлят сказаться, если это так и будет идти дальше».

Чтобы изменить состояние дел в лесах страны сенат Финляндии принял примерно такие же меры, что были приняты в России после издания в 1888 году «Положения о сбережении лесов». Суть этих мер — в ограничении объема распорядительных прав у частных собственников лесов, чтобы их действия не противоречили общенациональным интересам, а шли бы в их русле.

Это был трудный и длительный процесс, в течение которого произошли многие события. Из них ниже назову только два.

Первое. Принятый около полувека назад запрет на экспорт круглого леса, который законопослушные граждане Финляндии (собственники лесов!) соблюдают до сих пор. В небогатой тогда стране, при отсутствии других значимых сырьевых ресурсов, этот запрет первоначально вызвал снижение уровня жизни многих людей. Но именно он вынудил предпринимателей найти деньги, создать в Финляндии деревоперерабатывающую промышленность, одну из лучших в мире (теперь она использует не только свою древесину, но еще и импортную), и вывести, таким образом, страну на уровень наиболее благополучных государств.

Второе. Изданный в 1996 году «Закон о лесах», в котором вообще отсутствует разделение лесов по видам собственности. Заданные в законе жесткие требования к хозяйственной деятельности в лесах имеют равную силу для всех. В его статьях (почти все они прямого действия и, соответственно, не могут изменяться по воле чиновников) четко сказано практически обо всем — что, где, когда и при каких исходных характеристиках древостоев может (или должно) делаться в лесах, какими должны быть количественные показатели древостоев, пройденных рубками ухода, при каких заданных сроках и показателях качества должно производиться восстановление лесов после сплошных рубок, которые финны ласково называют не иначе, как «рубками возобновления».

И еще. В названном законе четко определено, что за возобновление лесов полную ответственность несет юридическое лицо, организующее их вырубку, и что в случае

извлечения из лесов незаконной прибыли последняя конфискуется, а сам нарушитель может быть наказан заключением в тюрьму на срок до двух лет.

Финны охотно говорят о том, что большая доля их лесов находится в частной собственности. Но это, подчеркнем, не враждебная интересам всего общества частная собственность, которая присуща «дикому» капитализму. По сути, лесная собственность у них частная только по форме и общенародная по содержанию.

То, что имеет место в Финляндии, не артефакт. Есть страны, где в общенациональных интересах распорядительные права собственника лесов «ужаты» еще сильнее. Например, в соседней Норвегии, где практически все леса находятся в частной собственности, собственники при осуществлении всех хозяйственных акций могут действовать только в жестко заданных законом рамках. Более того, собственники там не имеют права даже проводить в определенные дни в своих лесах те или иные работы, если они мешают нормальному использованию данной территории другими гражданами в интересах рекреации (Review on forest policy issues and policy processes. — Joensuu, Finland, EFI Proceeding, № 12, 1997).

В отличие от большинства других стран, на основании принятых законодательных актов все леса России давно получили статус государственной (общенародной) собственности. С моей точки зрения, это очень важный позитивный факт. Однако есть и другой аспект — негативный. Это — низкий уровень ведения нашего лесного хозяйства как по экономическим, так и по другим объективным показателям, что является следствием имевшего место в нашем прошлом (в РСФСР) лишения государственного лесного хозяйства России его экономического (товарно-денежного) фундамента. Вызванную этим тяжелую «болезнь» отрасли можно «вылечить» путем проведения кардинальных экономических и управленческих реформ, имеющих своей задачей вернуть нашему лесному хозяйству ту его экономическую организацию, при которой оно успешно работало и развивалось в годы, когда в России еще не был ликвидирован Лесной департамент. К сожалению, далеко не все, от кого зависит вышесказанное,

стремятся к названной цели. Более того, в новом Лесном кодексе в который раз нам предлагают разрушить все до основания. Не говорят только зачем. Очевидно для того, чтобы вернуть лесное хозяйство в состояние «дикого» капитализма, в котором оно находилось, например, в Финляндии в начале XIX века, чтобы уже потом, по примеру этой страны, постепенно построить нечто, что могло бы соответствовать запросам социума.

В том названном столетии похожую по ее абсурдности идею создания государства принципиально нового типа канцлер Бисмарк оценил как интересную и посоветовал авторам проверить ее на тех, кого не жалко. И ведь проверили! Может быть, показалось мало?

Кто в действующем Правительстве или в Парламенте сможет во всеуслышанье внятно объяснить, зачем лесному хозяйству России при ранее накопленном в его Лесном департаменте хорошо проверенном богатейшем опыте отводить роль обреченного подопытного кролика?

26 июня 2007 г.

«Лесная газета» № 54 от 10.07.2007

31. ПОКА ЖИВЫ, НАДО РАБОТАТЬ ДЛЯ БУДУЩЕГО (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

*«Все, что может рука твоя делать,
по силам делай; потому что в мо-
гиле, куда ты пойдешь, нет ни рабо-
ты, ни размышления, ни знания, ни
мудрости».*

Екклесиаст, 9, 10

Чтобы вырастить спелый древостой, нужно, как правило, больше времени, чем каждому из нас отпущено для активной деятельности на Земле. Именно это обстоятельство определяет уникальную особенность профессии лесоведа: жить и работать с думой о тех, кто придет в жизнь после нас.

Иногда можно услышать о том, что люди новых поколений, не отказываясь от предоставляемых им в наследство благ, вместе с тем не считают нужным воспринимать и использовать накопленный их предшественниками опыт, могущий выполнять в их жизни роль зеленого, желтого и красного сигналов светофора. Думаю, что это не совсем так. Более того, уверен, что в серьезных (критических) ситуациях так не должно быть.

Конечно, оказавшись без товарищей в глубокой воде, каждый должен выплывать сам. Однако было бы неразумно и просто опасно не следовать полученным советам — научиться плавать и не лезть в реку, если не знаешь брода.

Как в личных делах, так и в политике именно накопленный опыт позволяет следовать правилу, сформулированному А.В. Суворовым в трех выразительных словах: передний заднему мост. Названное правило имеет, как понятно, общий характер. Особенно важно не пренебрегать им при планировании и реализации таких протяженных во времени процессов, с какими постоянно имеют дело лесоводы. Важно это, главным образом, потому, что в нашем случае допущенная ошибка часто проявляет себя тогда, когда ее уже нельзя исправить. Те или иные ошибки в лесовыращивании ведут к убыткам для хозяйства не только в материальной, но и в экологической сфере. Это — плохо, но не смертельно.

Многократно большая опасность кроется в другом — в заданной Правительством порочной стратегии организации лесного комплекса страны и ее лесного хозяйства.

Анализируя то, что происходит теперь в наших лесах, а также вчитываясь в последний вариант Лесного кодекса, приходится сказать о следующем.

Очевидно, по примеру известных политиков США, наше Правительство решило построить в России однополярный «лесной мир». При его строительстве вместо создания совершенно необходимого баланса между а) долговременными интересами лесного хозяйства (в сферах выращивания, охраны, защиты лесов и организации постоянного лесопользования) и б) краткосрочными интересами заготовителей древесины, Правительство и Федеральное собрание уже успели передать почти все приоритеты (на уровне абсолютной бюрократической диктатуры) тем, кто сегодня, не оглядываясь

на завтрашний день, просто берет из леса древесину, превращает ее в «бабки», и делит их со своими интересантами.

Итоговый результат указанной политики налицо: остающиеся в России доступные для топора запасы ценной древесины хвойных пород тают (а на обширных площадях уже растаяли!), как посыпанный на дорогах солью снег.

Об этом я уже неоднократно сообщал в опубликованных статьях (см. «Спелые и перестойные леса. Мифы и реальность» — труды СПбНИИЛХ, 2003, вып. 6(10), стр. 157-163; «Преодоление синдром распада лесного хозяйства России» — брошюра «Деградация лесного хозяйства России», 2006, СПб, с.14-22 и др.). О том же теперь с тревогой говорят некоторые ответственные лесопромышленники. А руководители Архангельской (!) области уже во всеуслышанье сказали о происходящем у них системном лесосырьевом кризисе. Реакцией на вышесказанное со стороны чиновников и депутатов федерального центра является тишина, прерываемая иногда пустыми отписками и рапортами об успехах. Поэтому напомним читателям еще раз о том, что в стране исчезают не запредельно далекие леса (не «море тайги», что раскинулось к северо-востоку от Урала, на вечномерзлотных почвах, на горах и болотах с мизерными удельными запасами древесины, недоступной для заготовителей уже только потому, что добывать её там просто невыгодно), а те самые леса, что рядом с нами, в окружении которых жили и все еще живут миллионы наших сограждан. Именно эти леса в течение множества лет защищают нас от наводнений, восстанавливают здоровье, кормят, согревают, дают кров, чистую воду и такой же воздух. Они — колыбель большей части населения России, наш общий дом и крепость, дающая нам ощущение Родины.

Почему наше Правительство и те люди, чьи интересы оно защищает, ополчились на оставшиеся доступные для активной хозяйственной деятельности леса России как мифические самоеды? Что это — разрушительный умысел или тупой дилетантизм?

В ныне отнятой агрессивными усилиями МПР у ученых СПбНИИЛХ экспериментальной базе «Сиверский лес», в ее Кезевской даче некогда были уникальные ельники с рекордными запасами древесины и деревьями мачтовых размеров.

Побывавший там проф. М.Е. Ткаченко выразил свое отношение к этим ельникам примерно в таких словах: «Я бы не пожалел своих немолодых ног, если бы мне пришлось пешком идти в Сиверскую из Ленинграда, чтобы увидеть это чудо».*

По рассказу главного лесничего А.А. Книзе, во время оккупации сам фельдмаршал Геринг взял Кезевский лес под свою «высокую руку». _

Временно лес оставался в целости. Однако перед уходом оккупанты провели истребительную концентрированную рубку, что получило адекватную оценку у населения.

Не оправдать, а всего лишь увидеть логику в действиях оккупантов можно. Но как понять логику поступков тех людей, которые, отбросив заботы о будущем страны, вели и ведут истощительные для конкретных территорий, по существу, хищнические рубки леса на своей земле?

Вышесказанное, замечу, делается не без подготовленных чиновниками «обоснований», изложенных во множестве нормативных, «научных» и даже законодательных документов. Из них в наше время наиболее одиозными представляются два:

* Уголовный кодекс (1996) и официальные комментарии к нему (1997), в которых воровство леса вообще не признаны воровством, и

* Лесной кодекс (2006), ориентирующий всех и вся на построение в России однополярного мира, в котором господствуют заготовители древесины и в котором, при многих его странностях, уже само название нашей отрасли — «лесное хозяйство», с присущими только ему уникальными общенациональными целями и задачами, подменено словосочетанием «освоение лесов» (очевидно, по аналогии с местами залегания ископаемого сырья), с запечатленными в нем всего лишь преходящими финансовыми интересами тех, кто приучен только брать и ничего не давать лесу взамен.

* Для тех, кто не знает или забыл, напомним, что в годы революций и вплоть до конца 1940-ых М.Е. Ткаченко был общепризнанным лидером лесоводов страны. Первым престижным местом его службы был Лесной Специальный Комитет (на современном языке — Коллегия) Лесного департамента России, последним — кафедра лесоводства Лесотехнической академии.

Думая о бедах, которые были обрушены на доступные для топора леса России, невольно вспоминаешь слова А.С. Пушкина из поэмы «Пир во время чумы»: «Что делать нам? И чем помочь?»

Названные вопросы — главные. В один ряд с ними можно поставить еще вопрос «почему?». На него обычно дают ответы во многих вариантах. Однако есть среди них такой, в котором можно увидеть первопричину трагедии лесов России и не только России. Суть этой первопричины в пассивном (безразличном) поведении миллионов людей, обусловленном происшедшим разрушением в их сознании того самого нравственного императива (по Канту), следуя которому мы обязаны уважительно (бережно!) относиться к Природе и к завещанным нам лесам.

Задолго до крещения Руси виртуальные силы леса, как и других мест и объектов Природы, были широко представлены в сознании людей в виде многих наделенных особой силой бестелесных образов разных иерархических уровней. Они могли помогать или вредить людям, покровительствовать определенным рощам, древесным породам и даже отдельным деревьям. Так у древних славян покровителем всех лесов был Святогор сын Сварога — отца богов. Липу считали деревом богини земли Лады, а дуб (на юге) и березу (на севере) — деревьями громовержца Перуна. Особую благостную роль придавали лесам на берегах рек и озер. Их так и называли — благолесье. В рощах и у деревьев, посвященных богам, происходили празднества и моления наших пращуров, а также чинимые князьями суды. Произнесенная в таких местах ложь и нанесение вреда таким деревьям и рощам означало нанесение обиды их божественным покровителям, что не сулило обидчикам ничего хорошего. О том, насколько серьезно люди все это тогда воспринимали, можно судить уже по тому, что они рассматривали себя в качестве не рабов, а правнуков Дажьбога — одного из высших богов. Это обязывало относиться к объектам их покровительства с должным уважением. В Литве, например, в годы крещения ее жителей, люди менее болезненно воспринимали разрушение молельных капищ, чем истребление посвященных богам рощ и деревьев (А.Н. Афанасьев. Древо жизни. 1982, М., 464 с.).

Уважительное отношение к миру окружающей нас Природы не может и не должно быть поставлено в связь только с дохристианскими верованиями предков. В одной из книг В.П. Астафьева рассказано о том, что в Сибири христиане-старообрядцы (так называемые «оконники») ставили свои церкви так, чтобы раскрывающаяся в их окнах красота сотворенного Богом мира вызывала в душах людей чувства восхищения и молитвенной благодарности.

Еще один пример из прошлой жизни людей в центре России. В большом селе некий заводчик построил кожевенный завод. Сделал он это так, что грязные, вонючие сточные воды сливались в Волгу. Местные жители восприняли это как святотатство. Заводчик стоял на своем, ссылаясь на отсутствие запрещающих законов. Противостояние усилилось и привело к тому, что священник села отлучил заводчика от церкви, предав его анафеме. В итоге дом и предприятие заводчика опустели. Домочадцы и рабочие от него ушли, а сам он куда-то сгинул.

О рассказанном выше я прочел в одной из стародавних газет. Возможно, что детали этого события переданы неточно, но суть не в них, а в том, что Церковь — по моему мнению — располагает мощной нравственной силой, владея которой она может стать щитом, спасающим леса (и не только леса!) от посягательства разных фигурантов, не отдающих себе и другим отчета в том зле, которое они творят в отношении Природы и ее благ, данных людям еще до их появления на свет.

Возможно, что следующие мои слова вызовут раздражение у части читателей. Тем не менее, я рискну сказать о том, что Православная Церковь и другие религиозные конфессии крайне слабо используют свои возможности для защиты того, что было создано Богом, как сказано в Ветхом завете, в третий и пятый дни творения мира.

Почему?

Ошиблись, может быть, переводчики Библии, но в ее первой главе (1, 26) есть следующие обращенные к первым людям слова Бога: *«...владычествуйте...над всею землею...»*. В той же главе присутствует другая мысль: *«И взял...Бог человека...и поселил его в саду Эдемском, чтобы возделывать*

его и хранить его» (Бытие, 2,15). Эти слова обязывают человека быть рачительным хозяином и хранителем Земли. Однако люди запомнили почему-то не это, а то, первое, «владычествуйте».

Когда евреи вошли в Землю обетованную, она была наполнена множеством природных благ. Когда теперь нам показывают Святую землю по телевизору, мы видим не зеленые долины и кедровые рощи, а скудную и уставшую землю и саму реку Иордан, превращенную в мутный ручей. Что это, как не результат безответственного «владычества» людей над Природой? Мне могут возразить: то было давно. Отвечая, скажу, что внедренные в сознание людей те или иные представления имеют свою инерцию. Их нельзя поменять так же легко как электрическую лампочку. Очевидно поэтому, уже не в библейские времена, а совсем недавно, в СССР, мысли и поступки людей в отношении самой среды их обитания направлялись в русло следующих, включенных в разные учебники, слов: «...нам не надо ждать милости от природы, мы просто должны взять ее богатство» (цитирую по памяти).

И брали и берут. Без меры, без заботы о будущем и без проверки «планов громадьа» в надежных экспериментах. Те, кто постарше, помнят, кто помоложе — могут узнать из книг о разрушительных результатах и о масштабах ущерба, который, как следствие такой политики, страна уже получила и получит в будущем. И слово «получит» использовано здесь не случайно, так как «прошлое» не может не проявить себя в «будущем».

В части, касающейся лесной политики государства (СССР и РФ), в ней были и продолжают оставаться следующие неприемлемые элементы.

1. Лишение свободного (бесплатного!) доступа не только лесоводов, но и миллионов других заинтересованных граждан России к объективной информации о прошлом и современном состоянии лесов и их динамике не только в стране в целом (за такими общими данными можно скрыть любую «дезу»), но и в отношении каждого субъекта Федерации, каждого лесничества и каждой хозяйственной части (хоздачи). Для правового государства необходимость указанного представляется

очевидной. Однако далеко не все, от кого зависит распространение такой информации, склонны это делать. Ответ на возникающий вопрос «почему?» найти не трудно: у тех, кто дозирует и контролирует поток информации о прошлом и настоящем состоянии лесов, больше шансов: а) сохранить свои посты и привилегии в верхних слоях лесного комплекса, б) решать вопросы о вырубке лесов, следуя своим сиюминутным личным интересам.

2. Лишение жителей соответствующих территорий данного им Конституцией права свободно принимать участие в обсуждениях (в том числе на местных референдумах) намечаемых администрацией акций по вырубке лесов на данных территориях. Подмена этого права граждан проведением закрытых заседаний чиновников определенного круга, на которых с «железной» гарантией принимается заданное решение, угодное конкретному власти имуществу лицу.

П р и м е ч а н и е. Именно при таком проведении так называемого «конкурса» по инициативе МПР, у СПбНИИЛХ в 2005 году была сначала отнята, а затем передана начальством определенному лицу экспериментальная база «Сиверский лес» с выращенными там рекордными запасами хвойной древесины на корню.

3. Продолжающаяся дезинформация населения страны о том, что Россия якобы обладает неисчерпаемым лесосырьевым потенциалом. К сожалению, эта дезинформация дает заданный эффект. Многие доверчивые люди (в том числе журналисты) воспринимают такие высказывания как достоверные, чему способствует случайное (или намеренное?) смешение того, что в принципе смешивать или складывать нельзя, а именно:

а) суммирование в общий почти космический итог всех наших покрытых древесной растительностью площадей, многократно отличающихся друг от друга по их продуктивности и по реальной ценности в качестве источника древесного сырья;

б) суммирование опять-таки в бессмысленный общий итог объемов древесины в лесах высших и средних классов бонитета, где действительно возможна рентабельная лесохозяйственная и лесопромышленная деятельность, с объемами

древесины в низкопродуктивных лесах, где она, образно говоря, дезинтегрирована по площади как клюква на болоте;

в) умалчивание сведений о том, что в России осталось далеко не гигантское количество древесины ценных пород в относительно продуктивных и небольших по площади лесах, которые уже давно были и продолжают оставаться объектами доходной и интенсивной эксплуатации.

4. Невозвращение из нашего дореволюционного прошлого краеугольного камня организации правильного лесного хозяйства — принципа постоянства пользования лесом, позволяющего защитить интересы будущих поколений людей от тех, кто им предшествует. Названный принцип как нравственный императив Канта вообще не может быть отвергнут. Как красным сигналом светофора, «машинисты» государства руководствовались им раньше и должны это делать впредь. Только раньше (в Лесном департаменте) принципу постоянного (неубывающего) пользования лесом следовали при расчетах допустимых объемов рубок в отношении — обязательно! — конкретных, сравнительно небольших по площади, хозяйственных дач, т.е. территорий с постоянными границами, с однородными социально-экономическими и лесорастительными условиями. Указанный подход, по сути, автоматически исключал возможность проведения истощительных рубок леса. В период после ликвидации Лесного департамента принцип постоянства лесопользования официально как бы не был отвергнут. Но, в отличие от вышесказанного, его начали и продолжают декларировать и применять при обосновании масштабов рубок леса в отношении обширных и разнородных территорий, что обеспечивает получение результатов типа средней (нормальной) температуры пациентов по больнице, в разных отделениях которой присутствуют выздоравливающие и умирающие люди. Кто-то, может быть, спросит, зачем?

Отвечу:

а) чтобы, опираясь на полученные указанным способом цифры «расчетных лесосек», иметь возможность сказать, что они недоиспользуются, и создать, таким образом, впечатление кажущегося богатства и благополучия;

б) чтобы, сославшись на вышеназванный пункт «а», заготовители древесины имели бы основания решать с чиновниками вопросы о концентрации своих работ не там, где

это следовало бы, а там, где ближе к селениям, дорогам и, конечно, там, где заготавливаемая древесина имеет большую стоимость на рынке.

5. Поддержание у населения и руководства страны ложных представлений о псевдодостоинствах кочующих леспромхозов и иных современных кочующих заготовительных структур, а также о том, что такие классические понятия организации правильного лесного хозяйства как возраст спелости древостоев, оборот рубки, оборот хозяйства, хозяйственная дача и др. не имеют экономического содержания. Следствием указанного оказалось:

5.1. Превращение обширных лесных территорий в экономические безлюдные пустыни.

5.2. Формирование у многих людей ущербного менталитета типа «перекати-поле».

5.3. Формирование в умах у многих молодых лесоводов негативного отношения к научно-обоснованным ограничениям и запретам на вырубку древостоев по лесоводственно-экономическим причинам. Подмена этих ограничений требованием «рубить здесь и сейчас». Распространение этого «лозунга» на любые древостои, которые, если срубить, можно сразу продать и получить деньги. Такие настроения в умах были упрочены Правительством М. Касьянова, отнявшим у лесоводов, по-существу, все другие законные источники их доходов, важнейшим из которых в течение многих лет оставалась часть денег, которые они «выручали» при продажах отведенных в рубку древостоев на аукционах. Указанный порядок функционирования лесного хозяйства за счет части сформированного лесничими лесного дохода позволял лесоводам вести свою профессиональную и во многом независимую политику. Это, очевидно, не отвечало интересам М. Касьянова и тех, кто лоббировал его действия. Горчайший итог этого налицо: прогрессирующее превращение бывшего Корпуса лесничих России в заурядных заготовителей древесины, т.е. в людей, которые живут за счет того, что они обязаны охранять и пестовать.

6. Сохранение дарованной заготовителям древесины еще в годы СССР финансовой безответственности за возобновление вырубленных ими лесов, чего вплоть до 1917 года в России не

было. В тот период лесничие взимали с лесопромышленников (при продажах леса на корню) лесокультурный залог. Такую практику у Лесного департамента России переняли лесоводы США, но почему-то не руководители МПР России.

7. Сохранение бытовавшего в СССР параноидального представления о том, что лес на корню вообще не имеет стоимости, что он растет якобы сам по себе и не может рассматриваться в качестве товарной продукции лесохозяйственного производства. Этот нелепый тезис противоречит современной мировой практике и существовавшей до 1917 г. нормальной экономической организации лесного хозяйства России. Как общепонятно, отведенный в рубку лес имеет все атрибуты товара. Его продают и покупают по широко варьирующим рыночным ценам в зависимости от качества, спроса, места и количества предлагаемого товара. В создание и сохранение этой продукции (товара) собственник лесов (в нашем случае — это каждый из нас, т.е. государство) вкладывал и продолжает вкладывать немалые деньги. Это, как понятно, дает собственнику право продавать свою продукцию на рынках и получать от ее реализации не только доход, но и прибыль.

8. Понижение статуса работ по искусственному возобновлению леса на вырубках до уровня изначальных посадок и посевов лесных культур без выделения необходимых многократно больших материальных ресурсов для последующего проведения уходов за культурами. Это почти автоматически вело (и ведет!), как в истории с мифическим Сизифом, к массовым потерям культур и утрате самого смысла проведения работ по их закладке.

Общим итогом названных и неназванных особенностей проводимой в стране лесной политики является происходящее на наших глазах сокращение площади лучших лесов (коренных типов леса) на территориях, где можно вести доходную лесохозяйственную и лесозаготовительную деятельность, истощение запасов хвойной древесины на доступных для топора территориях и получившая масштаб географического явления, как правило, необратимая при жизни людей смена хвойных лесов мелколиственными древостоями. Все это ведет

(не может не вести!) к ослаблению экологической функции лесов, их реальной сырьевой ценности и еще к утверждению в общественном сознании уничижительной мысли о происходящей утрате страной того, что у нас было всегда.

Перечисленное выше не может (не должно!) оставаться вне поля внимания государства как собственника лесов, иерархов религиозных конфессий, ответственных за духовное здоровье миллионов людей, ведущих ученых академической и остатков лесохозяйственной науки, не забывших о своем гражданском долге перед страной деятелей политических и общественных структур, наших крупных предпринимателей и Союза лесоводов России.

Кто, какие люди могут взять на себя роль Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, чтобы возглавить национальное ополчение в защиту лесов и лесного хозяйства России?

Со своей стороны уверен, что эту роль нельзя доверить воспитанным в духе законов мистера Паркинсона чиновникам, имеющим обыкновение подменять общенациональные интересы своими личными.

Много, очень много предстоит сделать. Как минимум, две колонны этого ополчения должны действовать параллельно.

Первая колонна призвана сделать самое главное — сформировать у миллионов людей новое миропонимание, позволяющее им увидеть и понять, что мы не можем существовать вне Природы; не можем выжить в противоборстве с ней, но только вместе; что уже только поэтому в нашем отношении к лесу и другим объектам Природы должны доминировать не хватательные рефлексy поработителя, а уважение и бережливость умудренного знаниями человека, видящего в Природе и ее лесах не «дикое поле», где правят сила и деньги, а «украшно-украшенную» Землю, как говорил автор «Слова о полку Игореве», наш общий дом и предоставленную нам мастерскую, работая в которой мы можем что-то осторожно взять и сделать для себя и воспроизвести для других.

Изменить сложившееся в России (и не только в России) неуважительно-потребительское отношение миллионов людей к Природе и ее лесам предельно трудно. Чтобы приблизиться к этой цели, очевидно, потребуется рассчитанный на ряд лет общенациональный (а лучше межнациональный) образо-

вательный процесс, обогащающий людей не только результатами научных исследований, но и многими взятыми из жизни примерами как хорошего, так и плохого обращения с Природой. В последнем случае внесение в обязательно публикуемые специальные книги имен современных антигероев-геростратов может оказать на них и их последователей более сильное сдерживающее влияние, чем параллельная пропаганда добрых дел.

Вторая из названных выше двух колонн должна посвящать себя достижению уже не глобально-стратегической цели, а решению ближних и конкретных тактических задач. Важнейшими из них, по моему мнению, являются следующие.

А. Разработка проектов долгосрочных планов развития нашего лесного хозяйства, например, на 5, 10, 15 и 20 лет. Важнейшими структурными элементами таких планов должны быть не бытовавшие ранее в подобных документах процессы незавершенного производства (типа: срубить, посадить, осушить и т.д.), а выраженные в натуральных показателях характеристики лесов, задаваемые в их динамике по субъектам Федерации, лесничествам и их хозяйственным дачам, а также величины «валового и чистого» лесного дохода.

Естественен вопрос: нужно ли строить такие долговременные планы, если каждый из живущих людей, как говорил М.А. Булгаков словами Воланда, «не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день»? Ответу однозначно: да. Потому что человек с нормальной генетикой и воспитанием социален по самой своей сути. Он не живет и не работает сам по себе, но в сообществе с другими; его интересует не только собственное благополучие, но и то, как живут другие; он помогает им и рассчитывает на их помощь; он надеется, что сделанное им при жизни не исчезнет, но останется другим, и они продолжат его дело на Земле.

Долгосрочные планы, с обозначенными рубежами результатов деятельности не одного, а многих людей, нужны в разных сферах нашей жизни, и, особенно, в лесном хозяйстве с присущими ему длительными производственными циклами. При таких сроках производства, если не обозначить его результаты в виде характеристик лесов по месту и во времени, мы рискуем потерять из виду главные цели лесного хозяйства,

а вместе с ними лишиться ценных лесов России. Чтобы такого не произошло, названные планы, очевидно, должны иметь обязательный для всех ранг законов страны.

Б. Разработка проекта закона «Основные положения (принципы) лесной политики России». Этот — «рамочный» документ. Как выяснилось при обсуждении в обеих палатах Федерального собрания последнего варианта Лесного кодекса, такие заранее сформулированные и принятые парламентом принципы Лесной политики страны совершенно необходимы. По причине отсутствия такого «рамочного» закона, процедура обсуждения нового Лесного кодекса (ЛК) прошла по сценарию, образно говоря, такой игры в футбол, при которой роль независимых профессиональных судей выполняли заинтересованные болельщики.

Разработка проекта вышеназванного закона не может быть доверена дилетантам (любых рангов), а также лицам (в том числе чиновникам и депутатам), могущим иметь личный интерес к его содержанию. Учитывая основополагающую важность этого документа, его подготовка может быть доверена только специально созданному Комитету из числа авторитетных ученых России и других стран, имеющих безукоризненную репутацию.

В. Разработка проекта нового ЛК, не противоречащего названным в п. «Б» «Основным положениям (принципам) лесной политики России». Тот вариант ЛК, что был недавно разработан правительством М. Фрадкова и затем (в конце 2006 года) принят Госдумой, заведомо не мог быть жизнеспособным. Главной из многих причин этого является то, что в названный документ, как в не дающий плодovitое потомство межвидовой гибрид (мутант), оказалась вложена противоестественная смесь принципиально разных форм экономической организации взаимодействующих частей лесного комплекса: а) рыночной экономики — в сферу заготовки, торговли и переработки древесины и б) административно-бюрократической — в лесовыращивание и во все то, что до сих пор еще ассоциируется в умах людей с разными сегментами лесохозяйственного производства.

При заданном неравенстве в экономической организации главных составляющих частей лесного комплекса, в стране не

может быть восстановлен в его эффективном виде принцип постоянства пользования лесом с вложенной в него программой ответственности перед будущими поколениями людей.

Вместо упоминавшегося нравственного императива и соответствующего ему принципа постоянства пользования лесом (в границах каждой хозяйственной дачи!) теперь в наших лесах набирает силу порожденный человеческой жадностью «хватательный рефлекс», вынуждающий работающих в лесу людей разных профессий стремиться к одному и тому же: под любыми, якобы законными предложениями (или без них!), незамедлительно рубить и продавать все, что может принести доход и прибыль сейчас. В такой ситуации, как понятно, отвечающие указанному требованию доступные для топора леса России (любых групп и категорий!) просто не могут не подвергнуться истощительным (хищническим) рубкам.

Предпринимаемые ныне исполнительными структурами власти косметические усилия по упорядочению обозначенных в ЛК процедур лесопользования, лесовосстановления, охраны лесов и самой организации официально ликвидированного государственного лесного хозяйства России практически безнадежны, поскольку, как известно, изначально кривое нельзя сделать прямым.

Опыт последних 90 лет уверенно показал, что для России развитие её общего хозяйства в русле социально ориентированной рыночной экономики не имеет приемлемой альтернативы. Соответственно, в это русло вместе со всей страной должно непременно войти и её лесное хозяйство. Четкий ответ на вопрос, как это сделать, дает всем доступный многолетний опыт, накопленный Лесным департаментом в период до 1917г.

В 1914 г. в свет вышла последняя в Российской Империи, разработанная под руководством проф. М.М. Орлова, лесостроительная инструкция с четко обозначенными целями государственного лесного хозяйства России и путями их достижения. В 1913 г. Лесной департамент закончил работу над проектом нового Лесного устава России и представил его в Государственную Думу. Фундаментом названных важнейших документов нашей отрасли была, как понятно, восстанавливаемая ныне рыночная социально ориентированная эко-

номика. Оба документа получили высокую оценку специалистов. После 1917 г. эти документы, по известным причинам, были отправлены в архив. В наше время к названным документам надо обязательно вернуться и, уже опираясь на них (точнее, на то главное, что в них вложено), осуществить разработку «Основных положений (принципов) лесной политики России», дееспособного Лесного кодекса и такой же Лесоустроительной инструкции.

14.08.2007

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

**ОБРАЩЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО
ПОВОДУ ПРОЕКТА НОВОГО ЛЕСНОГО КОДЕКСА
(2004 Г.)**

Председателю Правительства
Российской Федерации
М.Е. Фрадкову
копия: Министру природных
ресурсов РФ
Ю.П. Трутневу
Министру экономического развития
и торговли РФ
Г.О. Грефу

Уважаемый Михаил Ефимович!

Мы, представители общественно-экологического движения России, основываясь на словах Президента В.В. Путина о том, что *«Решение вопроса о Лесном кодексе должно быть ... принято в результате широкой дискуссии с ... экологическими движениями»* просим Вас дать поручение учесть в проекте Лесного кодекса, вносимого Правительством в Государственную Думу, следующие шесть положений:

1. В законопроекте должно быть четко определено, что лес — не просто государственное имущество, которому надо побыстрее найти эффективного собственника, а особо рода природный ресурс, имеющий не только экономическое, но и жизнеобеспечивающее экологическое значение — «основа жизни и деятельности народов» (ст. 9 Конституции России).

2. Тотальная передача земель лесного фонда в частную собственность является опасной для будущего России. Допускаемая законопроектом передача некоторых категорий защитных лесов в частную собственность, ослабит их

защитные и экологические функции. Не надо создавать основу для конфликта интересов собственника и общественными интересами — все защитные леса должны оставаться в государственной собственности.

3. **Неприемлемо положение законопроекта, позволяющего арендаторам ограничивать по своей воле пребывание граждан в лесах. Все лазейки для такого ограничения должны быть устранены из законопроекта. Не арендатор, а лишь органы власти могут вводить ограничения на пребывание в лесах.**

4. **Законопроект фактически не допускает существование особо охраняемых природных территорий в составе лесного фонда. Введение в действие такого Кодекса будет означать уничтожение большей части охраняемых территорий регионального и местного значения, и препятствие созданию новых. В Кодексе должна быть предусмотрена возможность создания особо охраняемых территорий на землях лесного фонда.**

5. **Законопроект ослабляет ограничения на лесопользование в защитных лесах. Это приведёт к их вырубке под видом санитарных рубок и рубок ухода и нанесёт непоправимый ущерб защитным и экологическим функциям этих лесов. Ослабление ограничений на лесопользование в защитных лесах должно быть устранено из законопроекта.**

6. **Законопроект предрешает разрушение системы управления лесами лесхозами, не отвечая на вопрос, как будет на районном уровне организована рутинная работа по охране и защите леса. В законопроекте должны быть четко определены полномочия государственных органов районного уровня по управлению лесами.**

Обращение подписано 353 общественными
организациями России

26 марта 2004 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

**НОВЫЕ ЛЕСНЫЕ ЗАКОНЫ ОПАСНЫ ДЛЯ ПРИРОДЫ
И ОБЩЕСТВА. ЗАЯВЛЕНИЕ РОДП «ЯБЛОКО»**

РОДП «ЯБЛОКО» решительно протестует против введения в действие новых лесных законов, принятых 8 ноября Государственной Думой.

Мы поддерживаем мнение ведущих экологов, ученых, экспертов о том, что новые Лесной кодекс и закон о введении его в действие будут способствовать созданию хаоса и росту коррупции в лесной отрасли, не стимулируют рачительное использование лесов, разрушают сложившуюся систему государственного управления лесами и лесной охраны, и не создают новую.

Особое беспокойство вызывает возможность приватизации лесов (в том числе пригородных), возможность застройки участков земель лесного фонда не для ведения лесного хозяйства, предусматриваемые принятыми законами. Эта приватизация затронет, прежде всего, те леса, которые имеют наибольшее значение для населения, особенно для жителей крупных и средних городов.

В соответствии с Конституцией России, природные ресурсы являются основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Новые лесные законы нарушают это конституционное положение.

Леса России являются национальным достоянием, определяющим экологическое благополучие не только нашей страны, но и всего мира. Принятые новые лесные законы несут угрозу национальной безопасности России, отдавая приоритет краткосрочным коммерческим интересам.

РОДП «Яблоко» предупреждает Совет Федерации и Президента России об опасности этих законов для природы и общества.

*Председатель РОДП «Яблоко»
Григорий Явлинский*

*Руководитель фракции «Зеленая Россия»
Алексей Яблоков*

